

**Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ**

**Г.К.Ашин.
Сравнительный анализ**

Г. Ашин

**Сравнительный анализ современных моделей
элитного образования в развитых странах Европы
и Северной Америки.**

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ЭЛИТАРНОСТЬ И ЭЛИТНОСТЬ	10
ГЛАВА 2 РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ. РОЛЬ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТ. МЕРИТОКРАТИЯ.	48
ГЛАВА 3 ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	83
ГЛАВА 4 О СОЦИОЛОГИИ ЭЛИТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	142
ГЛАВА 5 ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ. КОНКУРЕНЦИЯ ЭЛИТНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ	158
НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ	191

Введение

Элитное образование в условиях современной глобализации превратилось в мировую систему, в высокодоходную экспортную отрасль, отличающуюся высокой ликвидностью, сравнимую с отраслями, производящими энергоносители или высокотехнологическую продукцию. Но между этими продуктами существует принципиальная разница. Продавая нефть, газ и другие энергоносители, страна-экспортер теряет эти дефицитные ресурсы, по существу она грабит своих внуков и правнуков.

Напротив, торговля образовательными услугами – самая перспективная. Во первых, это постоянно возобновляемый товар (в

отличие от природных ресурсов, продавая его, государство богатеет, не теряя его). На торговле образовательными услугами США, Великобритания, Австралия, Франция, Швейцария и другие высокоразвитые страны зарабатывают сотни миллиардов долларов. Но эти страны осуществляют и огромные вложения в область образования.

Экспорт элитных образовательных услуг несет экспортерам сверхдоходы. Тут порой даже нарушается закон стоимости как оптимального соотношения между потребительской и меновой стоимостью, поскольку потребитель с толстым кошельком и готовностью платить за поступление своих детей в престижную школу или университет с высочайшим мировым рейтингом цену, намного превосходящую расходы этого учебного учреждения на образование студенту, платит за «дефицит» вакансий, который всегда существует в элитарном учебном заведении. Миллиардер и мультимиллионер готов платить за элитное образование своих детей любые деньги, руководствуясь принципом «мы за ценой не постоим», считая, что вложение в элитное образование рано или поздно оправдывает расходы, способствуя карьере любимого чада.

И деньги тут - далеко не все. На чашу весов бросается высокий ранг, влиятельные связи, громкое имя родителя. К тому же экспорт образовательных услуг обычно тесно связан с политическими задачами страны – экспортера. Великобритания, США, Франция и другие страны с элитными учебными заведениями готовы распахнуть их ворота «нужным» людям из других государств (и эта готовность остается, если абитуриент не запятнал себя слишком громкими скандалами). В период колониализма, а также период краха колониальной системы страны-метрополии принимали в элитные учебные заведения представителей элиты аборигенов, создавая из нее коллаборационистскую элиту.

Современное общество большинство нынешних политологов и социологов называют постиндустриальным или информационным порой – обществом знаний. Под ним понимается тип социального устройства, в котором главным культурообразующим центром становится производство, обработка и трансляция информации. В обществе, основанном на прочном фундаменте знаний, высшее образование приобретает приоритетную роль в развитии отдельных стран и мирового сообщества в целом. Закономерно, что в таком обществе на первый план выходят люди, владеющие этим знанием, способные применить его на практике и создавать новое знание, составляющие его интеллектуальную элиту. Среди образовательных структур этого общества особое место занимает элитное

образование, главной целью которого и является подготовка элиты знаний.

Постиндустриальному обществу соответствует экономика знаний, в которой не вещи, не движимое и недвижимое имущество и не природные, в том числе энергетические, ресурсы, составляют главные богатства общества, они уступают место новому приоритету – информации и интеллекту, производящему и обрабатывающему эту информацию. В этом обществе, войти в которое должно быть нашей стратегической целью, приоритетными являются духовные ценности, которые создают прежде всего люди, функционирующие в сфере науки и образования – научная, образовательная элиты.

Вперед вырываются те страны, которые ориентируются не на добычу полезных ископаемых, даже если их запасы велики, порой уникальны, и не на их первичную обработку, а те, национальный продукт которых – в первую очередь производство и переработка информации и производство, основанное на высоких технологиях, а, следовательно, имеющих систему образования, готовящую людей, производящих информацию и инновационные технологии. Эффективное использование знания для получения нового знания (причем нужного и ожидаемого субъектом) – это и есть оптимальное управление в современном мире. Наша система науки и образования должна быть подлинно инновационной, системой создания новых знаний и их распространения. Нам необходимо конвертировать нефтяную экономику в интеллектуальную, чтобы войти в число передовых креативных стран мира.

В постиндустриальном обществе процветающими странами являются те, которые основные доходы получают от производства и переработки информации, производства знаний и высоких технологий, а страны, которые живут еще в индустриальном обществе или, тем более, в традиционном, составляют периферию современного мира, даже если они располагают большими природными ресурсами. Необходимо учиться управлять на уровне экономики знаний, изобретать, конкурировать. Во всяком случае ни одна страна, богатая природно-энергетическими ресурсами, не совершила прорыва в передовые страны. Исключение – Норвегия – скорее подтверждает правило, т.к. она получила энергоресурсное богатство, будучи уже одной из высокоразвитых стран мира.

В обществе, где лидирует экономика знаний, особую, если не центральную, роль играют образование и наука, прежде всего *элитное образование*, тесно связанное с производством знаний и подготовкой кадров, владеющих высокими технологиями, методологией анализа информации, кадров высочайшей

квалификации, новаторов, открывающих новые горизонты перед человечеством, способом существования которого является непрерывное и быстрое развитие, когда старые знания быстро устаревают, требуется их постоянное обновление и переосмысление, требуются новые подходы, новые идеи, новые обобщающие теории.

В современном обществе информация превратилась в коллективный продукт человечества, продукт его глобализации, ставшей основным вектором исторического развития. «Индустриальная эпоха уходит в прошлое, на смену приходит эпоха глобальной информационной революции и принципиально иной информационной открытости. Стратегическим ресурсом XXI века становятся знания и умение человека пользоваться этими знаниями... самым значимым социальным аспектом глобализации стало расширение возможностей для раскрытия человеческих потенций. Мы больше не можем создавать закрытые системы и модели, будь то политика, экономика, культура, наука или образование»¹

Будущее нашей страны будет определяться не нефтяными и газовыми богатствами и вообще не сырьевыми ресурсами, а интеллектуальным потенциалом, уровнем развития науки и образования, высоких технологий. Именно по этим параметрам измеряется конкурентоспособность экономики, место страны в современном мире.

Как заявили министры образования Группы восьми (G8) на саммите в Санкт-Петербурге 2006 г., «XXI век характеризуется стремительными социально-экономическими изменениями, которые в значительной мере обусловлены достижениями в сфере науки и технологии. В современном мире знания, накопленные в сфере наук, включая общественные и гуманитарные науки, и их эффективное применение являются важными инструментами для реализации человеческого потенциала, социальной гармонизации общества и социально-экономического развития, а также повышения конкурентоспособности и улучшения качества жизни»².

Начиная с середины первого десятилетия XXI века широко распространенным термином для обозначения этого феномена оказывается «Learning society» - «обучающееся общество», или «самообучающееся общество» и добавление его дополняющее – «lifelong learning» - обучение, продолжающееся всю жизнь.³ Английский социолог Дж.Фильд не без оснований пишет о том, что хотя в британской социологической литературе множество разногласий по вопросу о характере современного общества и о том,

---

¹ А.Торкунов «Наши университеты» Российская газета, 02.06.06.

² www G8/SUMMIT 2006 Saint Petersburg, June, 1-2, 2006.

³ См.: Kuhn M. (ed.) New Society models for a New Millenium, 2007.

какой термин оптимален для его определения, но по одному вопросу существует консенсус – что термины «learning society» и «lifelong learning» являются необходимыми для современной социологии.⁴ Действительно, эти термины подчеркивают специфику информационного общества, в котором лавинообразно увеличивается новая информация, которая постоянно вытесняет старую. Это непрерывное обновление происходит со все большей скоростью. Ускоряется цикл смены старой информации новой. При этом больше всего обновляется прикладное знание, в то время как фундаментальное знание демонстрирует свою большую прочность, консерватизм, являясь главной опорой, основой преемственности знания, преемственности всего процесса познания. Еще несколько десятилетий назад науковеды утверждали, что почти полный цикл обновления знаний происходит примерно каждые четверть века, затем стали говорить, что это происходит раз в десять- двенадцать лет. Наконец, подходит время, когда учеба в школе, вузе, а тем более в аспирантуре и докторантуре, требует радикальной замены недавно полученных полученных и уже успевших частично устареть знаний. Выход видится в разных формах продления обучения, в обучении взрослых (adult education), в периодических курсах повышения уровня образования, переподготовки с отрывом или без отрыва от производства и, наконец, в новом видении образования как процесса, длящегося всю жизнь. Невольно вспоминается древний афоризм: век живи - век учись (при этом злые языки добавляют: и дураком помрешь), при этом с удовольствием иногда вспоминают еще один старый афоризм : новое - это основательно забытое старое. И если от шуток перейти к серьезному, можно утверждать, что главное в образовании- научить людей с детства учиться, прививать им стремление к постоянному самосовершенствованию и сохранить его на всю жизнь.

Образование и наука – не просто одна из сфер рыночной экономики, они требуют господдержки и преференций. Необходимо осознать коренное изменение роли образования и науки в нашем обществе, становящемся обществом информационным, осознать, что это – единственно приемлемое будущее, единственный выход их сырьевого тупика. Россия велика не тем, что она самая большая страна по территории и природным богатствам, а прежде всего тем, что эта страна с великими культурными традициями, в том числе и традициями образования.

---

⁴ Ibid.,p.211.

Образование в России – больше, чем образование, оно прямо выходит на, выработку национальной стратегии страны, в ее экспорте далеко не последнюю роль должны играть образовательные услуги. Поскольку Россия стремится вновь обрести статус великой мировой державы, теперь уже державы современного информационного общества, образование должно быть одним из приоритетов ее социального развития; основой ее экономики должна быть не торговля природными ресурсами, а информацией, информационными технологиями. России нужна конкурентоспособная образовательная система.

Министерство финансов России размышляет над вопросом о том, во что инвестировать огромный профицит российского бюджета, образовавшийся в результате роста цен на энергоносители. Подскажем ему, что его следует расходовать не на покупку сомнительных ценных бумаг США, падение курса которых уже принесло убытки около \$50 млрд. Оптимальные инвестиции – это инвестиции в человека, в человеческий капитал. прежде всего в российский. Человек – это главная производительная сила, причем, как считают сторонники теории human capital, стоимость этой силы соответственно повышается, вместе с заработной платой, качеством жизни), это прежде всего вложение в его образование, подготовку кадров, отвечающих потребностям информационного общества. ВВП страны падает (и поднимается) пропорционально инвестициям в образование. Те страны, которые недостаточно инвестируют в образование, не могут рассчитывать на динамичное развитие ВВП. Стоило Бразилии некоторое время назад уменьшить инвестиции в сферу образования, как ее ВВП упал, и пришлось срочно выправлять положение. И другой пример: Республика Корея в несколько раз увеличила инвестиции в образование, и ее ВВП растет быстро и динамично. А в рамках образовательной системы наиболее эффективной, имеющей наибольшую отдачу для общества является элитное образование (именно оно пользуется наибольшим спросом на международной арене).

В информационном обществе, в котором главной ценностью становится информация и, соответственно, «информационный человек», неизбежно возрастают требования к самой образовательной системе, продуктом которой являются люди высокообразованные, владеющие знаниями и технологиями информационного общества, умеющие развивать, приумножать их, рождать новые идеи, адекватные потребностям этого общества. Поэтому постиндустриальные страны и те, кто к ним приближается по уровню своего развития, будут постоянно и остро нуждаться в производстве высококвалифицированной элиты, меритократии,

необходимость в которой будет увеличиваться по мере их общего развития.

Особую ценность в информационном обществе имеют элиты ученых, элиты образования, элиты творцов инновационных технологий. К XXI в. пришло понимание приоритета в развитии общества интеллектуальных ресурсов, информационных и технологических новаций, и их субъектов – творцов новых идей, новых открытий, а, значит, и структур – прежде всего элитных вузов и научно-исследовательских институтов, – в которых вырастают мыслители, таланты и гении, где оттачиваются их способности, рождаются новые научные школы и направления, которые являются авангардом современной цивилизации. В традиционном обществе лидировала «элита крови», в индустриальном обществе – элита богатства, в постиндустриальном обществе эти элиты теснит элита знания. Основой ее влияния являются не многомиллионные армии, не гиганты индустрии, а структура, рождающая творцов и носителей знания – образовательная система. Именно она рождает элиту знания. Невозможно массовое производство гениев, это всегда «штучный товар», который требует индивидуального подхода. И тем важнее умение селекции, отбора талантов, заботливое отношение к ним, которое не допускает игнорирования нестандартного, выпадающего из общего «строя».

Мировая философия и социология образования все отчетливее приходит к выводу, который при поверхностном взгляде может показаться недемократическим: научный и в целом культурный, а также политический потенциал страны в современном информационном обществе определяется не столько средним уровнем участвующих в социально-экономическом процессе, сколько потенциалом (прежде всего интеллектуальным) ее культурной и научной а также политической элиты. Именно поэтому особо важная задача системы образования видится в поиске и развитии потенциальных способностей и талантов, прежде всего, подрастающего поколения. В СССР трудились более 20% всех ученых мира, но они производили в несколько раз меньше наукоемкой, высокотехнологической продукции, чем их доля в структуре населения. Впрочем, в постсоветской России производство наукоемкой продукции еще более сократилась до оскорбительного для нее уровня, который лишь немного превышает 1%, и только последние годы стал несколько увеличиваться (впрочем, темпами, которые не могут нас удовлетворить).

Образовательный процесс занимает важнейшее место в рекрутировании элиты. Повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования в той или иной стране и

непосредственно с качеством образования, получаемого элитой. Особую роль образование играет в постиндустриальном, информационном обществе, в котором огромное значение имеют инновационные способности элиты, умение нестандартно мыслить, способности к оригинальному решению проблем, многие из которых принципиально новы для человечества. Вступив в XXI век, мы в полной мере можем осознать не только важность этой проблемы, но и ее масштабность, наметить подходы к ее решению, ее практической реализации.

Пожалуй, наиболее отчетливо эта проблема осознается в наиболее развитых, продвинутых странах. Там идет настоящая охота за талантами во всех важнейших областях человеческой деятельности – в политике, бизнесе, науке, искусстве (в том числе поиски их и за рубежом). При этом инициируется «утечка мозгов» из менее развитых стран, что обрекает последние на еще большее отставание. И речь идет не только о развивающихся странах. Так, в США работают около 40000 ученых-исследователей из Европы, или 40% их общего числа.

В США, Японии и др. развитых странах одаренные дети (gifted children) «отслеживаются» государством и ведущими корпорациями, им порой платят стипендию, после окончания средней школы предлагают на выбор самые престижные университеты, одаренным детям из малоимущих семей оказывают дополнительную материальную помощь. Подобные расходы окупятся сторицей. Будет ли Россия существовать в XXI веке как великая держава или же окажется на периферии человеческой цивилизации? В современном мире получает шанс стать процветающей страной такое государство, которое создает максимальный простор для реализации творческих потенций человека, для выявления талантов и способностей людей и сумеет поставить их на службу обществу. Поэтому общество должно искать, выявлять таланты и способности своих членов и, желательно, как можно раньше, с детского возраста, развивать и пестовать их. Известно, что разнообразные способности, например, коммуникативные, среди них качества лидера, формируются уже в раннем возрасте. Для того, чтобы выявить и развить эти таланты (сфера элитопедагогики), нужны определенные предпосылки и, среди них, создание равных стартовых возможностей для представителей молодого поколения, возможностей вступить в конкурентную борьбу за получение образования самого высокого уровня, которое явилось бы ключом к восходящей социальной мобильности. Именно при этом условии к высшим, наиболее престижным позициям в обществе придут действительно наиболее

талантливые, честные люди, могущие обеспечить оптимальное управление обществом.

Любая социальная система, и особенно в условиях постиндустриального общества, нуждается в организации подготовки элиты, в системе элитного образования, желательно как можно более открытого. В современных условиях та система, которая закрывает путь наверх талантам (или хотя бы ставит препоны на их пути, недостаточно широко открывая двери социальной мобильности, неважно, по каким причинам – идеологическим, социально-классовым, национальным или иным), – обречена.

Гл.1. Понятие элитного образования. Элитарность и элитность

Термин «элитное образование» используется в литературе неоднозначно, порой в разных смыслах. Прежде всего, элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе - high quality education, иногда – elite education). Однако, это не единственное значение, которое вкладывается в это понятие. Этот термин используется и в ином смысле. Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты⁵ – политической, экономической, культурной. Во втором случае главный вопрос: кого готовят к занятию элитных позиций?⁶ Выходцев из элитных семей, из богатых и знатных, подготовку замены родителей детьми, чтобы воспроизводить элиты таким «естественным» способом? Или же следует искать одаренных детей, талантливую молодежь во всех социальных стратах общества? Первый подход – назовем его «*элитарным образованием*» – означает систему закрытого образования, раньше или впоследствии он обрекает на деградацию эту систему образования, да и саму подготовленную им элиту. Элитарное образование – это система знаний, получаемых в привилегированных учреждениях, как правило, закрытого типа, которое дает обладателю этих знаний право занимать престижное, ведущее положение в обществе⁷. Применительно к России это означало бы подготовку к элитным позициям детей высших государственных чиновников и «новых русских», имеющих возможность нанимать дорогостоящих репетиторов, причем из преподавателей элитных учебных заведений. И только второй подход отвечает

⁵ Так понимает задачу элитного образования в привилегированных частных школах Великобритании английские социологи П.Куксон, К.Ходжес (Cookson P., Hodges C. Preparing for Power. America's Elite Boarding Schools. Basic Books, 1985.)

⁶ Отметим, что на встрече В.В.Путина с представителями движения «Наши» последние рассказали Президенту о нескольких молодежных целевых программах, среди которых называлась программа «Образование для новой элиты» (Известия, 1.06.2005 г).

⁷ К таким учебным заведениям можно отнести французские учебные заведения: ENA (Ecole d'Administration Nationale), Sciences Po.

задаче создания элиты высокого качества, действительно лучших, отборных – в интеллектуальном и этическом плане. Это должна быть открытая система *элитного образования* (где критерием приема в элитные учебные заведения является уровень знаний, ум, одаренность, начитанность, креативные способности) и уже поэтому она является более предпочтительной. Причем, только открытая система элитного образования отвечает принципам демократического общества.

Изучение элитного образования является важной частью элитологии⁸, равно как и частью педагогики (оно тесно связано с понятием элитопедагогики), с философией, социологией (социологией элиты и социологией образования), с психологией образования. Поскольку в настоящее время элитопедагогика не имеет еще сложившегося статуса, науковедческой системы, способной взять на себя ответственность за теоретические обоснование и практическую реализацию элитопедагогических идей, она существует пока как одна из сторон философии элитного образования. Особое внимание элитопедагогика уделяет проблеме творчества. Кант считал, что подлинно творческая деятельность, например научная – под силу лишь таланту, но высший уровень творчества – удел гениев. Именно гении в этом плане интересовали Платона, А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, Н.А.Бердяева. Элитология призвана разработать методологические (в том числе категориальные) основы системы элитного образования.⁹ Творчество особенно необходимо, когда человечество сталкивается с принципиально новыми ситуациями, не имеющими аналогов в прошлом. Причем творчество не иррационально, не враждебно рационализму, как полагали Шопенгауэр и Ницше, оно может протекать несознательно или бессознательно, не подчиняться стандартам, но на уровне результатов может быть консолидировано с рациональной деятельностью, создавая новые ее формы, получая новый синтез из тех или иных элементов, может быть, уже известных. А исследование феномена элитного образования – совместная задача элитологии, психологии. и педагогики, синтез этих дисциплин.

Порой под термином «элитное образование» имеется в виду также образование для элиты, для выходцев из высших привилегированных классов и страт общества. Для того, чтобы не смешивать эти значения, уйти от разночтений, мы и вводим в этом случае термин «*элитарное образование*». Таким образом, элитарное образование – это образование для узкого круга, предназначенное для выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей («элита богатства»). Эта система существует

⁸ См.: Ашин Г.К. Элитология. Учебное пособие для гуманитарных вузов, М.,2005.

⁹ Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л.,Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М.,1998, с 157. Классики элитологии (такие как Н.А.Бердяев) рассматривали процесс элитизации личности как выход ее за пределы своего «Я», за пределы его возможностей (как говорят в спорте, «прыжок выше планки»).

не одно тысячелетие, она предназначена для закрепления и воспроизводства не только непосредственно знаний, но и в еще большей степени, для производства и закрепления ценностей определенных социальных групп, классов, сословий. В начале 90-х годов элитарное образование появилось в России не без прямого заказа «нового старого класса», который назвали «новыми русскими».

Для элитологии принципиально важен вопрос о степени открытости системы образования. Поскольку элитарным образованием мы называем закрытую систему образования, то термин «*элитное образование*» мы будем использовать по отношению к такому типу высококачественного образования, которое носит открытый характер, то есть им охватываются молодые люди, отличающиеся высокими интеллектуальными способностями, являющиеся выходцами из любых социальных слоев, групп, классов, где критерием отбора являются не знатность, богатство или связи, но именно интеллектуальные и иные качества личности, ее таланты.

И прежде всего следует отметить позитивные стороны элитного образования как института обучения и воспитания разносторонне развитых, креативных личностей; продуктом этого института должен быть человек-творец. Во-вторых, его важнейшая функция – подготовка управленческого слоя людей высокой профессиональной квалификации, занимающих наиболее ответственные общественные и политические посты. Элитное образование – поле конкурентного отбора наиболее способных, высокоморальных людей, выявление и воспитание талантов, коммуникационных способностей, лидерских качеств, организаторских талантов. На выходе этой системы – культурная и политико-административная элита.

Информационное общество, как мы видели, нуждается в творческих людях, новаторах, изобретателях, в людях, пролагающих новые пути в науке и других сферах человеческой деятельности. Выявление и воспитание таких людей – важнейшая задача элитного образования.

Известно, что образование тесно связано с наукой, с ее новейшими открытиями. Особенно это относится к высшему образованию. Как правило, образование отстает от науки. И ликвидировать этот разрыв или, если смотреть на эту проблему реалистически, минимизировать его, можно в том случае, если преподавание в вузах (это в наибольшей степени относится в элитным вузам) можно в том случае, если преподавать в вузах будут люди, которые сами находятся на переднем крае развития науки. как это реализуется в МИФИ, МГУ, МВТУ им. Баумана и других вузах. Интересно, что в ряде институтах системы РАН (например, в институте философии РАН) зародился встречный процесс – создания при них образовательных институтов, где лекторами являются ведущие ученые исследовательских институтов).

В системе элитного образования господствует принцип селекции, конкурсных механизмов. Причем элитные вузы в нашей стране, такие как физмат МГУ, Физтех, всегда были вполне демократическими учреждениями, они отбирали лучших из лучших по всей стране, и пропуском в них были светлая голова, талант, порой граничащий с гениальностью.

Обнаружить талант можно (и должно) почти в каждом ребенке, молодом человеке, развить его – вот подлинная сложность; для решения этой задачи потребуется все искусство элитопедагога. Большинство родителей считает, что его ребенок – яркая индивидуальность. И они правы. Элитопедагогика претворяет в жизнь персонализацию образования, позволяющая каждому ребенку в полной мере проявить себя в процессе учебы. Смысл элитопедагогике и заключается в совершенствовании, и прежде всего в самосовершенствовании личности. Социология и психология элитного образования и имеет целью исследовать генезис элитной личности, процесс становления в его сознании начал элитного мышления. Элитизация личности – стремление облагородить себя и свое окружение, свою среду. Элитарная личность (Ф.Ницше сказал бы: «сверхчеловек») формируется в процессе конкурентного отбора, и прежде всего отбора, селекции в процессе образования.

Элитарное образование направлено прежде всего на производство элитарного сознания, на философию «избранности», для элитного образования характерно меньшая роль престижности, большая – профессионализма, в нем меньше снобизма, больше демократизма.

Отметим, что термин «элитное образование» порой используют и как родовое понятие, относящееся как к закрытому, так и открытому высококачественному образованию. В этом случае придется каждый раз добавлять прилагательные «открытое» или «закрытое» (как эквивалент элитарного образования).

Заметим также, что в процессе развития образовательных учреждений различаются (а затем, особенно в современных условиях) все более расходятся два типа элитного образования – естественно-научного и гуманитарного (Ч.Сноу писал по этому поводу о дивергенции двух этих типов культур). Соответственно, можно различать также социально-политическое и общекультурное элитное образование. Их различие связано прежде всего с тем, что первое ориентировано на подготовку политико-административной элиты, а второе – на подготовку культурной элиты, создателей духовных ценностей.

Можно считать установленным, что институт образования исторически возник именно как элитарное образование, как образование для выходцев из элитных семей (подавляющее большинство населения на начальных ступенях развития общества обходилось без специальных образовательных институтов, вернее, образование было имманентной

функцией рода, племени, семьи). И лишь позднее, в ходе исторического развития институты образования становятся более широкими, более открытыми, включающими неэлитные страты общества и, наконец, институтами массовыми.

Культура всегда была более или менее дифференцированной (самая элементарная дифференциация – на развитую и примитивную, но внутри этой дихотомии есть и промежуточные градации; причем высший слой культуры и означает ее элитность) Развитая форма элитного образования всегда оказывалась связанной с распространением массового образования (в ответ на потребность индустриального общества в массовой, квалифицированной, полуквалифицированной и неквалифицированной рабочей силе). В этом взаимодействии массового и элитарного образования изменялись и развивались обе эти формы. Элитное образование с течением времен отдавало массовому часть своей проблематики. Элитное переставало быть элитным, превращаясь в массовое (порой вульгаризируясь при этом). Как писал Х.Ортега-и-Гассет, потребности и способности, которые считались утонченными, элитарными, становились массовыми, то есть омассовлялись, теряли свою былую элитарность. Так что элитарность (как и элитность), и массовость – понятия относительные, изменяющиеся.

Попутно отметим, что ступени образования (начальное, среднее, высшее) сосуществует с делением его на элитное (элитарное) и массовое: существует элитарное начальное образование (частные начальные школы с высоким уровнем обслуживания детей, высококвалифицированными педагогами); элитное среднее образование (колледжи типа Итона, готовящие учащихся к поступлению в элитные вузы – Оксфорд или Кембридж), элитное высшее образование (получаемое в элитных университетах – Гарварде, Принстоне, МГУ, Берлинском, Токийском университетах и т.д.).

Элитное образование – системное явление, выходящее за пределы традиционных представлений о качественном образовании. Это образование, отвечающее самым высоким критериям элитности, опирающееся на методологию и методику элитопедагогики, должно отвечать определенным требованиям. Прежде всего, оно воспитывает тягу к творчеству, формирует умение делать оптимальный выбор среди плюрализма возможностей. Элитный специалист – это творческая индивидуальность. Элитное образование – это одновременно и развитие личности, и формирование стойкого интереса к творческому созиданию. Бесплезно учить «раз и навсегда», через 5–7 лет такой специалист безнадежно устареет. Нужно учить не мыслям, а умению мыслить, учить не знаниям, а пониманию.

Центром элитного образования является этико–ценностная система – ядро и сердцевина культуры, это усвоение гуманистических идеалов, понимание судеб Отечества, подлинных интересов своего народа,

готовность служить народу. Элита – это ответственность, считал Х.Ортега-и-Гассет, ответственность за свое поведение, за свою страну, за мир в целом. Можно обучить профессии, но ценностям обучить нельзя. Ценностные системы вырабатываются вместе с людьми, они основываются на совести, нравственности, честности, верности своему народу, своим убеждениям.

Наконец, элитное образование предполагает, что доступность высококачественного образования должно определяться только способностями, необходимыми для его получения, оно предполагает отбор, конкурс, но основанный только на личных качествах претендента (а не богатстве или связях его родителей).

Сфера образования в индустриальном обществе непрерывно развивается, главным образом вширь, за счет массового образования. Но наряду с массовыми образовательными учреждениями развивается и элитное образование, элитные школы и вузы. В некоторых странах этот процесс протекал с сильными перекосами. Так, в России при Советской власти произошла инволюция этого процесса, когда после Октябрьской революции многие элитные средние и высшие учебные заведения были уничтожены или ушли в тень¹⁰, и лишь через несколько десятилетий возникло движение по воссозданию элитных институтов образования (это относится как к среднему, так и высшему образованию). А в целом советская школа преподавания считалась одной из самых сильных в мире, (входила в первую пятерку) и только из-за провальных для российской образовательной системы псевдореформ девяностых годов XX века откатилась в конец пятого десятка.

Понятийный аппарат теории элитного образования.

Элитное образование

(в англо-американской литературе – high quality education, реже elite education)

<p>Закрытая система элитного образования, выступающего как элитарное образование. Низкий уровень соц. мобильности. Цель – воспроизводство существующей системы социальной стратификации, прежде всего</p>	<p>Открытая система элитного образования (часто эту систему называют просто – элитное образование, опуская прилагательное «открытое», хотя оно подразумевается) Конкуренция элит по основанию</p>
--	--

¹⁰ Так, огромным культурным достоянием России XIX – начала XX века были гимназии, дававшие гуманитарное образование высокого уровня со знанием языков, как «мертвых» (греческий, латынь), так и живых (1-2 западноевропейских языка). Отличную подготовку для поступления в технические вузы, такие, как МВТУ, Московский институт инженеров транспорта, давали «реальные училища».

существующей элиты (по способностей, трудолюбия, наследству, богатству, связям – заслуг. Порой приводит к смене семейным или личным, по элит. Высокий уровень принадлежности к определенным социальной мобильности. кланам и т.п.)

Конечный продукт – статусная элита. Конечный продукт – элита достижений (меритократия).

Элитное образование востребовано, когда в обществе существует восходящая социальная мобильность, работают своего рода социальные «лифты», поднимающие на высшие (особенно элитные этажи в системе социальной стратификации) наиболее талантливых, продвинутых, ориентированных на инновационные исследования молодых людей. Если механизмы социальной мобильности отсутствуют или неразвиты, потенциальные лидеры либо уходят в контр-элиты, либо маргинализируются, их таланты остаются невостребованными, либо они эмигрируют, как это получило значительное распространение в период псевдореформ 90-х годов XX века в России.

Как мы видели, вопрос о дифференциации образования, особенно начального и высшего, совместимость этой дифференциации с принципами демократии дискутируется в мировой педагогической литературе. Так нужна ли дифференциация учреждений начального и среднего образования? Думается, что она необходима. Прежде всего, она может касаться небольшой части школ, а именно: школ для одаренных детей и школ для детей с ограниченными возможностями. В некоторых странах, например, в Великобритании (главным образом, к ситуации 20-х – 60-х г.г. XX века) при приеме в школы тестировался IQ поступающих, и в соответствии с тестом формировались параллельные классы (А,В,С...), и эта структура сохранялась до окончания школы. Во второй половине XX века, когда выяснилось, что IQ изменяется с течением времени, группы переформируются (раз в несколько лет) в соответствии с их текущей успеваемостью¹¹. Однако неравенство в среднем образовании особенно проявлялось в связи с существованием платных школ. Что касается высшего образования, тут дифференциация вузов и наличие элитных университетов вызывало меньшую критику, главным образом, критиковалась их закрытость.

С конца XX и особенно с наступлением XXI века можно зафиксировать общемировую тенденцию – стремление к демократизации образования, которое включает в себя движение от элитарного образования, ставящего людей в неравные условия конкуренции за получение доступа к образованию высшего качества, (то есть означающего дискриминацию

¹¹ Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998, с.с.41-45, 137-159, 377-388.

людей по социальным, а также национальным и иным критериям), к элитному, где образование высокого уровня дополняется его большей открытостью. Вместе с тем, следует признать, что до сих пор открытость элитного образования никогда не была полной, это именно тенденция (причем во многих странах пока еще слабая). Это как бы один из векторов всемирного образовательного процесса. Приведем еще один критерий различения элитного и элитарного образования, к которому прибегают многие зарубежные социологи (особенно социологи-практики): «В элитных школах непропорционально велика доля выходцев из высшего и высшего среднего классов и, соответственно, мала доля выходцев из семей рабочих и низших социальных страт»¹². Нельзя не отметить также то обстоятельство, что ряд социологов выражают свои опасения по поводу опасности опошления самой идеи элитного образования, не гарантирующего нас от псевдоэлиты или квазиэлиты.

Но пока мы еще не ответили на поставленный нами вопрос: справедливо ли элитное образование? Чтобы получить на него ответ, прежде всего и предлагается различение элитного (открытого) и элитарного (закрытого) образования. **Элитарное** образование – образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности, богатства, связям. Поскольку элитарное образование – образование для выходцев из узкого круга, оно, на наш взгляд, несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту общества или не могут себе позволить дать детям дорогостоящее частное образование.

Напротив, **элитное** образование, помимо того, что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что главным его критерием являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения знаний и ценностей, предлагаемых этой системой образования, необходим высокий уровень интеллектуальных способностей.

Различие между элитарными и элитными школами видно хотя бы из того, что отпрыски богатых семей, поступив в элитную школу, просто не смогут в ней учиться, если не обладают достаточными интеллектуальными способностями. Из такой школы они просто вынуждены будут уйти, поскольку в ней они «не потянут», даже если их родители и заплатили немалые деньги за их обучение. Можно видеть, что элитарное образование во многом сопряжено с системой закрытого рекрутирования элит, в то время как элитное образование – с системой открытого их рекрутирования.

Дискуссионным является и другой вопрос: правильно ли считать, что дифференциация образования и создание элитных школ служит укреплению и закреплению существующей социальной стратификации общества и уже

---

¹² Encyclopedia of Sociology, NY- Toronto-Oxford, 1992, v.2, p.537.

поэтому не отвечает принципам и нормам социальной справедливости. Или же, напротив, более корректным является утверждение, что хорошее образование – один из важнейших каналов усиления социальной мобильности в обществе, служит как своеобразный социальный лифт, поднимающий людей снизу в более высокие страты общества (большая часть современных социологов придерживается последней точки зрения).

Не предвосхищая ответ на этот вопрос, обратимся к выяснению соотношения двух рассматриваемых нами видов образования – элитного и элитарного. Можно показать, что они соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади – общая. Элитарное образование может быть одновременно и элитным, и наоборот. Собственно, элитарное образование в определенной мере почти всегда является элитным (хотя бы с точки зрения его качества). Более того, можно утверждать (и мы это рассмотрим подробнее ниже), что элитное образование исторически возникло и развивалось в рамках элитарного (иначе и быть не может в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль при этом играли способности, и все меньшую – знатность, богатство, связи родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как ее момент соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации – процессу индивидуализации.

Однако, наряду с общими элементами между элитарным и элитным образованием существуют различия, перерастающие в противоположность, и это позволяет нам классифицировать первое как несправедливое, а второе – как соответствующее современным представлениям о социальной справедливости.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию современного элитного образования и сравнительному анализу различных систем элитного образования, нам необходимо уточнить терминологический аппарат нашего исследования, уяснить феномен элиты и элитного, особенности рекрутирования элит в различных социально-политических системах, выявить генезис и историю элитного образования.

Элитное образование и социальная справедливость. Вопрос о дифференциации образования, о справедливости или несправедливости существования элитных школ довольно продолжительное время обсуждается в мировой литературе по социологии образования. В ней выявились два альтернативных подхода. Эгалитаристские критики элитного образования используют следующие аргументы: наличие элитных школ – это вызов демократии, это пережиток аристократических времен, это социальный атавизм; элитные школы вредны, потому что они ставят детей в неравные условия, потому что они воспроизводят, поддерживают и

закрепляют систему социально-классового неравенства. Собственно, аргументы критиков элитарного образования нам хорошо известны, поскольку это прежде всего марксистские критики. Их аргументы не лишены оснований. Но известно также, что эгалитаристские теории в советской педагогике нанесли значительный ущерб качеству образования в нашей стране; они делали среднее образование действительно «средним» в смысле его посредственности, единообразия, униформизма, игнорирования вундеркиндов, которые «ломают строй», и требований к педагогам обращать свое основное внимание на «подтягивание» отстающих, которые во что бы то ни стало должны получить среднее образование (так, собственно, и было в советское время, когда педагоги обязаны были обеспечить получение всеми их учениками среднего образования, что было важнейшим критерием оценки их работы вышестоящими чиновниками).

В стране, строящей рыночную экономику, люди все более четко начинают сознавать, что социальная справедливость – это не уравниловка, не равенство всех в нищете, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности отдельных личностей. Следует развести понятия: «справедливость» и «равенство», так как равенство может быть глубоко несправедливым. Это в полной мере относится к системе образования. Ведь если, к примеру, в начальной школе для всех – и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому «медведь на ухо наступил», существует единая норма – 45 минут в неделю урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость – ни по отношению к личности (не дает ей возможности развивать свои способности), ни по отношению к обществу (лишает его талантов и успехов, которые могли бы быть достигнуты этими талантами). Это псевдоравенство. Реформируя нашу систему образования, (если говорить о подлинных реформах, а не тех псевдореформах, которые разрушают сложившуюся систему, но не создают лучшую) безусловно, следует изучить и использовать богатый опыт элитного образования США, Англии, Германии, Франции, других стран и, конечно же, опыт дореволюционной России. Но, повторяем, слепо копировать этот опыт нам не следует.

Исторический опыт убеждает нас в том, что развитие образовательных систем сопровождается их усложнением и дифференциацией. В процессе нынешней модернизации российского образования среди педагогов и широкой общественности идут дискуссии по поводу того, следует ли упрощать школьную программу, освобождая детей от перегрузки, или, напротив, усложнять ее, чтобы наши дети успевали следить за новыми открытиями, новыми тенденциями в науке, готовя себя к поступлению в

вузы, в том числе элитные¹³. Этот вопрос дискутировался в известной телевизионной программе «Культурная революция»¹⁴. Выступивший в программе проф Д.Константиновский резонно заметил, что невозможно дать однозначный ответ на этот вопрос, так как школьники не представляют собой однородную массу. Действительно, для одних, отвечая их желаниям и возможностям, следует эту программу упростить, для других, напротив, усложнить. Ведь первые могут не усвоить изучаемый материал, а вторым будет скучно сидеть на уроке, где рассматривают слишком элементарные для него проблемы. Дифференцируя школьников, мы придем к решению, устраивающему всех. Выступая в этой же программе, К.Шахназаров сказал, что главным недостатком школы является то, что она не учит детей творчески мыслить.

Но пока мы еще не ответили на поставленный нами вопрос: справедливо ли элитное образование? Чтобы получить на него ответ, прежде всего и предлагается различие элитного (открытого) и элитарного (закрытого) образования. **Элитарное** образование, как мы видели – образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности, богатства, связям. Социологи обычно различают «элиты крови» (критерий знатности, господствующий в традиционном обществе), элиту богатства (критерий, основной для индустриального общества) и элиту знаний (критерий, становящийся приоритетным в информационном обществе). Поскольку элитарное образование – образование для выходцев из узкого круга, оно, на наш взгляд, несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту общества или не могут себе позволить дать детям дорогостоящее частное образование.

Напротив, **элитное** образование, помимо того, что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что главным его критерием являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения знаний и ценностей, предлагаемых этой системой образования, необходим высокий уровень интеллектуальных способностей.

Различие между элитарными и элитными школами видно хотя бы из того, что отпрыски богатых семей, поступив в элитную школу, просто не смогут в ней учиться, если не обладают достаточными интеллектуальными способностями. Из такой школы они вынуждены будут уйти, поскольку в ней они «не потянут», даже если их родители и заплатили немалые деньги за их обучение. Можно видеть, что элитарное образование во многом

---

¹³ Попутно заметим, что на этот вопрос ответил в свое время Д.И.Менделеев: школа должна готовить человека к жизни, воспитывать человека и гражданина, и, между прочим, стимулируя его стремления продолжить образование.

¹⁴ Телевизионная программа «Культура», 16 ноября 2006 г.

сопряжено с системой закрытого рекрутирования элит, в то время как элитное образование – с системой открытого их рекрутирования¹⁵.

Дискуссионным является и другой вопрос: правильно ли считать, что дифференциация образования и создание элитных школ служит укреплению и закреплению существующей социальной стратификации общества и уже поэтому не отвечает принципам и нормам социальной справедливости. Или же, напротив, более корректным является утверждение, что хорошее образование – один из важнейших каналов усиления социальной мобильности в обществе, служит как своеобразный социальный лифт, поднимающий людей снизу в более высокие страты общества (большая часть современных социологов придерживается последней точки зрения).

Не предвосхищая ответ на этот вопрос, обратимся к выяснению соотношения двух рассматриваемых нами видов образования – элитного и элитарного. Можно показать, что они соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади – общая. Элитарное образование может быть одновременно и элитным, и наоборот. Собственно, элитарное образование в определенной мере почти всегда является элитным (хотя бы с точки зрения его качества). Более того, можно утверждать (и мы это рассмотрим подробнее ниже), что элитное образование исторически возникло и развивалось в рамках элитарного (иначе и быть не может в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг людей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль при этом играли способности, и все меньшую – знатность, богатство, связи родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как ее момент соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации – процессу индивидуализации.

Однако, наряду с общими элементами между элитарным и элитным образованием существуют различия, перерастающие в противоположность, и это позволяет нам классифицировать первое как несправедливое, а второе – как соответствующее современным представлениям о социальной справедливости.

Следует сказать, что элитные вузы России прилагают усилия к тому, чтобы максимально демократизировать набор абитуриентов. Так, руководство и коллектив такого элитного вуза, как МГИМО(У) отчетливо понимают эту весьма непростую задачу, стараясь сделать поступление в МГИМО как можно более открытым. Строятся новые общежития для абитуриентов из других регионов. Для того, чтобы привлечь в МГИМО

---

¹⁵ Интересно отметить, что Чрезвычайный и Полномочный посол Португалии в Р.Ф. Жоакин Рафаэл Комейту Дуарте, посетив в апреле 2001 г. МГИМО(У) и побеседовав с его преподавателями и студентами, отметил, что по его мнению, это именно элитный, а не элитарный университет.

талантливую молодежь из отдаленных от Москвы регионов, а также талантливых молодых людей из малообеспеченных семей, вуз прибегает к внеконкурсному зачислению в МГИМО победителей всероссийских и региональных олимпиад, победителей и призеров международных олимпиад. Через интернет и региональные СМИ проводится конкурс «юных публицистов» для факультета международной журналистики МГИМО. Много лет пополняют число принятых в МГИМО студентов победители всероссийской телевизионной игры «Умники и умницы» (по 7 человек в год), а также финалисты этой игры (всего – 25–30 человек), а ныне он дополнился конкурсом, проводимым МГИМО совместно с газетой «Известия» «Три шага до мечты, или Поступи в МГИМО»¹⁶ (12 человек). Все это – определенные альтернативные каналы поступления в МГИМО. Вне общего конкурса проходят (со сдачей экзаменов) некоторое количество абитуриентов, представляющие государства СНГ.

Таким образом, мы выяснили, в чем главный недостаток и, более того, порок элитарного образования. И нам следует принять меры против существования этого явления, тем более, что оно дает о себе знать в нашей стране как в условиях былой советской системы, так и продолжает существовать в постсоветской системе, особенно в связи с введением платного образования. Мы имеем в виду престижные полузакрытые школы, в которые детей зачисляют по родительской протекции или за взятку, престижные вузы, куда несравненно большие шансы поступить имеют дети, родители которых могут нанимать дорогостоящих репетиторов (преимущественно из числа преподавателей именно этих вузов)¹⁷, одним

---

¹⁶ В 2005 г. на этот конкурс было подано более трех тысяч заявок от одиннадцатиклассников – от Охотского моря до Кипра. Первый тур – это самопредставления и небольшое эссе «Почему я хочу поступить в МГИМО». Второй – экзаменационные вопросы по истории и обществознанию. На третьем туре каждый из допущенных получил индивидуальное задание от факультета, на который он мечтал поступить. В итоге – 12 победителей конкурса из всех регионов страны, без троек сдавшие вступительные экзамены, стали студентами МГИМО. Этот конкурс – в русле проектов, которые уже ряд лет реализует МГИМО. Подводя итоги конкурса, ректор МГИМО А.В.Торкунов сказал: «У меня нет сомнения в том, что эти ребята впишутся в общую атмосферу МГИМО. Больше того, они будут составлять костяк студенчества и в исследовательской работе, и в студенческом совете. Все они представляют совершенно разные регионы России, маленькие поселки и большие города. И при этом они отлично подготовлены: хорошо сдали экзамены (даже по иностранным языкам)...многие из них посвятят себя дипломатической, государственной службе... тем, кто хочет стать международником, нужно иметь особые способности: изучать два-три иностранных языка, уметь четко и лаконично излагать свои мысли...Чтобы они через 6 лет стали грамотными, глубокими, умеющими отстаивать свою точку зрения людьми». («Известия», 09.09.2005г.) В 2006 г. конкурс «Три шага до мечты или Поступи в МГИМО» успешно продолжился.

¹⁷ По оценкам специалистов, занимающихся мониторингом экономики образования, к услугам репетиторов прибегает более 200 тысяч абитуриентов (Известия, 01.04,2004 г.). Каждый из них платит минимум тысячу долларов, а часто в несколько раз больше. Услуги

словом, при приеме в которые имеет место скорее «конкурс родителей», чем детей. Ныне положение изменилось лишь в том смысле, что место старой партократической элиты заняла элита «демократических» чиновников и бизнес-элиты. Итак, нам необходимо расширение элитного образования при отсеке элитарного – во имя развития творческих способностей личности, во имя принципов демократии и социальной справедливости, во имя процветания общества.

Отметим, что направленное на достижение большей социальной справедливости в получении образования введение для выпускников школ единого государственного экзамена, по результату которого они должны зачисляться в вузы, пока не достигло своей цели. Нам необходимо выравнивание возможностей получения всеми молодыми людьми качественного образования¹⁸, а у нас – фактическое неравенство в этом

по подготовке абитуриентов в вуз – самый консервативный и закрытый рынок теневой экономики. Намного более закрытый, чем проституция и торговля наркотиками. Отыскать сутенера и наркодилера намного легче, чем репетитора, который действительно поможет ребенку поступить в вуз (Известия, 01,04, 2004 г.). Условно всех репетиторов можно разделить на три части. Первая: новички – студенты, аспиранты, преподаватели обычных школ. В Москве их услуги стоят 200-250 рублей в час, в провинции намного дешевле. Именно эта публика дает рекламу в газету бесплатных объявлений и вывешивает свои предложения на специализированных сайтах в интернете. Вторая группа: опытные репетиторы со стажем и нужными связями. Стоимость их услуг составляет сегодня в Москве от \$30-50 за одно занятие, в других университетских городах несколько меньше. Эти репетиторы в рекламе не нуждаются, ученики приходят по рекомендации. Причем эти профессионалы гарантируют подготовку, но не поступление. Третья группа: преподаватели тех вузов, куда собирается поступать абитуриент.

Они же или их товарищи будут принимать устные экзамены и проверять письменные работы. Двухчасовое занятие стоит 40-50 евро. Помимо просветительских функций именно репетиторы являются сегодня посредниками при передаче взяток за подправленные результаты экзаменов. Цена – половина стоимости всего курса платного обучения. Ректор МГУ В.Садовничий сказал, что он противник репетиторства. Не каждая семья может нанять репетитора. Это нечестно. Но законом это не запрещено. Главное требование – чтобы тот, кто частным образом готовит абитуриентов, не принимал экзамен. (АиФ, 2001, № 25).

Критика системы репетиторства, ставящая детей в неравное положение, справедлива. Но, с другой стороны, приходится признать, что многие репетиторы серьезно поднимают уровень своих подопечных. Не в последнюю очередь благодаря репетиторству многие школьники заговорили по-английски и на других зарубежных языках.

¹⁸ Казалось бы, единый госэкзамен – решение проблемы. Тогда почему же многие ведущие вузы, которые претендуют на выращивание интеллектуальной элиты, хотели бы проводить собственные экзамены?. Чтобы не потерять гениальных детей. Вот как это объясняет ректор Московского института открытого образования А.Семенов в беседе с обозревателем «Известий» Н.Ивановой-Гладильщиковой: «У меня самого есть ученик (талантливый математик), который, получив даже очень простую задачу начинает ее рассматривать с разных сторон, строить целую математическую теорию...Но просто взять и с ходу решить легчайшую тестовую задачку он не в состоянии. Гении неудобны при всякой массовой продукции» (Известия, 10.06.2005 г.)

отношении¹⁹, связанное не только с различием материального положения абитуриентов, но и с реальной дискриминацией по географическому признаку²⁰. Поэтому нам необходима точечная государственная поддержка одаренных детей. Нужно признать, что рыночные механизмы работают не на консолидацию общества, а на его стратификацию, в том числе и в системе образования.

Рассмотрим проблему неравенства в российской образовательной системе в динамике. Над этой проблемой много лет работает группа ученых Института социологии РАН под руководством В.Шубкина и Д.Константиновского. Какие виды на будущее имеют представители разных слоев российского общества? А эпоху застоя отпрыски элитных слоев населения (дети руководителей высокого ранга и специалистов высокого класса) составляли двадцать пятую часть среди окончивших школу и поступивших в вузы. А в 90-е годы их было уже более четверти. Доля же детей рабочих и крестьян уменьшилась в два с половиной раза. «Одни дети уже на жизненном старте уступают дорогу детям руководителей своих отцов и матерей, – делает вывод Д.Константиновский. – Получается, что неравенство не только сохранилось, но и возросло. И помолодело. Образование становится привилегией!»²¹. Высшее образование превратилось в дорогое удовольствие. Дело даже не только в том, что за него надо платить. Просто далеко не каждая семья может содержать студента, особенно желающего учиться в университетском городе.

Отсутствие в регионе вузов, дающих образование высокого качества, плохое среднее образование, необходимость зарабатывать... Многие молодые люди, справедливо полагая, что главная ценность в наше время – хорошее образование, мечтающие поступить в элитный вуз, лишены реальной возможности осуществить свою мечту. Специалисты по социологии образования полагают, что таким образом формируются группы

---

¹⁹ Члены президентского Совета по науке, технологии и образованию в 2005 г. признали, что из всех российских вузов лишь около 150 дают действительно качественное образование.

²⁰ Так, школьники отдаленных регионов, отдаленных сел и деревень (особенно небольших) практически не могут поступить в престижный вуз, тем более обучаясь в школах, в которых, к примеру, учитель биологии вынужден преподавать по совместительству иностранный язык, (который он сам плохо знает) выпускники таких школ, несмотря на свои, возможно, выдающиеся способности, не смогут поступить в гуманитарный вуз по своему выбору, особенно столичный, где язык – одна из профильных дисциплин. Впрочем, имеются и позитивные сдвиги в этом отношении. Так, администрации многих субъектов РФ (например, Ярославской области) выделяют нужное количество автобусов для доставки детей из удаленных деревень в укрупненные школы, которые обеспечены квалифицированными преподавателями по всем школьным предметам.

²¹ АиФ, № 21, 2000 г.

недовольных, озлобленных, которых с радостью примут и криминальные структуры, и банды скинхедов.

Чем выше статус родителей, тем выше шансы на поступление в вузы. Способности молодого человека при этом роли практически не играют. Так формируется образовательная система, напрочь перечеркивающая саму надежду на социальную справедливость. Если молодые люди не имеют перспектив восходящей социальной мобильности, способом повышения их статуса и благосостояния могут стать деструктивные действия.

В 2002 г. в Институте социологии РАН на заседании «круглого стола» на тему «Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности» выступавшие отмечали возрастание неравенства в сфере образования по сравнению с советским обществом. Усиление социальной дифференциации общества тяжело отразилось на сфере образования, которое является зеркалом общества. В 50-х – 80-х годах наше образовательная система находилась, по данным ООН, в первой десятке, по несколько лет в первой пятерке, порой в первой тройке лидеров. После запуска первого искусственного спутника Земли западные страны, прежде всего США, пережили шок. Специальная комиссия конгресса США изучала причины отставания США в исследованиях в космосе. Было установлено, что одна из главнейших – отставание американских школьных программ от советских. К реформированию американской школьной системы были привлечены крупнейшие ученые и педагоги.

А зачем потребовалась попытка столь радикального реформирования всей системы школьного образования в постсоветское время? Очевидная необходимость была в создании новых программ и учебников по социально-политическим дисциплинам. А псевдореформа по тотальному пересмотру всей системы образования была крайне непродуктивной и провальной. Да и можно ли это было назвать реформой? Ведь подлинная реформа – это замена худшей системы на лучшую. А в результате этой «реформы» упал уровень обучения, резко снижено финансирование. И все же в этих трудных условиях, по признанию международных экспертов, российское образование, особенно элитное, остается образованием высокого качества, особенно в математике, физике, химии. Школьники России с завидным постоянством добиваются успехов на всемирных смотрах научного и технического творчества: за пять лет выступлений (1998 – 2002 г.г.) ими завоевано более 50 наград.²²

Важнейшей проблемой высшего образования в стране является проблема его платности (или бесплатности). Разумеется, принципам справедливости отвечает система бесплатного образования (или, как компромисс, хотя бы увеличение бюджетных мест. Ныне действует норма:

---

²² Только на соревнованиях в Луисвилле в 2002 г. ими были завоеваны 10 медалей. (Известия, 7.06.2002 г.). В 2006 г. победителями конкурса фонда Фулбрайта стали российские старшеклассники и студенты (Радиостанция «Россия», 23, 11, 2006).

170 бесплатных мест на 10000 населения, но существует угроза уменьшения этого количества).

Экономисты анализируют индекс человеческого развития (ИЧР), который рассчитывается (в том числе и в ООН) с учетом ВВП на душу населения, уровня грамотности и средней ожидаемой продолжительности жизни. Как видим, уровень образования является одним из базовых показателей ИЧР. По расчетам экономистов, ИЧР увеличился за последние два десятилетия в подавляющем большинстве развитых стран мира. В странах Латинской Америки, (в некоторых из в 90-х годах также проводились реформы в сфере образования), за последние 10–12 лет ни в одной из них не снизился ИЧР, реформы нигде не привели к снижению численности населения, более того, уровень грамотности и средней ожидаемой продолжительности жизни увеличились. По данным ООН, с 1990 по 2000 г.г. ИЧР упал, кроме России, еще только в Танзании, Замбии, Зимбабве, обеих Конго, Румынии и Кот-д-Ивуар. А в России ИЧР в 2001 г. был даже ниже, чем в 1980 г. (0,76 против 0,779)²³, и только незначительно увеличился в последние пять лет. И важнейшей задачей развития России в целом, в том числе ее образовательной системы, должно быть поднятие ее ИЧР.

Теперь выслушаем и другую сторону – сторонников элитного образования, среди которых преобладают специалисты по социологии образования, придерживающиеся консервативной ориентации. Их аргументы также звучат весьма весомо. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать и независимая от него система образования, в том числе альтернативного образования, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из малообеспеченных семей не могут позволить себе оплачивать дорогостоящие частные школы, то они имеют право на дотацию со стороны государства, благотворительных фондов, на стипендии, которые имеются во многих элитных школах для талантливых детей из бедных слоев общества, (увы, это не относится к российским элитным школам). Эгалитаристским критикам элитаристы отвечают, что элитные школы – это маяки образования, своего рода поле для экспериментов; эти же школы часто являются спонсорами одаренных детей безотносительно к их статусу – эти элитные школы готовы обучать самородков бесплатно и даже платить им стипендии, потому что наличие одаренных детей в привилегированных частных школах способствует подъему уровня обучения в самих этих школах, а воспитание ярких талантов выгодно для всего общества и, прежде

---

²³ Экономическая газета, 2004, № 21.

всего и непосредственно, – для спонсоров этих школ, особенно если ими являются крупные корпорации или государство, потому что выпускники этих школ являются базой для пополнения сотрудников этих корпораций, научных и просветительных учреждений, наконец, служат улучшению имиджа соответствующей корпорации и т.д. (на это сторонники эгалитарного образования отвечают, что такая политика элитных школ обескровливает муниципальные школы, понижая у них качество обучения).

Если в России в подавляющем большинстве случаев образование детей в частных школах оплачивают их родители, то в США и Канаде это не совсем так. Существуют разнообразные льготы, стипендии. Вот что говорят служащие американской образовательной системы. Р. Пенни: В независимых школах США и Канады существуют достаточно крупные фонды, создающиеся специально для финансирования тех учеников, которые не могут полностью платить за образование. Приемные комиссии большинства школ проводят колоссальную работу для того, чтобы выпускники и их родители вносили пожертвования в эти фонды. Каждый год школы активно рекрутируют учащихся из всех слоев общества. Процесс приема учеников в школу слеп по отношению к их финансовым возможностям: мы сначала смотрим на способности ребенка, а потом уже на то, каким образом сможем профинансировать его образование. К. Гарант: В США мы часто слышим, что образование в негосударственных школах доступно только самым богатым. Но государственные школы финансируются из двух источников: правительства штата и федерального правительства, И сумма финансирования зависит от того количества налогов, которые заплатил каждый конкретный район. Качественное образование очень дорого, будь оно частным или государственным. Так, если бы я жила в хорошем районе, я бы отдала своего ребенка в государственную школу. Это было бы бесплатно для меня, но деньги, которые вкладываются в такую школу – очень большие. А если бы я жила в бедном районе, я отдала бы ребенка в частную школу»²⁴

Многие американские и английские специалисты по социологии образования подчеркивают, что Итон, Харроу (элитные школы), Оксфорд, Кембридж (элитные университеты) в Англии, Гротон и Сент-Поль (элитные средние учебные заведения), университеты "Лиги Плюща", такие как Гарвард, Йель, Принстон, Колумбия в США, должны не замыкаться в себе, но, напротив, выступать моделью, к которой должна приближаться вся система соответственно Великобритании и Соединенных Штатов.

Можно заметить, что картина, рисуемая сторонниками элитного образования, пожалуй, слишком розовая, это скорее норматив, идеальная модель, расходящаяся с действительностью (особенно российской), но зато служащая определенным ориентиром для образовательной системы. Можно

---

²⁴ Известия, 22.05.2006.

и нужно, выявлять недостатки системы элитного образования в разных странах (в том числе в дореволюционной и в современной России). Вопрос заключается лишь в следующем: эти недостатки следует выявлять для того, чтобы постараться их устранять, чтобы скорректировать эту систему образования с современными потребностями общества, или же для того, чтобы его отвергнуть в целом в пользу эгалитарного, усредненного образования, которое, как мы видели, было столь характерно для СССР.

Элитное образование и элитопедагогика как инновационная система. Долгожданный приоритетный национальный проект в области образования предполагает создание основы для прорывного инновационного его развития, для укрепления конкурентоспособности нашей образовательной системы. Для реализации проекта предусматриваются меры государственной поддержки вузов и школ, особенно элитных, активно внедряющих инновационные образовательные программы, новейшие образовательные технологии, включающие дистанционные программы обучения²⁵. Информационное общество требует людей с инновационным складом мышления, с творческим отношением к труду. Это и есть элита общества, в отличие от тех, кто ограничивается репродуктивным трудом, копированием имеющихся образцов. В высшей школе инновационное мышление развивается прежде всего тогда, когда учеба (или преподавание) связано с научно-исследовательской деятельностью.

Даже после инволюционного процесса в науке и образовании в 90-х годах в России остались еще вузы и научные школы, имеющие высокие рейтинги в мировой системе образования и науки, (например, школа Л. Выготского в педагогике и психологии), необходимо, опираясь на них (и прежде всего на элитные вузы и академические институты), развивать систему образования и науки в России опережающими темпами. Наша страна имеет бесценный опыт создания уникальных образовательных структур типа Физтеха и МИФИ. Высокое качество образования было обеспечено тесной связью педагогического процесса с научно-исследовательской и практической деятельностью. Эти вузы были созданы для того, чтобы обеспечить лидерство СССР в оборонной промышленности, в ядерной и космической областях. Студенты уже в процессе обучения принимали активное участие в новейших исследованиях, приобретая бесценный опыт. И вряд ли стоит создавать бизнес-школы по западным образцам. Пока мы осваиваем западный опыт, там разрабатываются новые модели и проекты, и мы будем постоянно обречены на отставание. Лучшее решение – выработать принципиально новые, оригинальные идеи, выполнение которых может обеспечить наше лидерство в менеджменте.

В Москве в рамках программы «Русские чтения» состоялась интересная лекция профессора политологии Джорджтаунского университета Х.Балзера,

---

²⁵ ИТАР-ТАСС, 27.01.2006.

признанного на Западе ведущим зарубежным специалистом по российской науке – фундаментальной и прикладной. Небезинтересны его советы руководителям российской программы развития науки. Вузы должны в меньшей мере копировать западные модели управления образовательной системой и в большей мере использовать уроки российской истории. Он имел в виду «короткий и очень успешный капитализм» последнего десятилетия XIX века, прошедшего под знаком реформ министра финансов С.Ю.Витте и урок, который можно вывести из его политики в области высшего образования: привлекать в систему образования частный капитал и не ориентироваться на западную модель финансирования вузов. Главные проблемы в системе высшего образования он видит в коррупции (проблема № 1 в России), уменьшении количества абитуриентов в государственных вузах, ничтожную роль общества в образовательной политике, регрессивность высшего образования (впрочем, он признал, что это наблюдается во всем мире). Балзер посчитал государственное финансирование высшего образования совершенно недостаточным, больше денег нужно привлекать из частных источников (именно так поступал Витте, и ему удалось привлечь колоссальные средства в финансирование вузов благодаря тому, что он позволил предпринимателям и местной элите участвовать в образовательной политике. «Любую социальную политику невозможно проводить без обсуждения обществом. Иногда государство забывает, чьи деньги оно тратит. Если речь идет о налогах, то необходима беседа с народом о том, как их использовать»²⁶.

Важнейшая миссия современного образования – быть пространством, где начинается будущее, где зарождаются планы, стратегии, где готовятся люди, способные их реализовать. В разработке новых крупных проектов должны участвовать видные ученые, профессора и преподаватели и, обязательно, студенты и аспиранты. В эпоху интернета новые открытия, новые области знания перестают быть достоянием элиты, они омассовляются.

Одна из важнейших миссий образовательной системы – подготовка политической элиты – министров, губернаторов, высших чиновников (кстати, это один из показателей, по которому можно судить об элитности вуза). Российское агентство «РейтОР» постаралось ответить на этот вопрос, обобщив выборку, охватившую 505 человек. В него вошли правительство РФ, администрация президента (включая полномочных представителей президента в федеральных округах), Совет безопасности, руководители региональных властей. Статистика по Администрации Президента: В руководство администрации президента и Совета безопасности вошли выпускники 31 вуза. 56% получили образование в Москве, 21% – в Санкт-Петербурге, 7% в Сибири, странах СНГ, центральной и северной части

---

²⁶ Известия, 27.05.2005 г.

европейской территории России. Есть статистика по вузам, давшим по 2 и более представителей в руководящий состав АП и СБ: МГУ – 10 человек, МГИМО(У) – 7, СП(б)ГУ – 6, Московский инженерно-строительный институт – 3. По 2 руководителя воспитали Московский университет стали и сплавов, Московский лингвистический университет, Высшая школа ФСБ, Московская юридическая академия, Уральская юридическая академия МВД. Правительство РФ: В руководство министерств и ведомств РФ вошли выпускники 155 вузов: МГУ – 24 чел., Плехановская академия и Финансовая академия при Правительстве РФ – 9 чел., СПбГУ – 8 чел., МГИМО(У) – 7 чел., Санкт-Петербургский университет экономики и финансов – 7 чел., Моск. Юридическая академия – 6., по 5 – Моск. Энергетический институт, Пермский госуниверситет и Уральский юридический институт МВД. В руководство регионов вошли представители 120 вузов. Из 27 вузов, количество выпускников которых в высших эшелонах исполнительной власти составляет 197 человек, в тройку лидеров вошли МГУ, СП(б)ГУ, МГИМО(У)²⁷.

В современном мире сложился разветвленный рынок образовательных услуг, и нам есть что предложить на этом рынке, мы должны более активно включаться в этот рынок, и быть в нем конкурентоспособными, причем постоянно работать над повышением этой конкурентоспособности.

Российское высшее образование – один из главных питомников интеллигенции, которую мы справедливо связываем с высокой нравственностью, с тонким внутренним складом, с гуманизмом, с чувством справедливости, с готовностью к оппозиции к власти, если та не выражает народные интересы; такая подлинная интеллигенция и относится к элите общества.

Элитопедагогика. Центральным элементом элитного образования является *элитопедагогика*, которая выступает как педагогика инновационная; сохраняя преемственность всего лучшего, что накоплено мировой педагогической теорией и практикой. Точнее, она обгоняет то, что уже закреплено практикой, ориентируется на новаторство, на эксперимент, выявляет новые пути повышения эффективности преподавания, интенсификации процесса обучения, выявляет новые возможности развития методологии и методики педагогики, она расширяет интеллектуальные горизонты, будит творческое воображение обучаемых. Одним словом, она вырывается за пределы уже достигнутого, ориентирует на инновации, ведет к самосовершенствованию личности, ее возвышению, ее элитизации, (изучая также возможный регрессивный процесс деградации элитной личности). Она изучает способности человека, проблему его одаренности, феномен гениальности и особенно его генезис, феномен элитного сознания. Она выступает как рефлексия по поводу смысла образования, его идеала,

---

²⁷ Там же.

возвышения человека, приобщение человека к лучшему, великому, что выработала история культуры. Ее цель – раскрытие и развитие талантов личности, ее оригинальности, непохожести, приобщение к возвышенному, в противоположность утилитарно-прагматическому образованию, цель которого – приспособление человека к существующей социальной структуре, к набору определенных (предписанных) ролей, необходимых для поддержания существующей системы, которая часто ставит себя на службу правящей элиты, ассистируя в ее практике манипулирования массовым сознанием, превращения человека в элемент массы, функциональный по отношению к существующей социальной системе. Элитопедагог должен изыскивать резервы для усиления эффективности педагогических акций, помочь индивиду найти ключи к совершенствованию заложенных в нем задатков, развивать их.

Природа человеческих способностей является проблемой в высшей степени дискуссионной. Известно, что еще в XVII в. развернулась полемика между рационалистами (учение Декарта о врожденных инстинктах) и эмпириками (теория Декарта о том, что разум при рождении ребенка – это *tabula rasa* (чистая доска), что знания рождаются из человеческого опыта. Думается, что более правильную позицию в этой полемике занял Г. Лейбниц, который, будучи рационалистом, тем не менее наметил определенный компромиссный путь в решении этой проблемы, заключающийся в том, что человек обладает не врожденными идеями (тем более в готовом виде), а скорее определенными предрасположенностями, задатками, которые под влиянием опыта как бы яснее проступают, и осознаются людьми (то есть они имеются в разуме не в готовом виде, а реализуются в процессе человеческой деятельности, обладая в разуме (во всяком случае при рождении ребенка) вначале виртуальным, а затем и реальным существованием).

Продолжая и развивая идеи Локка, К.А. Гельвеций утверждал, что посредством воспитания можно сформировать гениальность (идея весьма спорная). Более столетия назад получили известность работы Ф. Гальтона, который, ссылаясь на эволюционную теорию Дарвина, определенным образом истолковывая ее, утверждал, что совершенствование человеческой природы возможно путем выведения на основах генетики расы людей, особо одаренных умственно и физически.

Эта полемика продолжается и поныне. Одни ученые (прежде всего биологи, психологи), утверждая биологическую (генетическую) обусловленность способностей, продолжая традицию, идущую еще от Сократа, доказывая, что обучение и воспитание могут лишь сократить срок их созревания и проявления. Для того, чтобы оценить роль среды и наследственности в развитии способностей, генетики применили «близнецовый метод» (сравнение показателей в развитии способностей однояйцевых близнецов).

Психологию, исследующую проблемы творческих способностей человека, выявление и развитие этих способностей, исследующую феномен гениальности, с полным основанием можно назвать элитологической психологией. Педагогическая психология выделяет людей, наиболее способных к обучению, и тех, кто с трудом переносит «воспитательное издевательство» над собой; она выявляет, как помочь человеку, прежде всего молодому человеку, создать для него оптимальные возможности максимального конструктивного интеллектуального развития, духовного совершенствования. Это тоже может быть классифицировано как элитологическая психология и элитопедагогика

Школа отечественной психологии (Б.М.Теплов, А.Н.Леонтьев и др.) не отрицает врожденности задатков, которые имеют большое значение для развития способностей. Но сами по себе задатки не гарантируют, что у человека разовьются те или другие способности. Их развитие зависит от социальных условий, к числу которых можно отнести особенности воспитания, потребности общества в определенных видах деятельности и, разумеется, особенности системы образования (особенно элитного). Развитие человеческих способностей начитается с рождения ребенка и продолжается до конца его жизни (недаром ныне такой популярностью пользуются концепции непрерывного образования).

Элитопедагогика – это прежде всего инновационная педагогика, которая стремится использовать и интегрировать новаторские идеи в педагогической мысли. Преподаватели ставят перед студентами многочисленные задачи, включая усвоение учебного материала, овладение основными навыками обучения, осознание нравственных целей. Но список приоритетов всегда возглавляет умение мыслить. На развитие мышления ориентированы системы обучения, решение задач, особенно сложных, критический анализ текстов, рассуждение.

Учителя в массовых школах, в частности американских, признают исследователи образования в США, редко помогают ученикам устанавливать связь между фактами и идеями. По их наблюдениям, лишь 1% объяснений учителя побуждают подростков к таким ответам, в которых содержится рассуждение или собственное мнение.²⁸ Но педагогу важно научить умению аналитически мыслить, способствовать созданию в классе (академической группе) атмосферы, которая стимулировала бы творческое, эффективное мышление, развивало креативные способности учеников. Психологи обычно особое внимание уделяют выявлению способностей к лидерству (а также к суггестии и следованию за лидером, мотивации к лидерству, стремлению к власти, к восходящей социальной мобильности, попаданию в элиту).

Нужны ли школы для одаренных детей? Непременно нужны. Есть дети, у

---

²⁸ Эллис А. Как научить ребенка мыслить// Перспективы гуманитарного образования в средней школе. Доклады российско-американской конференции, М.,1992, с.47.

которых интеллект значительно превосходит интеллект других, выше общий культурный уровень, наконец, дети, у которых феноменальная память, и те, у которых повышенная сообразительность, дети, которые отвечают на вопрос учителя раньше, чем тот успел его сформулировать.

Кстати, как реагируют на появление в классе такого ученика? Некоторых он раздражает (порой к ним относится сам педагог), некоторые ему завидуют, а порой поколачивают. Педагог должен установить гармоничные отношения в своем классе. Одни с огромным трудом справляются с изучением одного языка, другие овладевают тремя. Что же делать? – Дифференцировать учебные заведения и программы, насколько это возможно.

Для элитопедагогике важнейшая задача – выявить способности и таланты ученика, развить их, проявить уникальность своей личности, оптимально воспользоваться своим «внутренним багажом», суметь выразить себя, по возможности полностью реализовать себя как творческую личность. Наиболее широкую известность получила концепция самореализации личности знаменитого психолога русского происхождения А.Маслоу²⁹. Причины, могущие помешать самореализации личности самые разные: не смог состояться, выразить себя в профессиональной деятельности, не получил общественного признания, не состоялся как муж, как отец, помешали проблемы со здоровьем и т.д. Как справиться с мучающей проблемой самовыражения личности? Как поверить в свои силы, неуклонно идти вперед к выполнению своих планов? На протяжении веков человек не только боролся за существование, он непрерывно совершенствовал общество и самого себя.

А.Маслоу представлял себе самореализовавшегося человека не как индивида, которому что-то добавили, а скорее как человека, которого ничего не лишили. Он считал, что учитель или культура не создают человека, они не насаждают в нем способность любить или быть любопытным, философствовать и создавать символы. Скорее они создают среду, которая благоприятствует, побуждает, помогает тому, что уже существует в возможности, или, лучше сказать, в зародыше. Как это похоже на сократовскую маевтику, которая представляется моделью элитопедагогике!

Человек творит самого себя, он – кузнец своего счастья, И ребенок, и молодой человек обретают свою сущность, уже существуя, считают экзистенциалисты, в частности, Ж.-П Сартр, нет заданной человеческой природы, никакая внешняя сила, никто кроме данного индивида не может осуществить его превращение в человека в высоком смысле этого слова. Человек – своего рода проект, который реализуется или не реализуется, и процесс обретения человеком своей сущности может длиться всю жизнь. Жить и творить, реализовывать свои потенции – его выбор. Обычно трудный, полный драматизма. Настоящий человек чувствует ответственность за себя, за своих друзей, за общество, в котором он живет,

---

²⁹ См.: Маслоу А. Теория мотивации и личность, СПб,1999.

и, в определенном смысле, за весь мир. Его честный, мужественный выбор можно назвать процессом элитизации.

Крупнейший немецкий экзистенциалист М.Хайдеггер пишет о тенденции современного общества к усередненности, конформизму людей, их стандартизации, пишет о господстве «Ман» (неопределенного личного местоимения, причем пишет его с заглавной буквы). В современном мире конформизм, заурядность – судьба большинства людей, пишут теоретики «массового общества»³⁰, которое требует для выполнения своих функций «хорошо обструганных, стандартизированных людей, ориентированных на выполнение предписанным им ролей. Таков механизм социального контроля, в «массовом обществе», плодящем массу, ориентированную на заданные стандарты поведения, предписывает конформисту проживать в определенном районе, потреблять то, что потребляют его «равновеликие» соседи. Общество – эшафот, на котором отрубается индивидуальность человека, – писал немецкий социолог Р.Дарендорф. Продвижение наверх меньше зависит от того, чем кто-то является, чем от того, что о нем думают другие. Ключ к успеху – произвести благоприятное впечатление на окружающих и использовать его для продвижения «наверх». Но это путь псевдоэлиты. Человек элиты должен бороться за сохранение своей индивидуальности, своей «особости», идентичности, быть твердым в своих убеждениях. Элитное образование призвано развивать индивидуальность, сильные стороны характера человека, независимость и оригинальность его мышления.

Какую роль в этом процессе играет в этом процессе школьная система? В конце 60-х и в 70-х годах прошлого века – время протестного молодежного движения в США, Франции, ФРГ и других западных странах были очень популярны книги леворадикального критика современного общества И.Илича (хорвата, большую часть жизни проведшего в США). Прямо к нашей проблеме относится его книга «Освобождение от школ» (Disschooling). Илич полагал, что современная школьная система играет крайне отрицательную роль в обществе. Несмотря на явно агрессивный заголовок его книги, Илич не считал, что школы нужно немедленно уничтожить. Он ставит вопрос по-другому – насколько можно доверять школам, особенно государственным. Он не только боролся с монополией государства на образование, он требовал лишить все существующие ныне школы монополии на образование, на трансляцию знания молодому поколению. В школах царят авторитарные, даже тоталитарные методы преподавания, которые глушат инициативу ребенка, требуют от детей зубрежки, вдалбливают им в голову то, что учитель считает правильным (а вернее, то, что предписано ему государственными программами), порой ту информацию, которая ему не нужна, навязывает методы школьного

---

³⁰ См. подробнее: Г.Ашин. Доктрина «массового общества», М.,1971.

обучения, в которой послушание и зубрежка поощряется высокими баллами, а непослушание грозит репрессиями вплоть до исключения из школы. Так пусть молодой человек сам выбирает что ему учить, чтобы реализоваться как личности.

Школьник бесправен, у него не спрашивают, чему он хочет учиться, ему навязываются знания, функциональные по отношению к существующей социальной системе. С ним не советуются по поводу предметов обучения или методов обучения, они даются ему «сверху». Молодого человека 15-17 лет, то есть уже в основном сформировавшегося как личность считают объектом обучения. Но подлинное обучение должно быть субъект-субъектным, диалоговым. Это должно быть не уроки освоения материала, предложенного учителем, а обсуждением проблем, интересующих обе стороны. Обучение должно проходить в форме бесед, диалогов, проходить в непринужденной, дружеской атмосфере.

Большинство детей с теплотой вспоминают о своих школьных годах. Но это – не благодаря школе как институту, а благодаря друзьям, которых они там находят, благодаря хорошим учителям, добрым, эрудированным, особенно благодаря неформальному общению с ними. А формализованная школьная структура, как правило, выступает помехой образовательному процессу. В школьных программах частности порой заслоняют общее, главное, школьные правила связывают педагога по рукам и ногам, они диктуют педагогу, что он должен делать и как делать. И пока школа – тюрьма для детей. Школа мешает человеку выбрать свой путь в жизни, стать свободным. Почему человек не сам решает, что ему учить и как ему учиться? Отдельные талантливые дети могут пройти за год трехлетнюю программу и сдать экзамены экстерном. Это относится и к вузовскому образованию³¹.

Илич – за максимальную свободу для учителя. Он против обязательных, навязанных сверху планов, школьных журналов, системы оценок. Он не только требовал освободить школы от формализма, он требовал не реформы школ (они принципиально не реформируемы), а ликвидации школьной системы образования.

Однако вернемся непосредственно к элитопедагогике. Элитопедагогика толкает человека выйти за свои пределы, «перепрыгнуть самого себя». Неплохо сформулировал то, что мы называем элитопедагогикой, профессор М Барбер (с июня 2001 г.– глава отдела государственных служб при премьер-министре Великобритании). Именно Барбер добился, чтобы школа оценивалась по сумме индивидуальных успехов учеников: «...за что обычно ставится оценка? За то, что ребенок усвоил какой-то определенный раздел материала. У нас же оценивается то,

---

³¹ Заметим, что академик Я.К.Зельдович, создатель теории горения, детонации, ударных волн, в 1939 г. совместно с академиком Ю.Б.Харитонов впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана, хотя он не имел формально высшего образования.

насколько ученик смог превзойти самого себя. Имеет значение прежде всего его «личный» прогресс. И только при итоговом тестировании детей сравнивают друг с другом. Это черта англосаксонского подхода – профилирование ученика, а не школы или группы³². Элитопедагогика считает необходимым развитие интеллекта ребенка с самого рождения. Если дети проявляют необыкновенные по отношению к своему возрасту способности, их следует развивать с особой тщательностью.

Особая проблема – вундеркинд. Вундеркинд – это щедрый подарок обществу. Но вундеркинд – это и сложная проблема для общества. Ему скучно в школе, если он не получает ответа на возникающие у него вопросы. У вундеркинда, который все схватывает на лету, много свободного времени. И если его не загрузить дополнительно, это может привести к деградации его развития³³, к ситуации, в которой он может выпасть из коммуникации, т.е. общество не только потеряет потенциальный талант, но может породить асоциальное поведение.

По-видимому, нужно создать несколько лабораторий диагностики детей с ускоренным развитием. Психологи – специалисты по возрастной психологии могут рекомендовать ребенку и его родителям, в какую школу и в какой класс ему лучше поступить, хотя маловероятно, что такой школой окажется ближайшая к его дому. Это относится и к высшим учебным заведениям, их математическим и иным факультетам.

Вундеркинды, которые решают математические задачи лучше студентов (а порой выпускников) математических вузов, пишут стихи лучше многих профессиональных поэтов, восхищаются исполнением фортепьянной или скрипичной музыки, дирижируют симфоническими оркестрами (как Моцарт), чрезвычайно редки. Но наблюдения показывают, что большинство вундеркиндов превращаются в обычных людей. 90% юных талантов не оправдывают ожиданий, большинство из них к 16-18 годам превращаются в обычных подростков, иногда талантливых чаще просто подающих надежды. И, по подсчетам психологов и педагогов, лишь около 10% оправдывают эти надежды и становятся выдающимися музыкантами, художниками, учеными, и некоторые – гениями, как Моцарт, как К.Гаусс, как Н.Винер.

В России, как и в других развитых странах, вундеркиндами, как правило, занимаются специалисты. Создаются специальные школы для одаренных детей³⁴.

---

³² Известия, 02,11, 2002.

³³ Знаменитый изобретатель Т.Эдисон не без основания утверждал, что гений – это на 99% потение и 1% вдохновения.

³⁴ Н.Иванова-Гладильщикова в статье «Пансион для гениев» описывает создание в лесном массиве Подмоскovie строительство школы-интерната «Интеллектуал» – государственного бесплатного пансиона для одаренных детей. В школе создаются кабинеты математики, информатики, компьютеризированный кабинет аналитической химии с прекрасной

Интересный взгляд на формирование культурной элиты развивает математик М.А. Цфасман. «В различные исторические эпохи элитное образование являлось формообразующим для культуры той или иной страны, да и для всей мировой культуры в целом»³⁵. Элитные учебные заведения Великобритании – паблик скулз, университеты Оксбридж создали социальную, политическую, гуманитарную и научную среду в этой стране, grandes ecoles – во Франции, МГУ и Физтех – в России. Культурообразующий компонент значительно важнее для общества, чем его успехи в развитии технологий. Сохранение и развитие научно-культурной среды можно представить себе в виде набора концентрических окружностей. Внешняя – это общество в целом. Далее идут люди с университетским образованием, причем лишь меньшая часть их часть

лабораторией и кабинет синтетической химии с лабораторией. Целый этаж – гуманитарный: шесть лингафонных кабинетов для занятий иностранным языком, кабинет истории, устроенный амфитеатром, лекционные аудитории (в школе будет кафедральная система, позволяющая приглашать вузовских преподавателей). Психологи считают, что ранняя односторонняя специализация редко дает положительные результаты, и поэтому здесь даются возможности выбора. Ученикам даются базовые знания, а затем вместе с учеником выбирается его специализация. Индивидуальные планы и спецкурсы подразумевают индивидуальный подход к каждому ребенку. На вопрос: «К вам могут поступить одни гении?» директор школы Е.Маркелов отвечает:– «Нет, конечно. Есть общая одаренность (она встречается часто), и есть некие эксклюзивные способности. Это когда ты начинаешь фразу, а ребенок ее заканчивает. Я не знаю, как это получается... Одна из наших задач – социализация особо одаренных детей. Познавательный интерес является основным критерием отбора. Плюс достаточно высокий базовый уровень. На вступительных экзаменах мы в первую очередь проверяем базовые знания. И начинаем с математического теста. Математика является главным системообразующим предметом в нашей школе. А после этого даем 4 задания, из которых можно выбрать два: математику, биологию, историю или филологию. На втором этапе испытаний психологи выясняют творческие возможности ребенка».– Оставаться ночевать обязательно? – «Нет. Но все-таки расписание составлено под интернатское проживание» (Известия, 29, 03, 03).

За последние три года школа-интернат «Интеллектуал» еще более окреп. Прием – через собеседование и экзамены – по математике русскому языку и любой науке по выбору. На 183 ученика – более 50 кружков (только кружков биологических 10 – по ботанике, эволюционной биологии и т.д., естественно, с разными программами), многие занимаются сразу в нескольких кружках. Классы – от 14 до 20 чел. В год проводится 5-7 конференций (для желающих), с приглашением представителей других школ, встречи с интересными людьми. Все учителя занимаются научной работой. Индивидуальный подход к ученикам стал принципом обучения. Урок строится не по формуле: «запомни и повтори», а «подумай и реши». Домашние задания – также нестандартные, «на выдумку». Каждый получает персональные задания, особенно рассчитанные на долгий срок. Школьники стараются принять участие во всех олимпиадах.

Ныне школы для одаренных детей создаются во многих регионах России. Отметим, что в августе 2006 года первый вице-премьер правительства России Д.Медведев посетил уфимскую школу-интернат для одаренных детей (АиФ, № 33, 2006).

³⁵ Цфасман М.А. Элитное образование как элемент национальной и мировой культуры. <http://www/mathsoc/spb.ru/forum/tsfasman/html> 20.04.2006.

работает в области науки и высшего образования. И, наконец, внутренний круг – те, кто определяет направление развития науки– ее элита. Как избрать достойнейших из достойных? Для этого есть система специализированных средних школ, например, математических, система олимпиад. Отбор осуществляется с помощью системы экзаменов У этой системы есть недостатки. Хорошо, если из миллиона школьников одного года выпуска мы получим по три-пять великих ученых. Если, по чистой случайности, мы отсеем хотя бы одного из них, потеря едва ли восполнима. Поэтом следует предоставить возможность исправить случайный провал, пересдать экзамен. Система подготовки рассчитана на огромный отсев, Желательно, чтобы студенты отсеивались сами; для них следует создать «запасные аэродромы», именно они и создают тот следующий круг, без которого не может существовать элита. Ученого формирует среда, прежде всего – научная элита в составе профессоров и одаренных студентов. Важно, чтобы процесс научной работы происходил с самого начала на глазах студентов и аспирантов. Возникает трудный психологический вопрос: ученый мирового уровня привык знать больше и соображать быстрее, чем студент или аспирант. В элитном университете это уже не так. Многие наши студенты способнее своих учителей, многие аспиранты и знают больше в отдельных вопросах. Учить ученого надо от рождения до смерти, ну, в крайнем случае, от поступления в школу до Нобелевской премии.³⁶

Одаренные дети. Элитопедагогика начинается с выявления одаренных детей (О.Д.) и молодых людей и нахождения оптимальных путей развития их способностей и талантов. Разумеется, воспитание одаренных детей не ограничивается отношением: педагог– ученик. Оно опосредуется социальной средой в целом и ее элементами, больше всего воздействующими на ребенка (среди них – родители и семья в целом). Счастливы те из одаренных детей, родители которых способствуют развитию их способностей и талантов. Но весьма часто родители, любя своих детей, препятствуют их гармоническому развитию. Можно выделить два основных типа подобных родителей. Одни постоянно восторгаются своим ребенком, преувеличивают его достоинства, прилюдно называя его гениальным ребенком, балуют его, нравственно развращая его, он привыкает видеть себя центром мира, вырастает самовлюбленный эгоист, высокомерно относящийся к другим людям. Когда он поступает в школу, эти родители заставляют его непременно иметь отличные оценки по всем предметам, ограничивают его время для развлечений, невольно прививают ему отвращение к учебе. Другой тип родителей составляют те, кого беспокоит или раздражает непохожесть их ребенка на других детей, они

---

³⁶ Цфасман М.А. Элитное образование как элемент национальной и мировой культуры. <http://www/mathsoc/spb.ru/forum/tsfasman/html> 20.04.2006.

хотят, чтобы их ребенок был «таким, как все»³⁷. К сожалению, подобную позицию занимают и плохие педагоги, которые откровенно третируют «слишком продвинутых» детей, которые постоянно задают ему трудные вопросы, на которые тот порой ответить не может, которые ставят его в тупик. Неуверенные в себе педагоги стараются «поставить на место» таких детей, постараться «срезать» их, и уж во всяком случае они не стимулируют развитие их пытливости. Порой сверстники также негативно относятся к «выскочке», он чувствует их недоброжелательность из-за его «инаковости», непохожести на других. Одним словом, довольно часто одаренным детям живется достаточно сложно. Педагог должен обладать тактом, чтобы, не указывая ребенку на его уникальность, развивать его неординарные качества, одновременно не делая своего ученика высокомерным по отношению к сверстникам, он призван разрабатывать методические и технические проблемы выявления и поддержки одаренных детей.

Выявление одаренных детей – весьма непростая проблема. Легче всего выбрать в качестве критерия одаренности интеллектуальный коэффициент (IQ) и абсолютизировать его. Но это – лишь один из искомым критериев. Очевидно, что IQ не может быть основой определения одаренности юного музыканта или художника (для этого необходимы специальные программы диагностики и развития соответствующих талантов). Педагоги и психологи значительно расходятся в оценках количества одаренных детей: некоторые называют цифру 3-7% от общего количества детей, другие считают, что их менее 1%, (что зависит прежде всего от трактовки самого понятия «одаренные дети»). Но ясно, что одаренные дети и молодые люди – ценнейшая составляющая интеллектуального потенциала человечества, поэтому так важно распознавать ОД, создавать условия для развития их незаурядных качеств, направляя это развитие в сторону креативности.

Как правило, ОД отличаются остротой мышления, наблюдательностью, исключительной памятью, любознательностью, трудолюбием. Они много читают, и чтение дает им богатый словарный запас, знание сложных грамматических и синтаксических структур и, что особенно ценно, стимулирует творчество, креативность. Гений – это огромная одаренность и огромный труд по ее развитию, реализации своих творческих потенциалов. Гений, лишенный трудолюбия, это не гений. Часть ОД отличается коммуникабельностью, лидерскими качествами, часть ОД –

---

³⁷ Американский исследователь феномена одаренных детей К.Тэкэкс считает такое явление проявлением общей атмосферы антиинтеллектуализма, характерной для американского общества, в результате которого страдают не только родители, но и сами дети, что крайне негативно сказывается на их самооценке и в конечном счете на формировании личности (См.: Одаренные дети, перевод с англ., М., 1991). Автор призывает исправить эту несправедливость, которое порой допускает общество по отношению к одаренным детям. А нам следует признать, что данное явление не является только специфической особенностью американского общества.

интроверты, они замкнуты, погружены в себя, иногда близки к аутизму. И очень важна направляющая рука опытного педагога, руководителя, помогающая ОД развивать свои таланты. Общество крайне заинтересовано в том, чтобы не пропал ни один потенциальный талант уж тем более гений.

Оценку творческих способностей – важнейшей составляющей ОД, – сдерживает неопределенность самого этого понятия и его критериев. Отсюда и разноречивость в данных многочисленных психологических исследований. Измерения IQ, тесты на определение вербальных и невербальных способностей показывают, что численность ОД колеблется в пределах 2–7 % от общего количества всех дошкольников и школьников. При всех особенностях ОД у них гораздо больше общего с их сверстниками, чем отличий, и эти отличия к лучшему (если ОД не ведут себя высокомерно по отношению к сверстникам).

В США существует общенациональная и региональные программы работы с одаренными детьми. Интересна программа выявления ОД и социальной, психологической, педагогической поддержки их, составленная группой исследователей Университета штата Иллинойс под руководством М.Карне. Программа предусматривает подбор группы детей-дошкольников с опережающими их возраст умственными, творческими и иными способностями. Работа с этими детьми индивидуализирована, большая часть времени отводится тем видам познавательной и иной деятельности, которые представляют для каждого наибольший интерес; вместе с тем, педагогами реализовывалась стратегия расширения круга интересов ребенка³⁸. Педагоги исходят из того, что потенциальные ОД могут так никогда и не раскрыть своих творческих способностей по разным причинам (в том числе недостаточного стимулирования развития этих способностей или отсутствия учителей, могущих направить развитие потенциального таланта в конструктивное русло). Существует специальная программа развития одаренных детей школьного возраста. Она предоставляет им возможность более глубоко вникать в задания обычной учебной программы, предоставляя им дополнительные материалы и дополнительное время для более обучения. Обучение идет по индивидуальной программе для каждого школьника, отвечающей их индивидуальным интересам и запросам.

Но в обычных школах США дело обстоит иначе. Учителя в массовых американских школах, признают исследователи образования в США, редко помогают ученикам устанавливать связь между фактами и идеями. По их наблюдениям, лишь 1% объяснений учителя побуждают подростков к таким ответам, в которых содержится рассуждение или собственное мнение³⁹. Но педагогу как раз важно научить умению аналитически мыслить,

---

³⁸ Одаренные дети, М., 1991, с.196.

³⁹ См.: Перспективы гуманитарного образования в средней школе. Доклады российско-американской конференции, М.,1992.

способствовать созданию в классе (академической группе) атмосферы, которая стимулировало бы творческое, эффективное мышление.

Для элитопедагогики важнейшая задача – выявить способности и таланты ученика, развить их, проявить уникальность своей личности, оптимально воспользоваться своим «внутренним багажом», суметь выразить себя, по возможности полностью реализовать себя как творческую личность. Наиболее широкую известность получила концепция самореализации личности знаменитого психолога русского происхождения А.Маслоу. Причины, могущие помешать самореализации личности, писал он, самые разные: не смог состояться, выразить себя в профессиональной деятельности, не получил общественного признания, не состоялся как муж, как отец, помешали проблемы со здоровьем и т.д. Как справиться с мучающей проблемы самовыражения личности? Как поверить в свои силы, неуклонно идти вперед к выполнению своих планов? На протяжении веков человек не только боролся за существование, он непрерывно совершенствовал общество и самого себя. Интересно, что А.Маслоу представлял себе самореализовавшегося человека не как индивида, которому что-то добавили, а как человека, которого ничего не лишили. Он считал, что учитель или культура не создают человека, они не насаждают в нем способность любить или быть любопытным, философствовать и создавать символы. Скорее они создают среду, которая благоприятствует, побуждает, помогает тому, что уже существует в возможности, или, лучше сказать, в зародыше. Как это похоже на сократовскую маевтику, которая, на наш взгляд, может служить моделью элитопедагогики!

Человек творит самого себя, он - кузнец своего счастья, И ребенок, и молодой человек обретают свою сущность, уже существуя, считают экзистенциалисты, в частности, Ж.-П Сартр, нет заданной человеческой природы, никакая внешняя сила, никто кроме данного индивида осуществить его превращение в личность. О сам несет ответственность за превращение себя в человека в высоком смысле этого слова. Человек – своего рода проект, который реализуется или не реализуется, и процесс обретения человеком своей сущности может длиться всю жизнь. Жить и творить, реализовывать свои потенции – его выбор. Обычно трудный, полный драматизма, и настоящий человек чувствует ответственность за себя, за своих друзей, за общество, в котором он живет, и, в определенном смысле, за весь мир. Его честный, мужественный выбор можно назвать процессом элитизации.

Крупнейший немецкий экзистенциалист М.Хайдеггер пишет о тенденции современного общества к усередненности, конформизму людей, их стандартизации, пишет о господстве «Man» (неопределенного личного местоимения, причем пишет его с заглавной буквы). В современном мире конформизм, заурядность – судьба большинства людей, пишут теоретики

«массового общества»⁴⁰, которое требует для выполнения своих функций «хорошо обструганных», стандартизированных людей, ориентированных на выполнение предписанным им ролей. Таков механизм социального контроля в «массовом обществе», плодящем массу, ориентированную на заданные стандарты поведения, предписывающий конформисту проживать в определенном районе, потреблять то, что потребляют его «равновеликие» соседи. Общество – эшафот, но котором обрубается индивидуальность человека, – пишет известный немецкий социолог Р.Дарендорф. Продвижение наверх меньше зависит от того, чем кто-то является, чем от того, что о нем думают другие. Ключ к успеху – произвести благоприятное впечатление на окружающих и использовать его для продвижения «наверх». Но это путь псевдоэлиты. Человек элиты призван бороться за сохранение своей индивидуальности, своей «особости», быть твердым в своих убеждениях. Элитное образование и призвано развивать индивидуальность, сильные стороны характера человека, независимость и оригинальность его мышления. Элитопедагогика считает необходимым развитие интеллекта ребенка с самого рождения. Если дети проявляют необыкновенные по отношению к своему возрасту способности, их следует особенно опекать органам образования, создавать им условия для развития их талантов, привлекать к участию в олимпиадах, давать им гранты и т.д., оказывать им материальное, если они живут в необеспеченных семьях, оказывать им материальное содействие.

Вундеркинды, которые решают математические задачи лучше студентов (а порой выпускников) математических вузов, пишут стихи лучше многих профессиональных поэтов, восхищаются исполнением фортепьянной или скрипичной музыки, дирижируют симфоническими оркестрами (как Моцарт). Но наблюдения показывают, что большинство вундеркиндов превращаются в обычных людей. 90% юных талантов не оправдывают ожиданий, большинство из них к 16-18 годам превращаются в обычных подростков, иногда талантливых, чаще просто подающих надежды. И, по подсчетам психологов и педагогов, не более 10% оправдывают эти надежды и становятся выдающимися музыкантами, художниками, учеными, а некоторые – гениями, как И.С.Бах, Л.Ван Бетховен, как К.Гаусс или Н.Винер.

Многие бихевиористы полагают, что все равны перед природой и стоит найти квалифицированного педагога, и их самоотверженный труд даст нужные результаты. Но стоит ли (и нужно ли) пытаться превратить в профессионального музыканта человека, у которого отсутствует музыкальный слух? Не лучше ли посоветовать ему реализовать себя в другой сфере, более отвечающей его природным способностям?

---

⁴⁰ См. подробнее: Г.Ашин .Доктрина «массового общества», М.,1971.

Человеческие способности, считают психологи, состоят из двух частей – операционной и творческой. Первая заведует обучением, копированием, усвоением, воспроизведением. Другая – (творческая) – созиданием и рождением нового. У большинства вундеркиндов особенно сильна первая составляющая, причем ярко выраженная, зачастую гипертрофированная, позволяющая им быстро решать сложные и сверхсложные задачи. А вторая составляющая – творческая, продуктивная, рождающая новое, у них, порой выражена слабо. Именно вторую часть обычно называют талантом, гениальностью, а первую – способностями. Способности и таланты качественно различны, иногда способности перерастают в таланты, хотя можно обладать большими способностями и совсем не блистать талантами (что происходит с большинством вундеркиндов, останавливающихся перед восхождением к творческим вершинам).

Можно обладать высочайшим IQ, но не иметь творческих способностей. Психологи справедливо полагают, что нет таланта «вообще», есть талант исследователя, поэта, художника, инженера. В России, как и других странах, сложилась группа педагогов, которые работают с вундеркиндами, и не безуспешно. Образовательные институты проводят поиски выдающихся музыкантов, проводят раннюю диагностику математических и иных способностей, готовя детям и подросткам тестовые задания. Выявление одаренных детей, систематическая работа с ними приносит плоды: примерно каждый 10-й из одаренных детей проявляет свои таланты, а порой и задатки гениальности⁴¹. В развитых странах, в том числе в России составляются базы данных на одаренных детей, их посылают на конкурсы и олимпиады, выделяют определенные суммы для точечной поддержки одаренных детей.

Среди стипендиатов фонда М.Потанина – не просто отличники, это люди с коммуникационными способностями, способностями лидера – качества, необходимые для организаторов производства; с ними проводятся специальные занятия, используя для этого новейшие технологии, имеющиеся на рынке тренинговых программ.

Существуют особые методики развития лидерских качеств, в том числе психологические тренинги, (включая гештальт-тренинги). «Применяя эти тренинги, – говорит психолог, тренер-консультант, ведущий молодежные бизнес-семинары З.Ахметов, – мы стимулируем личностный рост обучаемого, развиваем уверенность в себе. Учим оптимально распоряжаться своим временем, как грамотно выстроить приоритеты, как построить стратегию своей жизни, как рассчитать тактические шаги к достижению своей цели... Умение работать в команде, решение конфликтов, оптимизация психологического климата в группе, технология системного анализа при принятии командного решения... Подобные тренинги мы

---

⁴¹ Д.Кирнарская, президент фонда «Таланты XXI века» (Известия, 07,09,2001).

применяем в работе с топ-менеджерами, параллельно ведем курс со студентами»⁴²

В центре быстро развивающегося элитного образования и элитопедагогики стоит задача подготовки школьников и студентов к инновационной деятельности (пока проведенные в России в технических вузах в начале XXI в. показали, что только менее 10% студентов имеют некоторое представление о понятиях инновации и инновационного процесса, подавляющее большинство сочло себя неготовыми к творческой деятельности). Главным источником инновационного ресурса является интеллектуальный ресурс. И важнейшей задачей элитного образования является развитие интеллектуального ресурса субъектов инновационного процесса. В основе элитопедагогики лежит идея лично ориентированной или индивидуализированной модели образования. Преподаватели ставят перед учениками многочисленные задачи. Но список приоритетов всегда возглавляет умение мыслить. Критическое мышление использует базовые мыслительные процессы для анализа фактов, подвергает сомнению общепринятые значения и интерпретации, развивает способность выйти за пределы механической памяти, узких рамок учебников. Задача педагога – помочь ученику рассуждать, выражать свое мнение, использовать полученные знания и принимать решения. Он должен стремиться переориентировать процесс учебы с пассивного усвоения на активное участие в нем.

Творческое мышление способно генерировать новые, оригинальные идеи. Ряд педагогов – новаторов подчеркивают инициативность вопросов (вопросы должны исходить от учеников, а не только от учителя или учебников) учителя и ученики должны работать вместе – выражать свои мысли, слушать, сомневаться, критиковать. Так возникает взаимное обучение. Педагоги стараются предложить учащимся необычные задания (одаренные ученики любят такие задания). Положительные моменты в обучении – удивление, разнообразие заданий. При этом выполнение задания – это выбор возможных решений, оценка возможных результатов и, в случае необходимости, пересмотр первоначального выбора.

Социологические исследования процесса обучения в средних школах в США в начале XXI показали, что лишь – менее 10% учителей оказали на учеников серьезное влияние – это те, кто глубоко заинтересованы в преподаваемом предмете, доступны, готовы беседовать с учеником, внимательно выслушать его.

В Минобразования в ноябре 2002 г. прошел «круглый стол», на котором обсуждался эксперимент по введению профильного обучения в старших классах школы. Среди его участников был М.Пратусевич заместитель директора питерского физматлицея № 239 (этот лицей – из первой плеяды

---

⁴² Известия, 02.08,2002.

знаменитых физматшкол страны). Он сказал: детей «супергениальных» немного, на весь Петербург человек пятьдесят. Их все знают. И в конечном счете успех того или иного образовательного учреждения зависит от того, к кому попадут эти 50 человек. Пошли они в ЛИТМО (Институт точной механики и оптики), и там сразу обнаружили победители студенческого первенства по информатике. Кажется, у скрипача Леонида Когана была такая классификация: есть люди, которым никто не может помешать (они все равно будут великими); есть те, кому никто не может помочь и есть середина. Успех последних зависит от того, к кому они попадут. Может быть, такие школы нужно выделить в отдельную группу⁴³.

IQ и элитное образование. Вот уже сто лет как для выявления одаренных детей и для других целей используют тестирование для выявления «коэффициента интеллектуальности» (IQ). Вульгаризаторская интерпретация тестов определения умственных способностей является распространенным психологическим обоснованием элитаризма. Обычно доказывается, что элита обладает (или должна обладать) наивысшим коэффициентом. Подобные исследования обычно направлены на то, чтобы обосновать право элиты на привилегированное положение именно на том основании, что ее IQ выше среднего. Однако при этом обычно игнорируется тот факт, что вне элиты оказываются люди с коэффициентом выше, чем средний IQ элиты. И до сих пор ни в одной стране мира не было осуществлено полномасштабное, репрезентативное исследование умственных способностей элиты в соотношении с умственными способностями всего населения и «социальных низов» (может быть, потому, что вряд ли представители элиты заинтересованы в таком эксперименте, который может дать для них нежелательный результат и привести к конфузу).

В исследованиях умственных способностей часто (вплоть до последнего времени) произвольно постулируется, что IQ представляет собой постоянную, генетически обусловленную величину. В действительности, это величина переменная, изменяющаяся на протяжении жизни человека; на нее влияют социальные условия, уровень культуры, образования. IQ элиты, если этот показатель в какой-то стране действительно выше среднего (что, разумеется, весьма возможно), есть не нечто данное природой, но результат того, что представители элиты находятся в условиях, более благоприятных для развития интеллектуальных способностей (в большинстве своем это выходцы из более обеспеченных и более образованных семей). Утверждения ряда психологов об абсолютной генетической детерминированности умственных способностей человека крайне односторонни; речь может идти лишь о сложном диалектическом взаимодействии природных и социальных факторов в процессе формирования и развития умственных способностей

---

⁴³ Известия, 15.11.2002.

человека (вероятнее всего, при определяющем влиянии социальных факторов). Далее, многие психологические интерпретаторы элитаризма исходят из неверного тезиса о том, что IQ – единый показатель умственных способностей человека, который включает в себя, в частности, способность к такой стороне умственной деятельности, как управление социальной жизнью. Но структура умственных способностей весьма сложна и дифференцирована; особенности личности, способствующие ее успехам, скажем, в области естественных наук, отнюдь не гарантируют ей успехов на поприще управления большими группами людей. Психологи, о которых идет речь, в полном соответствии со стереотипами обыденного сознания изображают дело таким образом, что люди с высоким IQ добились успеха, стали элитой общества, и это естественно и справедливо. Однако такой признанный специалист в вопросах тестирования, как американский психолог Дж. Кронбач, не без оснований считает, что подобные утверждения не более чем «иллюзия, результат игнорирования социальных условий»⁴⁴. Многие ошибочно полагают, будто способности, обнаруживаемые при помощи тестов, наследственны и неизменны. В последние годы японцы сумели поднять средние показатели по IQ своих учащихся, что опровергает такие представления⁴⁵.

Во всяком случае, психодиагностические методы нашли широкое применение, причем не только в педагогике и в рекрутерском бизнесе. Термин «тестирование интеллекта» прочно укоренился в общественном сознании в индустриально развитых странах, а в США с середины XX века был поставлен «на поток». Однако начиная с 70-х–80-х г.г. он все больше стал подвергаться критике. И частности, была подвергнута способность тестов интеллекта выполнять функцию, на которую они особенно претендовали – выступать средством оценки и прогнозирования умственных способностей⁴⁶. Психологи констатируют неудачи тестов в определении возможности индивидов достичь успехов в освоении конкретной деятельности и адаптироваться к изменению условий социальной среды. В частности, выявились заметные расхождения между показателями тестового интеллекта и школьной (равно как и студенческой) успешностью.

Отметим, что значительный процент населения различных стран выступает против тестирования IQ, среди них и представители элиты

---

⁴⁴ См. Cronbach J. Essentials of Psychological Testing. N.Y., 1966.

⁴⁵ А.Эллис, профессор, директор школьных программ университета Сиэтл Пасифик. Как научить ребенка мыслить // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992, с.50.

⁴⁶ См: Гуревич К.М., Горбачева Е.И. Проблемы развития современной психологической диагностики // Вопросы психологии, № 5, 2006.

(главным образом те, у которых IQ низок). Интересны замеры IQ политической элиты, в частности, американских президентов за шесть последних десятилетий⁴⁷. Самым умным среди бывших президентов США признан Билл Клинтон –182, на втором месте Дж.Картер –175 баллов, Дж.Кеннеди – третий с 174 баллами, далее следуют Р.Никсон – 155, Ф.РУЗВЕЛЬТ– 147, Л.Джонсон –126, Д.Эйзенхауэр –122, Дж.Форд –121, Р.Рейган –105. Замыкает список Дж.Буш старший –98 и его сын – президент Дж.Буш младший –91. При определении IQ президентов учитывались академическая успеваемость в школе и университете, самостоятельные публикации в прессе (т.е. без помощи сотрудников аппарата), ясность речи (о проблемах Буша-мл. с английским языком известно широкой публике) и психологические показатели. В американских школах, где ежегодно проводится общее тестирование на интеллект, IQ оценивается по следующим критериям: определение числового, логического, художественного и пространственного мышления. Одаренными признаются дети, чей показатель составляет от 120 до 150 баллов, а отстающими – от 60 до 90 баллов. Средний показатель IQ рядового американца – ок.100 баллов, максимальный возможный показатель, как считают специалисты – 200 баллов.

Еще четыре-пять десятилетий назад и ранее при поступлении в школу детей в ряде стран в том числе в США и Великобритании подразделяли на «сорта» в соответствии с тестом IQ⁴⁸ (коэффициента умственных способностей). Учащимися второго «сорта» оказывались, главным образом, представители низших страт общества. Путь к высшему образованию для них практически был закрыт или, во всяком случае, затруднен. Многие социальные психологи справедливо считают, что подобные тесты представляют собой дискриминацию по отношению к детям из среды национальных меньшинств, детям, не говорящим по-английски, а также выходцам из низших страт населения. Заранее наклеенный ярлык соответствующим образом настраивает учителей: они уже не ждут от таких детей высоких результатов. Можно легко себе представить, как травмирует ребенка этот ярлык. В соответствии с этими тестами обычно выходило, что люди, принадлежащие к низшим стратам населения, обладают более низким IQ, откуда можно было сделать вывод, что их социальное положение соответствует их умственным потенциям.

Критика этих концепций со стороны прогрессивных американских педагогов и психологов, а также сдвиги в общественном мнении – все это побудило тестологов Запада к пересмотру старых концепций. Теперь

---

⁴⁷ Известия, 16.02.2003.

⁴⁸ Отметим, что широкое внедрение методики определения IQ и внедрения ее в педагогическую практику осуществлялась по инициативе выдающегося психолога Ж.Пиаже, который как раз возражал против такой интерпретации «коэффициента интеллектуальности».

подчеркивается, что ни один тест не может быть свободен от влияния культуры, что тесты далеко не универсальны и должны рассматриваться не как инструменты прогноза, но как инструменты диагноза, фиксирующего психологическое состояние испытуемого в момент испытания. При этом критикуется понятие нормы, когда часть людей по результатам тестирования признается высокоодаренными, часть – средними и часть – малоодаренными. Такая «норма» в современной психологии считается понятием, далеким от науки..

Впрочем, происходящие в тестологии сдвиги игнорируются школой Г.Айзенка, считающей, что IQ измеряют ум в обычном смысле слова, что по результатам тестирования можно судить об уме. Правда, сам Айзенк высказывался по этому поводу более осторожно. «Не следует смешивать две вещи, – писал Айзенк – ум и приобретенное знание. Очень важно, чтобы интеллектуальный тест был «чистым», выявлял именно IQ, а не уровень знаний». Профессор Айзенк, видимо, полагал, что можно создать психологический тест, способный обнаружить интеллект, независимый от знаний и опыта.⁴⁹ Однако известно, как развивается ум и способности людей, если для этого создаются благоприятные условия (и как искусственно тормозят развитие интеллекта неблагоприятные условия). Попутно заметим, что школа Айзенка укоренилась в Британии раньше, чем в США.

Серьезные психологи и социологи достаточно убедительно доказали, что IQ – индикатор не умственного развития изолированного индивида, а скорее его умственного развития в связи с окружающей средой, если речь идет о ребенке, это прежде всего семья. Если при поступлении в школу измеряют IQ ребенка, который во многом отражает интеллектуальный уровень его микросреды, и если эта малокультурная и малообеспеченная микросреда, IQ испытуемого оказывается обычно ниже детей того же возраста из высококультурных семей высшего и высшего среднего классов; следовательно, это измерение не подлинного интеллектуального уровня ребенка, а измерение уровня того, насколько неблагоприятна среда, которая мешает развитию интеллектуальных возможностей ребенка. И при снятии препон, мешающих развитию интеллекта ребенка, он обычно догоняет своих сверстников. Поэтому большинство западных школ перешел на систему регулярной перепроверки IQ (хотя бы раз в несколько лет). В целом нам представляется более убедительным культурологические подходы Ж.Пиаже, П.Бурдьё к оценке способностей ребенка.

Глава 3 Рекрутирование элит. Роль элитного образования в формировании элит. Меритократия.

---

⁴⁹ Г.Айзенк считал, что примерно на 80% умственное развитие обусловлено генетически и только на 20% – окружающей средой.

Образовательный процесс занимает важнейшее место в рекрутировании элиты. Как известно, на протяжении большей части истории человечества элита (аристократия) была замкнутым сословием. Современное общество сделало элиту гораздо более открытой. Это связано прежде всего с тем, что знания, техническая и политическая компетентность стали непременным условием входа в «элитный клуб», причем основой для такого продвижения стало образование. Повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования в той или иной стране и непосредственно с качеством образования, получаемого элитой. Особую роль образование играет в постиндустриальном, информационном обществе, в котором огромное значение имеют инновационные способности элиты, умение нестандартно мыслить, способности к оригинальному решению проблем, многие из которых принципиально новы для человечества. Вступив в XXI век, мы в полной мере можем осознать не только важность этой проблемы, но и ее масштабность, наметить подходы к ее решению, ее практической реализации.

Важнейшая задача элитологии – определение возможностей и путей повышения качества элиты. Объективные критерии этого качества – результаты ее управленческой деятельности, синтетическим показателем которых является качество жизни ее населения – процветает страна или находится в состоянии упадка. Главные индикаторы здесь – благосостояние, здравоохранение, образование, социальная стабильность страны, обеспечение внешнеполитической, экологической, продовольственной безопасности, высокий уровень культуры народа, его духовности, вопрос о том, насколько полно реализуются его творческие потенции, насколько высок уровень его участия в определении политики страны. На достижение высоких показателей по этим критериям и должна быть направлена деятельность элиты, служащей обществу. И тут важнейший вопрос: действует ли политическая элита в интересах общества или же правит для удовлетворения собственного властолюбия и тщеславия, прикрываясь демагогическими утверждениями о заботе о благе народа.

Элитное образование, как любое явление, зависит от многих обстоятельств, от контекста, оно не является абсолютным благом (или абсолютным злом). Важнейшая задача элитного образования – облагородить будущих политиков, государственных деятелей, чиновников. Но эффективность элитного образования зависит от многих обстоятельств, и, в частности, от того, кому дается элитное образование. Если оно дается людям нечестным, коррумпированным, то получив это образование, они могут более хитрыми, ловкими способами обманывать население, усовершенствовать свои методы обмана масс. Следовательно, огромная роль принадлежит селекции, отслеживанию того, кто стремится получить это образование, какой «материал» имеется на входе в систему элитного образования, иначе говоря, как отработать систему отбора достойных

получить элитное образование по их моральным качествам и уровню их знаний. Честность, стремление служить Родине, трудолюбие должно двигать людьми, стремящимися получить элитное образование – отдать свои способности на благо народа, а не стремление обогатиться, добиться высоких элитных постов. Любая вещь зависит от того, кто и как ей пользуется, во имя каких целей – движет ли им стремление отдать все силы на благо народа или же использовать полученные знания для личного обогащения, для удовлетворения собственного честолюбия.

Для достаточно полной оценки качества элиты важны такие критерии, как ее нравственный, культурный, образовательный уровень, ее квалификация, а также такой существеннейший критерий, как отношение к ней населения.

Тогда мы получим и ответ на вопрос о том, насколько легитимно правление этой элиты. О низком рейтинге политической элиты России

свидетельствуют проводимые в последние годы опросы общественного мнения. Известно, что на общественное мнение оказывают влияние средства массовой информации, журналисты, политические обозреватели, наконец, профессиональные политологи, не говоря уже о политических деятелях.

Тогда возникает вопрос о том, можно ли считать качество элиты результатом стихийного политического процесса или же создание элиты заслуг, меритократии, квалифицированной элиты – это процесс управляемый, на который можно повлиять. Исследуя пути повышения качества элиты, элитологи обычно указывают на такие пути, как смена старой элиты, исчерпавшей себя, деградировавшей, неспособной вписаться в новые социально-политические реалии, как внутренняя трансформация элиты, расширение ее социальной базы, масштабные персональные изменения в элите, изменение способов и типов рекрутирования элиты,

элитное образование как способ повышения этого качества. Ниже мы кратко рассмотрим пути и возможности повышения качества элиты, обратившись к опыту, накопленному элитологией.

Типы и каналы рекрутирования элиты. Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов ее формирования (рекрутирования). Известно, что политическое рекрутирование – это вовлечение людей в активную политическую жизнь. И важнейшее место в нем занимает процесс рекрутирования политико-административной элиты, обладающей наибольшими властными ресурсами, иначе говоря, процесс продвижения к вершинам политической иерархии. Механизмы элитогенеза и рекрутирования элиты различны, они зависят от характера общественно-политического строя (кровно-родственные отношения, принадлежность к правящему сословию, имущественный ценз, старшинство, партийная принадлежность, личная преданность лидеру, профессиональная компетентность и т.д.). Они направлены на решение стоящих перед обществом задач, на подбор на элитные позиции тех людей, которые обеспечат решение этих задач. Посредством этого процесса формируются законодательные и исполнительные органы современного государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений. Исследовать процесс этого рекрутирования – значит исследовать политический процесс с точки зрения того, как люди вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие политические посты (в том числе становятся политическими лидерами), устанавливают политические контакты, как они делают политическую карьеру.

Важнейшими каналами рекрутирования элит являются государственный аппарат, органы местного самоуправления, политические партии, бизнес (выходцы из которого часто выдвигаются на элитные позиции в государственном управлении), система образования (особенно элитного образования). Роль и удельный вес каждого из этих каналов различны, они зависят от традиций той или иной страны, уровня ее политической культуры. Например, для стран Латинской Америки армия является одним из важнейших каналов рекрутирования элит, для стран Западной Европы это – один из менее важных каналов. Российские социологи констатируют рост роли армии и силовых структур для формирования политической элиты в начале XXI века (в период президентства В.В.Путина). Для политической системы США одним из важнейших каналов формирования политической элиты является большой бизнес (происходит широкая миграция из бизнеса в политику и обратно).

В Российской Федерации (особенно на региональном уровне) важное место, как отмечают политологи, имеет клановый принцип формирования

элиты, для которого характерны патрон-клиентские отношения, отношения личной преданности, корпоративная ориентация, значительная закрытость, nepotизм.

В стабильных политических системах рекрутирование элиты институтировано, то есть осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами (обычно освященными традициями), в результате чего персональный состав элиты с большей или меньшей периодичностью обновляется, а сама политическая структура остается в значительной степени неизменной. По-иному обстоит дело в условиях крутой ломки политической системы, в периоды политической нестабильности. Тогда происходит трансформация или смена элит; люди, занимавшие ключевые позиции в государственном управлении, лишаются своих постов; возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных норм. Недостатка в желающих занять элитные позиции общество никогда не испытывает, что стимулируется высоким статусом управленческой деятельности, престижем, возможностью получения ряда привилегий, в том числе материальных. Иное дело – насколько квалифицированными оказываются новобранцы на элитных позициях, каковы их моральные и деловые качества.

Система рекрутирования элиты имеет исключительную важность для политической системы; она может либо обеспечить более или менее равные возможности доступа к власти всем гражданам, либо ограничить эти возможности, а то и вовсе лишить их. Одна из характерных черт подлинно демократической политической системы – создание возможностей для каждого гражданина достичь такого положения, которое дает ему право считаться членом политической элиты⁵⁰.

В процессе рекрутирования политической элиты важнейшие моменты – широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты (селекторат), наконец, процедура, механизм этого отбора. Опыт последних двух – трех тысячелетий свидетельствует о том, что закрытая элита, которая формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей собственной ограниченной базе, неминуемо деградирует, загнивает, рано или поздно уступая место обществу с более открытой элитой, что ведет к изменению всей социально-политической структуры. И чем более закрытой является элита, чем уже ее социальная база, тем меньше у нее шансов продлить свое господство, выжить в соревновании с другими социально-политическими системами. Следует оговориться, что эта закономерность действует в тем большей мере, в какой оказывается более развитой система социальных коммуникаций, в том числе связей между странами, культурами, цивилизациями. При малой развитости

---

⁵⁰ Eulau H., Czudnovski M.(eds.) *Elite Recruitment in Democratic Politics*, N.Y., 1976, p.24.

таких связей общество с закрытой элитой может весьма долго сохранять свою устойчивость.

С.Келлер пишет: «Рекрутирование элит – предмет долгих дискуссий со времен Платона. Хотя специфические теории Платона (евгеническая теория) не защищаются ныне, идея о том, что элиты должны обучаться... и быть меньшинством, основанным на компетентности и морали – до сих пор незыблема»⁵¹. Если иметь в виду, что существуют три основных типа элиты – элита крови, элита богатства и элита способностей⁵², то можно выделить три главных типа рекрутирования элит: по критерию знатности, богатства и способностям. Часто эти критерии бывают смешанными, но с приближением к постиндустриальному обществу эти критерии неизменно эволюционируют в сторону таланта и способностей. Во всех случаях эти критерии тесно связаны с типом общества, в котором осуществляется рекрутирование.

В целом можно сказать, что качество элиты зависит от способов ее рекрутирования, от того, насколько элита «прозрачна», открыта для наиболее активных, образованных, способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества, а также от того, существуют ли заслоны на пути вертикальной социальной мобильности для людей случайных, нравственно нечистоплотных, т.е. действительно ли в элиту попадают наиболее достойные в нравственном и интеллектуальном отношении люди. Открытость элит – важный элемент «открытого общества» (термин К.Поппера), где высок уровень социальной мобильности. И, соответственно, закрытые, непрозрачные элиты – элемент «закрытого общества», где социальная мобильность низка или даже отсутствует. Закрытый тип рекрутирования элиты является исторически первым, тогда как второй является результатом развития политической системы, ибо требует для своего функционирования высокого уровня политической культуры. Первый тип характеризуется, прежде всего, узостью социальной базы этой элиты. Это – господствующий класс, слой, сословие, который и монополизирует политическую власть; все элитные позиции заняты его ставленниками. Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для политической системы традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам – для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Данный тип рекрутирования элиты сужает социальную базу последней, препятствует занятию элитных позиций наиболее способными людьми из низших страт общества, инакомыслящими и т.д., он обрекает политическую систему на застой. Элита неминуемо вырождается, утрачивает способность к эффективному управлению, по существу провоцирует образование контрэлиты, превосходящей правящую элиту по своим интеллектуальным и

⁵¹ Keller S. Beyond the Ruling Class...1991, p. XI.

⁵² Еще А.Шопенгауэр выделял три типа аристократии : аристократию рождения, аристократию богатства и аристократию ума и таланта.

пассионарным показателям, которая использует недовольство масс существующей социальной системой для ее свержения, для смены элиты. Отметим, что наиболее дальновидные идеологи традиционного общества, такие, как Конфуций, понимали недостатки закрытого типа рекрутирования элиты. Чтобы прорвать стену этой закрытости, Конфуций подчеркивал необходимость системы сдачи экзаменов на право занятия государственной должности.

Следует отметить общую тенденцию изменения рекрутирования элит от традиционного общества к современному. С.Келлер подчеркивает смену монолитных традиционных правящих классов гетерогенной сетью элит, собственность перестает быть основой формирования элит, обнаруживается явная тенденция перехода к типу рекрутирования элит, базирующемся уже не на предписанном статусе, а на собственных достижениях личности. Тенденция – к тому, что правящие (стратегические) элиты более не образуют когерентную группу, основанную на наследственном статусе и сильном чувстве социальной идентичности. Сейчас вопрос в том, можем ли мы подойти к модели рекрутирования элит на основе их компетентности и способности решать современные задачи. Келлер считает, что в демократическом обществе самое важное – репрезентативность политических элит. Модели рекрутирования и селекции элит позволяют судить об их ригидности. Причем важна не только мобильность индивидов в их движении на элитные позиции, но и подъем или падение целых групп внутри элиты⁵³.

Типологизация рекрутирования элит по основанию открытость–закрытость представляется нам более правильной, чем по основанию демократизм–авторитаризм, как предлагают некоторые политологи. Отметим, что и в демократических системах элиты могут весьма различаться по степени открытости. В этой связи интересен подход американского политолога Б.Рокмэна, вычленяющего две тенденции отбора элит в современных демократических системах – гильдийную и антрепренерскую. Для системы гильдий характерна высокая степень институтизации в процессе отбора, важная роль образования, прежде всего, специального, медленный путь вверх, тенденция к воспроизведению характерных черт уже существующей элиты, небольшой, относительно закрытый селекторат. Антрепренерская система отбора исходит из того, что индивидам, стремящимся попасть в элиту, необходима поддержка не только внутри управленческой системы, в которой они и собираются делать карьеру, но и вне этой системы, и они находят эту поддержку (т.е. опираются на более широкий селекторат), и инерциальные силы организационных норм в меньшей степени тормозят их продвижение в элиту. По гильдийной модели обычно осуществляется селекция

---

⁵³ Keller S., Op.cit., p.p. XIII–XX.

бюрократической элиты, а политическая элита рекрутируется преимущественно по антерпренерской модели. В системе гильдий кандидаты на продвижение должны обязательно угодить небольшой группе лиц наверху, (которые и выполняют функции селектората). Бюрократическая элита заинтересована в организационной рутине, в привычных методах, в преемственности. Для антерпренерской системы, где селекторат более широкий, кандидату на элитные позиции нужно влиять не только на вышестоящих лиц, но и апеллировать к влиятельным людям вне этой системы. Критерии селекции разнообразны и противоречивы, при продвижении вверх можно миновать карьерные ступеньки и рутинные процедуры. Только в этой системе, замечает Рокмен, «на высший пост США смог подняться бывший киноактер, вступивший в политику в 55 лет» (имеется в виду Р.Рейган). Если спроецировать эту типологию на российскую историю последнего времени, можно сказать, что только по первой модели могли продвигаться наверх лидеры застоя, а по второй – многие лидеры начала постсоветского периода.

Но вернемся к более широкой типологии рекрутирования элит – закрытой и открытой. Открытый тип рекрутирования элиты обычно основывается на отборе, имеющем вид «честного конкурса», при котором решающим моментом являются личные качества человека, его способности, его образованность, нравственные характеристики, а не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе (привилегированному сословию, классу, национальности или группировке). Только при условии, что именно индивидуальные, а не наиндивидуальные характеристики должны быть критерием отбора, элита может быть ассамблеей лучших, достойнейших, то есть меритократией. Если же превалирует принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато «своего» человека, доказавшего преданность социальной группе, клану, лидеру – это означает закрытый тип селекции, ведущий к негативным последствиям для общества и, в конечном счете, к деградации элит.

Однако, как убедительно показал выдающийся российский социолог П.А.Сорокин, вряд ли когда-либо существовало и когда-либо сможет существовать общество абсолютно закрытое, где отсутствовала бы вертикальная мобильность, равно как и общество, в котором вертикальная мобильность была бы абсолютно свободной⁵⁴; подобное общество было бы абсолютно бесструктурным. Таким образом, общество с абсолютно открытой или абсолютно закрытой элитами – это «идеальные типы» (в веберовском смысле), реальные политсистемы лишь приближаются к одному или другому. Наиболее «чистой», приближающейся к модели

---

⁵⁴ См. П.Сорокин. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992 г., сс.295-424.

полностью закрытой элиты является древнеиндийская кастовая система, в которой касты брахманов и кшатриев отделены практически непроницаемой перегородкой от низших каст; к этой модели близко большинство древневосточных деспотий. К противоположной модели – общества с открытой элитой, в наибольшей степени приближаются современные демократии, однако и тут утверждения об «обществе равных возможностей» – скорее декларация о намерениях, чем констатация политической реальности. И в этой политической системе выходцы из высших страт общества, обладающие деньгами, социальными связями, возможностями для получения дорогостоящего образования обладают лучшими стартовыми возможностями для элитной карьеры.

Один из крупнейших американских политологов Г.Лассуэлл справедливо отмечал, что нельзя абсолютизировать тезис о «равном доступе к власти» в западных демократиях, просто тут нет абсолютных барьеров на пути рекрутирования элит. Демократия отличается главным образом тем, что она стремится уменьшить эти барьеры. Ждать большего было бы, по мнению Лассуэлла, «нереалистично», хотя бы потому, что социальный процесс требует определенного уровня социальной стабильности, а постоянная смена элит может расшатать политсистему. Политические исследования свидетельствуют о том, что большая часть политической элиты рекрутируется из высших социальных страт. Так, в ФРГ до половины элиты рекрутируется из высшего и высшего среднего классов, составляющих 5% населения⁵⁵.

Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам – для тоталитарных и авторитарных политических режимов. Поскольку этот тип сужает социальную базу рекрутирования элиты, он обрекает политсистему на застой, она утрачивает способность к эффективному управлению, снижает качество элиты и по существу провоцирует образование контрэлиты. Социальная база элиты в демократических странах более широкая, даже при существовании в них господствующего класса, который цепко держит в своих руках основные нити государственного управления, выходцы из низших страт оказываются более представленными в политической элите. Это не означает, что в классово-дифференцированном обществе элита превращается в бесклассовую группу. Как убедительно показал Р.Михельс, избрание в парламент, назначение на значительную государственную должность выходца из низшей социальной страты обычно меняет его образ жизни, он перенимает стиль жизни и привычки представителей более высокой социальной страты, интегрируясь в существующую социально-политическую систему. Итак, существующие

---

⁵⁵ H.Eulau, M.Czudnowski (eds.) op.cit., p.239.

демократические политические системы явно не дотягивают до критериев открытой элиты, модель открытой элиты – скорее норматив, цель, которой они явно не достигли. Большая часть административного аппарата состоит не из избираемых, а назначаемых чиновников, и тут селекторат достаточно узок. Но узость селектората не обязательно свидетельствует о недемократичности политсистемы. Тут важен критерий отбора, которым руководствуется селекторат – представляет ли он собой честный конкурс, конкуренцию на основе способностей и заслуг, или решающим оказываются богатство, знатность, связи.

Меритократия как «идеальная» модель рекрутирования элиты. Большинство современных социологов считают оптимальным способом рекрутирования элиты меритократический. Не родовитость (как в традиционном обществе), не богатство (как в индустриальном обществе), но знание, компетентность – основа рекрутирования элит постиндустриального общества. А знания приобретаются главным образом через систему образования, прежде всего элитного образования. Элитное образование – *conditio sine qua non* – необходимое, но недостаточное условие элитного статуса. Некоторые социологи говорят об «элите элит», которая интегрирует элиту знатности, богатства и знания, причем доминирующей является элита знания. Это как бы единство статусной элиты и элиты знания, причем ключом к восходящей мобильности в элиту является образование, как основа создания меритократии.

Термин «меритократия» (от латинского *meritus* – и греческого *kratos* – власть) ввел английский социолог М.Янг в книге, принесшей ему широкую известность: «Возвышение меритократии: 1870–2033. Эссе об образовании и равенстве»⁵⁶, написанной в 1957 г. Он означает правление наиболее достойных, честных, неподкупных, компетентных, высокообразованных людей. В основу рекрутирования элиты положен принцип индивидуальных заслуг. Заслуги (*merits*) складываются из интеллекта и усилий, из знаний и трудолюбия. Ленивый гений – это не гений.

Янг исходит из классического принципа либерализма – равенства возможностей. Меритократия может возникнуть в обществе высокого уровня потребления, где развиваются интересы и потребности людей, создаются материальные условия для их удовлетворения (через полтора десятилетия после выхода книги Янга Д.Белл скажет, что меритократия означает постиндустриальное общество, что меритократию и постиндустриальное общество можно считать синонимами). «Цивилизация держится не на безликой инертной массе, – пишет Янг, – а на творческом меньшинстве, на новаторах..., на блистательном меньшинстве, наделенном свойством удивляться миру, на беспокойной элите»⁵⁷. В

⁵⁶ Young M. *The Rise of the Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality*, Middlesex, England, 1968.

⁵⁷ Young M., *Op. Cit*, p.15.

сельскохозяйственном, традиционном обществе статус приобретался не на основании заслуг, а по рождению. В традиционном и в значительной степени в индустриальном обществах элита рекрутировалась по принципу «предписанного статуса» (т.е. знатного происхождения, наследования капитала и других факторов, не зависящих от личных качеств человека). В постиндустриальном обществе элитные посты занимают благодаря личным достоинствам, достижениям, талантам, компетентности, высокому уровню образования. Меняется социальная база элиты: знания, высокая квалификация, высокие моральные качества являются главными основаниями для достижения элитных позиций. Элита заслуг знает, что их привилегированное положение – награда за их собственные неоспоримые достижения, то есть они полностью легитимны.

Но почему же у Янга меритократия в 30-е годы XXI века вызвала массовое недовольство и была свергнута? Во-первых, массы испытали психологическое потрясение. Если блага распределяются в соответствии со способностями и талантами, то социальные низы (а это большинство населения) тяжело переживали то, что их пребывание в этом статусе означает их фактическое признание умственно неполноценными или ленивыми, (потому что способный лентяй – это тоже лентяй), жертвами пьянства и наркотиков. Иначе говоря, им нельзя уже было ссылаться на то, они внизу социальной пирамиды вследствие отсутствия равных возможностей, как это было в прошлом, они там вследствие того, что они действительно неполноценные. Нельзя было ссылаться на несправедливость к человеку, находящемуся внизу социальной иерархии, можно только пенять на самого себя. Это был шок, который невозможно было вынести. Меритократия была подорвана изнутри. Разве масса, несмотря на отсутствие у них способностей, не ведет себя порой так, как будто страдает от чувства унижения? Конечно, правительство, в состав которого входят самые умные, образованные, более эффективно, но все-таки оно не представляет интересы большинства. А я хочу иметь свой шанс. И «крикливая толпа», которая находит врата высшего образования закрытыми перед ней, может повернуться против такого общественного порядка. Если даже управляют те, кто заслужил это своими способностями, талантами – это слабое утешение для тех, кто признан менее способным. Управляют немногие умные, которых я часто не понимаю, настолько они умны. Значит, управляют они, а не мы, не народ, мы не субъекты власти. И почему я должен доверять этому меньшинству, которое всегда может перехитрить массу управляемых?

Реализации принципов меритократии по Янгу, мешают пережитки аристократических традиций. «На протяжении веков сыновья наследовали классовую принадлежность своих родителей. Этому способствовало влияние семьи – ячейки наследования... Семья все еще остается опасным рассадником реакции «В течение сотен лет общество служило полем

битвы между двумя великими принципами – принципом отбора через семью и принципом отбора на основе реальных достоинств...Мы должны признать, что почти все родители пытаются добиться необоснованных преимуществ для своих отпрысков. Задача общества, эффективность которого зависит от соблюдения принципа отбора по их способностям, состоит в том, чтобы не позволить подобному эгоизму причинить какой-либо серьезный ущерб»⁵⁸.

Идеологи новоконсервативной волны Д.Белл и И.Кристал утверждают, что «капитализм в высшей точке своего развития...заменил все виды произвольного (т.е.наследственного) распределения власти, привилегий и собственности таким распределением, которое прямо связано с личными заслугами, которые включают в себя как способности, так и личные добродетели»⁵⁹. Теория меритократии в трактовке неоконсерваторов хочет, не впадая в примитивную апологию капитализма, доказать его совместимость с идеей социальной справедливости. Не обладание собственностью, а высокий интеллект и научные и технические знания превратились в главное условие достижение высокого общественного положения. Отсюда решающая роль образовательных учреждений, особенно университетов как арбитров будущей классовой принадлежности человека. Требование унификации образования выдается за попытку уравнивания шансов неспособных и талантливых (у Янга – идиотов и гениев), к нивелировке индивидуальностей. Основным противоречием постиндустриального общества объявляется противоречие между массой посредственностей и элитой способностей и знаний. Обществу, разделенному антагонизмами по критерию собственности, Янг противопоставляет общество, разделенное по критерию интеллекта. Это, несомненно, вариант элитаризма. Белл, развивая концепцию меритократии, разделяет несправедливую меритократию, которая оскорбляет и унижает представителей низших страт, и свой, более либеральный, мягкий вариант меритократии, которая тактично обходит упоминание о неполноценности низших страт и, опираясь на «теорию справедливости» Дж.Роулза, пишет о меритократии, которая учитывает интересы масс, не смотрит на них свысока, защищает наиболее обездоленных, признает необходимость социального государства, которое через налоговую систему перераспределяет национальный доход, уменьшая вилку между доходами высших и низших страт общества (теория умеренного элитизма).

Принципы меритократии должны реализовываться прежде всего в сфере образования, когда больше шансов поступить в престижные вузы имеют дети богатых и воиятельных родителей, которые закончили элитные платные школы, могут нанять высококлассных репетиторов, заплачивать за обучение в элитном вузе. Фактически неравенство, отсутствие равных

⁵⁸ Young M., Op.cit., p. 29-30.

⁵⁹ Capitalism Today. Ed. By D.Bell & I.Kristol. p.7.

возможностей существует практически и во всех других сферах жизни. Впрочем, определенный прогресс в области уменьшения социального неравенства имеет место в ряде стран. В сфере образования в 2005 г ЮНЕСКО отдал первое место Финляндии, где образование бесплатное, где нет привилегированных элитных школ, где практически все школы обеспечивают высокий уровень образования. В ряде стран даются гранты, стипендии для одаренных детей из малообеспеченных детей. Но и там принципы меритократии должны быть усовершенствованы, в частности, чтобы они включали в себя принцип Дж.Роулса – неравенство оправдано только в том случае, если оно ведет к большей выгоде менее обеспеченных граждан. Так, уравниловка в зарплате невыгодна всему обществу, поскольку снижает производительность труда и, как следствие, к падению жизненного уровня. Но зато справедливо, чтобы вилка в зарплате более и менее обеспеченных слоев населения была как в Швеции Норвегии (не более чем 1 к 4) а не так как в России (1 к 20). Меритократия – это не торжество социальной справедливости, но шаг к ней.

Янг большое внимание уделяет элитопедагогике. Он пишет: «...единственный способ быстро заполучить кадры хороших инженеров, физиков, государственных влужащих, работающих на пределе заложенных природой возможностей, состоит в том, чтобы, начав с трехлеток, осуществить систему отбора, исключаящую риск потери хотя бы одного таланта». Для решения этой задачи необходимы педагоги самого высокого класса. Поэтому необходимо повышение им зарплаты, а также обеспечение им высокого престижа. Когда их ставки были ниже средних ставок в промышленности, образование не могло быть образованием высокого уровня. «Руководители министерства финансов, хотя они и читали Платона, похоже, забыли, что воспитание стражи (военной элиты) может быть доверено только стражам», элита должна учить элиту. «Где второстртные учителя – там второсортная элита: меритократия не может быть лучше своих учителей»⁶⁰.

Теперь о меритократическом прогнозе Янга. «Если раньше правящий класс, также, как и рабочий класс, включал в себя определенную долю гениев и умственно отсталых, интеллект распределялся между классами случайно, каждый класс был по способностям как бы обществом в миниатюре. Коренное изменение заключалось в том, что интеллект был перераспределен между классами». Талантам дали возможность подняться до уровня, который соответствовал их способностям, а низшие классы были оставлены тем, кто менее способен. «Демократия ...осуществляется не столько народом, сколько умнейшими из людей, не аристократией по

---

⁶⁰ Ibid., p. 60,62.

происхождению, не плутократией богатства, а истинной меритократией таланта»⁶¹.

Теории меритократии подвергаются критике как справа, со стороны ультраконсерваторов, которые лишают легитимности статус существующей элиты (а значит, нарушая *status quo* в обществе), растворяя элиту в массе аутсайдеров, пусть даже получивших элитное образование. Но гораздо интереснее и глубже критика теории меритократии со стороны леворадикальных интеллектуалов. Некоторые из них считают, что меритократия – новое оружие в руках элиты. Система образования стала ключевым фактором для воспроизводства господствующей социальной структуры общества, она принимает такое определение таланта и достижений, которое отвечает интересам привилегированных групп. Понятие «элиты заслуг» также требует расшифровки: заслуг перед каким классом? И меритократия, и элита становятся «грязными словами»⁶². Ударение в слове «мериторкратия» как элиты заслуг делается на корне «элита», а не «заслуги», справедливо пишет Р.Клингард⁶³. Любая элита антинародна, меритократия – не абстрактный идеал управления, а идеал для элитарной структуры. Да, в США с конца XX в. двери колледжей открылись шире, чем для предыдущих поколений, но сохранилась угроза того, что через манипулирования системой заслуг интересы представителей низших страт общества будут ущемлены. Это в еще большей степени относится к развивающимся странам, которые, собственно, и являются предметом исследования Клингарда.

Любопытно, что Белл-критик сам порой разбивает Белла как апологета капитализма в целом и меритократии в частности. Меритократия – как социальная справедливость: люди своими достоинствами зарабатывают свой авторитет. И вместе с тем «не может быть чистой меритократии, потому что родители, обладающие высоким статусом, неизменно будут стараться провести на свои позиции детей. То есть в следующем поколении меритократия просто становится замкнутой группой»⁶⁴. И это правильно, меритократия – это идеальный тип в духе М.Вебера. У Белла мы сталкиваемся с противоречием: меритократия и сохраняет капитализм и вместе с тем (в перспективе) делает статус человека независимым от обладания имущества и размеров дохода. Тогда капитализм ли это гипотетическое общество?

Поскольку постиндустриальное общество, как мы видели – это общество знания, центральными его институтами являются университеты и другие

---

⁶¹ Ibid.,p.21.

⁶² The Bell Curve. Intelligence & Class Structure in American Life, N.Y., 1996. Авторы этой книги пишут о противоречиях в концепции Д.Белла.

⁶³ Klitgaard R. Elitism and Meritocracy in Developing Countries? Baltimore & L.,1986.

⁶⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting, N.Y.,1973, p.427.

образовательные и научные центры как места сосредоточения и получения знания, постольку реальными шансами в занятии высших позиций в иерархии власти получают ученые и профессора. Развивая концепции технологического детерминизма, Белл пишет о возникновении в постиндустриальном обществе класса «профессионалов», продуцирующих новое знание и претендующих на управление обществом. Впрочем, как считает Янг (а затем эту точку зрения развивает Белл⁶⁵), господство меритократии служит источником новых социальных конфликтов в обществе, в конце концов общество отвергает меритократию.

Концепции Янга предшествует многовековая рефлексия человечества по поводу того, какой тип правителей является наиболее справедливым (и вместе с тем эффективным). Принцип наград за заслуги – одна из древнейших норм морали, являющаяся основой выбора и легитимизации политических лидеров, основой легитимизации восходящей социальной мобильности. Одним из первых мыслителей, обосновывающих иерархизацию членов общества по их заслугам, выдвижения на наиболее престижные управленческие позиции мудрых, добродетельных людей, овладевших знанием, культурными ценностями, причем выдвижения на конкурентной основе (через систему экзаменов) был Конфуций⁶⁶. Теорию правления мудрейших (философов-правителей), элиты достойнейших, обеспечивающих справедливое управление обществом, был Платон. Он также связывал право на управление со знанием. В Новое время ценность знания (и человека, овладевшего знанием, подчеркивал Ф.Бэкон. Теорию управления обществом учеными (впоследствии развивавшуюся технократами), формулировал А.де Сен-Симон. Наиболее развитую теорию рациональной управленческой деятельности, разделения управленческого труда, основанного на знании, компетенции создал М.Вебер. Причем Вебер настаивал на выборе квалифицированных людей из любой страны общества⁶⁷

Отметим попутно, что технократические теории всегда имели элемент антиутопии. И рассматриваемая нами книга Янга написана в жанре антиутопии, что отражает определенное скептическое отношение Янга к меритократии. Несколько иное отношение к проблеме меритократии у Белла. Он – энтузиаст идеи меритократии, он интерпретирует ее только в

⁶⁵ См.: Bell D., *The Cultural Contradictions of Capitalism*, N.Y., 1976.

⁶⁶ Отметим, что конфуцианская система образования в период «Великой пролетарской культурной революции», в том числе прием в вузы через систему экзаменов была заклеимлена маоистами как «буржуазная» и отменена, прием стал осуществляться с середины 60-х годов только по классовому и политическому признакам, что было одной из причин деградации системы образования в Китае в период «культурной революции». В 1977 г. было признано, что эксперимент провалился, и экзамены в вузы были восстановлены.

⁶⁷ Weber M., *Essays on Sociology*, 1946, p.240.

позитивном плане: элита заслуг – лучшая из возможных элит (подход неисторический, абсолютизирующий меритократию). Подход Янга в этом отношении, на наш взгляд, глубже, тоньше, он более историчен, он видит перспективу, в которой меритократия оказывается уязвимой системой, которая может вызвать негодование масс. Обнаруживается невозможность «чистой» меритократии, которая действительно представляется утопической идеей (например, дети правящей элиты наверняка при желании окажутся в элитных школах, вопреки меритократическому принципу отбора в них). Идея меритократии, безусловно, хороша сама по себе, она противостоит принципам наследственной аристократии (хотя элементы духовного аристократизма в ней присутствуют), но, во-первых, общество должно еще дорасти до ее воплощения в жизнь, а во-вторых, это не конец развития, а лишь определенный его этап. Р.Арон и Д.Белл правы в том, что постиндустриальное общество есть меритократическое общество, но это не снимает вопрос о том, что первично – меритократия, якобы порождающая постиндустриальное общество, или меритократия как всего лишь надстройка над постиндустриальной социальной структурой.

В условиях современной России с ее коррумпированной элитой, выдающей себя за элиту заслуг, меритократия – призрачная мечта, которая перечеркивается неприличным для цивилизованной страны уровнем коррупции. Иное дело, что добившись в отдаленной перспективе этой цели, российский народ не удовлетворится этим, он, мы уверены, поймет, что меритократия – хороша только по сравнению с элитой начала XXI века. Она все равно остается элитой, пусть принарядившаяся демократической фразеологией. Лучшей по сравнению с меритократической формой правления является демократическое самоуправление. Наиболее глубокой проблемой оптимального управления обществом является не просто поиск лучшей элиты, а создание системы управления, субъектом которой является не элита, а народ.

Меритократия – продукт и заказчик системы элитного образования. Элитное образование не только является первым и важнейшим шагом к меритократии, оно само строится по меритократическому принципу сам прием в элитные образовательные структуры должен быть отбором лучших, конкурентной борьбой, отбором в том числе по уровню интеллекта (пресловутое IQ), отбором по уровню интеллекта в своей возрастной группе. Отметим, что даже в лучших элитных школах прием фактически осуществляется не по IQ, во всяком случае не строго по IQ, а по основаниям, не являющимися меритократическими, на практике это всегда отход в пользу детей из семей элиты; таким образом, налицо отход от чисто меритократического подхода.

Причем IQ человека отнюдь не является постоянной величиной, он изменяется уже в процессе самого обучения в школе (поэтому оправдана перергруппировка школьных классов, причем не только в соответствии с

изменениями его IQ, но и в связи с выявленными в школе интересами учащихся. В элитной школе ученик не обучается по унифицированной программе, программа должна быть дифференцированной по интересам, в соответствии с наклонностями, способностями каждого ребенка, т.е. она должна быть индивидуальной. Педагог в элитной школе призван выявить индивидуальные способности, наклонности ребенка; главная его задача – не пропустить его талант; индивидуальная программа должна составляться в соответствии со скоростью усвоения материала тем или иным учащимся, только таким образом можно сделать каждое занятие интересным для ребенка, развивать его творческий потенциал.

Рекрутирование элит в России. А каковы традиции рекрутирования элиты в России? Если прав А.И.Пригожин, который относит Россию к типу обществ синкретических, где ценность человека определяется не столько его качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому – профессии, нации, классу, сословию, организации⁶⁸, то вряд ли это способствует укреплению и совершенствованию ее политической системы.

Более чем тысячелетняя история России – это типичная история закрытой политической системы и, соответственно, закрытого типа рекрутирования элиты с жесткой иерархизацией: Великий князь (царь) – удельные князья – боярство – дворянство. Определяющим принципом рекрутирования элиты было местничество, назначение на высшие должности (например, на воеводство) определялось не столько квалификацией и даже заслугами, сколько знатностью родовой. Нужно сказать, что принцип местничества не устраивал и складывающееся самодержавие – и не только потому, что оно снижало качество элиты, сколько потому, что в интересах самодержавия было уменьшение автономии феодалов, усиление их зависимости от трона, чтобы они получали элитные посты «за службу» царю, а не за собственную родовитость. Конфликт между царем и боярством достиг своего апогея при Иване IV, когда он вылился в создание параллельного механизма управления – опричнины, привел к ослаблению роли боярства, хотя Боярская дума продолжала существовать как совещательный орган и при Михаиле, и при Алексее Романовых.

Реформы Петра I подорвали местничество (но отнюдь не уничтожили его). Боярская дума была заменена Сенатом, назначаемыми государем чиновниками. Дворянство становится единым господствующим сословием, принцип местничества подрывался критерием квалификации и заслуг, что, впрочем, не перечеркивало сословность, а совмещалось с ней (преимущественное право на занятие высших государственных должностей имели дворяне).

---

⁶⁸ См.: Пригожин А.И. Патология политического лидерства в России//Общественные науки и современность, 1996 г., № 3, сс.23-24.

Иерархизация чиновничества упорядочивалась введенной Петром I в 1722 году «Табели о рангах», которая во многом учитывала опыт западноевропейских стран по структурированию бюрократической системы. Это не означало, что правящий класс феодалов выпустил власть из своих рук или даже поделился ею с низшими сословиями; закрытая элита лишь слегка приоткрыла дверь для выходцев из более низких социальных слоев. Таким образом, ограниченное признание принципа квалификации и личных заслуг не подрывало сословность, а лишь модернизировало ее. В конфликте принципов эффективности и наследственности господствующий класс не шел на серьезный компромисс, на ущемление своих привилегий, но лишь на некоторые уступки; это приводило к тому, что принцип эффективности обычно приносился в жертву принципу сословности. Процесс ослабления наследственной закрытости элиты, однако, продолжался в XIX веке (реформы Александра I, особенно в ранний период его царствования и гораздо более последовательные либеральные преобразования Александра II). В политико-административную элиту России проникают выходцы из разночинцев, вводятся элементы местного самоуправления. Значительная демократизация государственного управления имела место в начале XX века под влиянием революции 1905-1907 годов (выборы в Государственную думу и др.).

Но все это не решало радикально вопрос об отходе от закрытости элиты. Стабильная правящая элита должна включать в себя лучшие интеллектуальные силы общества, иначе она оттолкнет их в контрэлилу, и последняя возглавит массовое движение против правящей элиты. Крах самодержавной монархии был в значительной мере связан с крахом закрытой сословной элиты. Среди контрэлиты, возглавившей борьбу неэлит, прежде всего, рабочего класса, крестьянства, победителями оказались левозэкстремистские силы во главе с большевиками.

Октябрьская революция, сметая старую политическую систему, не покончила с закрытым характером элиты. На смену сословно-монархической элите пришла советская, рекрутирование которой приняло характер *номенклатурной системы*⁶⁹. О последней сказано немало – в частности, таким известным ее критиком, как М. Восленский, автором нашумевшей в свое время книги «Номенклатура». Поэтому остановимся лишь на некоторых ее чертах, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего изучения. Большинство советологов называют эту систему закрытой, аргументируя это тем, что путь на высшие номенклатурные

---

⁶⁹ В.П. Мохов определяет номенклатуру как организацию общества, при которой верховная власть «определяет тех, кто будет проводить политику Центра по отношению ко всему обществу», как способ «в условиях форсированного индустриального развития найти замену рыночным отношениям» (Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века, Пермь, 2004, с.с. 3, 36).

(т.е. элитные) должности возможен лишь для членов номенклатуры, занимавших более низкие позиции, то есть для тех, кто уже входил в эту систему. Если это и справедливо, то лишь отчасти. Во-первых, исследователей, называющих номенклатурное рекрутирование элиты полностью закрытым, можно упрекнуть в неисторичности. Они забывают, что социальная база советской политической элиты многократно расширилась по сравнению с прошлым. В нее хлынул поток новых людей из социальных низов, и послереволюционная система рекрутирования элиты была во всяком случае менее закрытая, чем дореволюционная. Возможность элитной карьеры открылась перед гораздо большей частью населения страны, чем до революции. И хотя вертикальная мобильность ограничивалась целым рядом параметров – социальное происхождение (путь в элиту был закрыт для выходцев из бывших «паразитических классов», репрессированных органами государственной безопасности), политико-идеологическая лояльность, в ряде случаев национальность, а монополия партии на власть препятствовала созданию конкурентных механизмов, способных обеспечить оптимальный отбор в элиту, все же новая система рекрутирования была менее закрытой, чем прошлая. Подобную систему рекрутирования элиты правильнее было бы назвать полужакрытой. Можно было бы даже утверждать, что в историческом плане это было шагом вперед. Этому мешает лишь одно обстоятельство: мы не можем не признать, что политика массовых репрессий, проводившаяся большевиками, в том числе против представителей прежней элиты, отрицательно сказалась на генофонде нации.

Американский советолог К. Фармер, исследуя рекрутирование элит, проводит различие между естественными (в нашей терминологии – «открытыми», и думается, что этот термин имеет преимущества, так как открытые элиты, как мы видели, не есть нечто «естественное», но результат исторической эволюции) элитами, которые «естественно возникают в условиях неконтролируемой конкуренции», а элитные позиции – следствие обладания людьми определенными качествами, и «искусственными» элитами (близко к нашему термину «закрытые» элиты), члены которых занимают элитные позиции независимо от их качеств. Номенклатурную систему Фармер считает «безусловно искусственной»⁷⁰. Мы уже отмечали, что основания для такого суждения имеются. Номенклатурная система сохранила высокую степень закрытости рекрутирования элиты. Достаточно сказать, что ни один высший политический руководитель страны не был избран в качестве такового легитимным путем всенародного свободного голосования.

---

⁷⁰ Farmer K. The Soviet Administrative Elite, N.Y., 1994, p.3

В чем суть номенклатурной системы? Официальные советские источники определяли номенклатуру как «перечисление наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются и утверждаются парткомами (райком, обком, ЦК)»⁷¹. Кстати, и М.Восленский пользуется этой дефиницией как рабочим определением, требующим конкретизации и выявления сущности номенклатуры, заключающейся, по его мнению, в том, что она являлась правящим классом в СССР⁷².

Понятие «номенклатура» оказывается ключевым для понимания административно-политической карьеры в Советском Союзе, для рекрутирования элиты. Основные ступеньки номенклатурной карьеры: кандидат в члены КПСС, затем член КПСС; избрание на внештатный партийный пост (парторг, член партбюро и т.д.), что означает попадание в партактив; попадание в номенклатуру (в список должностей, назначение на которые – прерогатива парткомов), включение в номенклатуру определенного уровня, особенно высокого, (обычно этому предшествовало включение в «резерв на выдвижение»). Иерархия номенклатурных должностей включала: номенклатуру райкома (горкома) КПСС; обкома (крайкома, автономной республики); ЦК компартии союзной республики; Секретариата ЦК КПСС; Политбюро ЦК КПСС. Высшие ступеньки политической карьеры – кандидаты в члены ЦК КПСС, члены ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, члены Политбюро ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС.

М.Восленский считал, что численность номенклатуры составляла около 750 тыс. человек (с семьями – более трех миллионов, т.е. менее полутора процентов населения). Он полагал, что советская элита – это социальная база номенклатуры. Думается, однако, что соотношение элиты и номенклатуры скорее обратное: номенклатура – более широкое понятие, чем элита. Советская элита – это люди, занимавшие верхние ступеньки в номенклатурной иерархии. Поэтому и численность советской элиты – на несколько порядков ниже. Многие советологи относят к советской элите кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Ревизионной комиссии КПСС, членов ЦК КПСС; наряду с политической элитой сюда входили и представители технократической, военной, официальной культурной элиты. Но и этот, в значительной мере, формальный подход нуждается в уточнении: в этот список могли не входить некоторые первые секретари обкомов, особенно вновь избранные, заместители заведующих влиятельнейшими отделами ЦК КПСС, некоторые члены военной верхушки, министры. Вместе с тем, некоторые кандидаты в члены и члены ЦК КПСС –

⁷¹ Партийное строительство, М., 1981 г., с. 300.

⁷² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза, М., 1991 г., с.149.

«номенклатурные» рабочие и колхозники, введенные в ЦК с целью «представительства трудящихся», но не обладавшие ресурсами власти, не входили в политическую элиту де-факто.

Система номенклатуры не была стабильным институтом. Период сталинщины был периодом быстрых карьерных взлетов, обеспечивавшихся массовыми репрессиями и, как результат, постоянно возникавшими номенклатурными вакансиями. С середины 50-х и особенно с 70-х до середины 80-х годов система номенклатурной селекции стабилизируется, рутинизируется. Возможности продвижения вверх в условиях застоя были ограничены низкой сменяемостью элит: высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Система отдавала предпочтение хорошо «обструганым» партийным чиновникам, доказавшим свою лояльность правящей элите. И обрубались пути вверх личностям незаурядным, самобытным, нонконформистским. Таков был номенклатурный «истеблишмент». В этой связи уместно напомнить наблюдение Ф.Хайека: чем выше умственные способности и уровень образованности индивидуумов, тем резче разнятся их вкусы и взгляды, а «тот, кто ищет единство взглядов, должен опуститься в сферы, где доминирует более низкий моральный и интеллектуальный уровень»⁷³.

В течение десятилетий система номенклатурного рекрутирования не удовлетворяла притязания людей с высокими интеллектуальными способностями, творческих, талантливых, потенциальную элиту общества, толкая их на диссидентство или внутреннюю эмиграцию, в контр-элиту (ситуация, чем-то напоминающая российскую ситуацию начала XX века, приведшую к трем революциям). Политическая система не может считаться устойчивой, если ее элита не включает в себя людей с высоким интеллектуальным потенциалом, с высоким уровнем пассионарности; в этом случае последние образуют контрэлиту, которая будет выше по своему качеству, чем правящая элита.

Номенклатурная система связана с клиентализмом, т.к. назначение на номенклатурную должность зависело от расположения вышестоящих инстанций. Номенклатурные руководители опасались тех, кто может их обойти, «подсидеть», продвигая по службе тех, кто внушал доверие своей преданностью, т.е. фактически практиковали отрицательный отбор. Тем не менее, вывод, что каждое следующее поколение номенклатурной элиты ниже по своим интеллектуальным и профессиональным качествам, был бы некорректным. В 50-х–80-х годах росли формальные требования к людям, делавшим элитную карьеру (например, требование высшего образования – общего или полученного в высших партийных школах или Академии общественных наук при ЦК КПСС), но неизменно изгонялись те, кто не

---

⁷³ Ф.Хайек. Дорога к рабству, Новый мир, 1990 г., № 8, с.189.

отвечал принятым стандартам. Все это закономерно приводило к деградации элиты, неспособной ответить на вызов постиндустриальной эпохи. Номенклатурная система была нацелена прежде всего на развитие в человеке исполнительских качеств. А в постиндустриальном обществе, которому приходится нетрадиционно, новаторски решать проблемы, с которыми человечеству зачастую еще не приходилось сталкиваться, необходимы механизмы отбора в элиту высокоодаренных людей, способных к инновациям, к синтезу возникающих в мире передовых технологий и социально-политических институтов и культурных традиций страны. В этих условиях номенклатурная элита, которая в период экстенсивного развития экономики могла мобилизовать массы (прежде всего, насильственными методами), на решение стоящих перед страной задач и добиваться при этом определенных успехов, в новых условиях не могла не быть препятствием социального прогресса.

Перестройка была попыткой обновить элиту, удалив из нее наиболее консервативные элементы с целью спасти политическую систему. Но система, основанная на монополии партии на власть, была обречена. Смена элит в СССР диктовалась и необходимостью смены поколений, стоящих у власти. Фактически несменяемость элиты в застойные годы вылилось в правление геронтократии, которая практически была неспособна управлять огромной страной, и поэтому власть полностью оказалась в руках партийно-государственной бюрократии. В период перестройки произошло значительное омоложение правящей элиты (более чем на 4 года). Социальная мобильность элиты, минимальная в годы застоя, многократно возросла в годы перестройки.

К началу перестройки четыре пятых членов Политбюро были выдвиженцы Брежнева, только четверо были выдвиженцами Андропова. Горбачев проводит генеральную чистку Политбюро и ЦК КПСС. Пиком этой чистки был апрельский (1989 г.) Пленум ЦК, когда подали в отставку 74 члена ЦК и 24 кандидата в члены ЦК.

Два десятилетия застоя (в том числе кадрового) сменились процессом бурной трансформации элиты, что было одной из причин дестабилизации всей политической системы, каждый член политической элиты чувствовал себя под ударом, были разрушены основные традиции номенклатурного рекрутирования элиты. Как и следовало ожидать, результатом этого было то, что вся элита дружно возненавидела лидера перестройки и только ждала удобного момента, чтобы сместить, а лучше уничтожить его.

На протяжении шести лет шли перманентные чистки и перемены в номенклатуре, особенно высшей; в состав государственно-административной и партийной элиты вошли люди, ранее не входившие в номенклатуру (таковых было более 25%). Но Горбачеву это не помогло: его предали его же выдвиженцы. Социологически это легко расшифровывается: их корпоративные интересы оказались выше личной лояльности, более

приоритетными в ценностной шкале этого слоя. Курс на демократизацию и гласность, переход к рыночным отношениям несли угрозу номенклатурному истеблишменту, подрывали устои власти партийно-советской элиты и, как следствие, вызывали тайный саботаж со стороны самой политико-административной элиты.

Подытожив сказанное, нетрудно сделать вывод о том, что номенклатурная система рекрутирования элиты недемократична, несправедлива, неэффективна. Но хотелось бы предостеречь от односторонних оценок. Прежде всего, важно, с чем мы соотносим эту систему рекрутирования элиты. Если с демократическими нормативами – все отрицательные эпитеты будут уместны. Но поставим ее в исторический контекст, сравним с дореволюционной и постсоветской системами рекрутирования элиты, – и наши критические стрелы несколько притупятся. Номенклатурный управленческий аппарат порой работал более четко и слаженно, чем постсоветский, выпускал гораздо меньше документов с грубыми «ляпами», которые становились причиной скандалов и которые приходилось дезавуировать. А кадры, производимые этой машиной, оказались весьма живучими и далеко не случайно заняли многие высшие должности в постсоветских странах (Б.Ельцин, Л.Кравчук, Н.Назарбаев, Э.Шеварнадзе, Г.Алиев, С.Ниязов, И.Керимов, А.Бразаускас, П.Лучинский и др.). Объясняется ли это тем, что эта система производила людей, ориентированных на власть любой ценой, а идеология (коммунистическая) была лишь обрамлением этой главной цели? Именно эти люди обладали наибольшим опытом управленческой работы, и с ними не смогли конкурировать митинговые демократические лидеры, не прошедшие школу управления.

И второй вывод. Мы справедливо отвергаем номенклатурную систему. Но просто зачеркнуть ее опыт, начиная рекрутирование элит в постсоветской России с нуля, было бы неправильно.

Самое печальное – в том, что из номенклатурного опыта мы берем не отдельные позитивные моменты (такие, например, как сочетание вертикальной и горизонтальной мобильности в карьерах членов политико-административной элиты), а как раз ее негативные черты, такие, как nepотизм, протекционизм, клановость, отсутствие подлинной конкурентности, идеологическая ангажированность, пусть с иными знаками, чем коммунистическая. Рекрутирование постсоветских элит во многих отношениях оказывается слепком с номенклатурного рекрутирования. Именно поэтому постсоветскую элиту часто не без оснований называют неономенклатурной.

Американский советолог Дж.Клюгмен, описывая факторы, способствующие попаданию в советскую элиту (речь идет о конце 80-х годов), пишет, что для элитной карьеры определяющими являются «вертикальные отношения между патроном и протеже. Более широкие

социальные связи – вне команды – также важны: друзья, родственники, бывшие соученики, бывшие коллеги. Такие команды могут формировать нечто подобное мафиозным «семьям».⁷⁴ Описание Клюгменом рекрутирования советской элиты периода перестройки сильно напоминает рекрутирование постсоветской элиты. К сходным выводам приходит исследователь клиентарных отношений в среде российского постсоветского чиновничества М.Афанасьев. Приведем результаты опроса им слушателей Российской Академии государственной службы при Президенте РФ, проведенного в 1995 году. Слушатели считают, что карьере чиновника определяют главным образом отношения личной преданности, а также поддержка какой-либо экономической или финансовой структуры; влияние этих факторов гораздо сильнее, чем профессиональные характеристики (исполнительность, квалификация, образование, интеллектуальная самостоятельность)⁷⁵.

Таким образом, постсоветская элита (как и советская) сохраняет клановый характер, что в значительной мере обусловлено традициями российской политической культуры. Часто вместо термина «элита» используют термины: правящая группа, клика и, наиболее часто (и, на наш взгляд, не безосновательно), «клан», так как этот термин фиксирует сложившиеся в российской элите отношения, характеризующиеся значительной степенью закрытости, партикуляристской ориентацией членов группы, широкой распространенностью патрон-клиентских отношений, сплоченностью вокруг лидера; доказательства личной преданности лидеру стали выступать основой структурирования элитной группы.

Вместе с тем термин «клан» не вполне адекватен по отношению к структурированию российской элиты. Исторически кланы формировались на основе родственных и этнических отношений, они свойственны правящим группам государств «третьего мира», они более точно характеризуют структуру элит среднеазиатских, закавказских постсоветских стран. Клановость – одна из главных причин деградации социально-политической системы этих стран. Тем не менее и российские элитные группы структурируются на основе ориентации на личность лидера, а не на безличные рациональные процедуры в веберовском духе, что не способствует становлению в чиновничестве гражданского сознания, ведет к архаизации элит-массовых отношений. Эти элементы клановости противоречат мировой тенденции движения к меритократическим элитам, являются препятствием становления демократической организации российской государственности.

Однако, не стоит гипертрофировать сходство в рекрутировании советских и постсоветских элит, оставляя в стороне существенные различия

---

⁷⁴ Klugman J. The New Soviet Elite, N.Y., 1989, p.5.

⁷⁵ См.: Афанасьев М.А.Клиентелизм и российская государственность, М.,2000.

между ними. Уже первые относительно демократические выборы 1989 года означали появление принципиально нового, причем мощного канала рекрутирования элиты, где роль селектората выполняло не номенклатурное сито, а все население, точнее, электорат. Это был крутой поворот, несомненный прогресс для страны. Иное дело, что этот новый канал не привел к коренному улучшению качества элиты, что прежде всего связано с низкой политической культурой электората, с отсутствием в стране демократических традиций, что привело к тому, что избиратели отдавали голоса то В.Жириновскому, то С.Мавроди, то А.Коржакову. Этот канал не поставил препятствий для рекрутирования в элиту не просто беспринципных карьеристов (которые были в избытке представлены в номенклатурной элите), но и тех «новых русских», которые сделали состояние на коррупции.

Характерной стороной и моментом постсоветского транзита 90-х годов стало смена моделей рекрутирования элит – от номенклатурной, монополизированной политико-административной бюрократии к плюралистической, многоканальной, многопартийной, с несколькими центрами власти; наиболее сильным из новых центров власти оказалась на некоторое время бизнес-элита.

Номенклатурное рекрутирование опиралось на четкие «правила игры»; попавших в номенклатурные списки ждала, как правило, размеренная долгая карьера. Постсоветское рекрутирование элиты отличается, помимо гораздо меньшей регламентации, еще и многоканальностью. Плюрализм элит, сменивший единую номенклатурную элиту, означал и различие каналов и путей рекрутирования элит, различие правил и норм, складывающихся в продвижении вверх внутри различных элитных группировок и слоев. В целом можно сказать, что продвижение в элиту ускорилось, больше возможностей появилось у сравнительно молодых людей занять элитные позиции. Подавление путчей 1991 г. и 1993 г. стало стимулом прихода в политическую элиту новых людей, частичной смены и обновления элит. Это было время быстрых, порой головокружительных карьер и не менее быстрых падений. Что касается падений, то они продолжались и в последующие годы. Однако, следует заметить, что довольно скоро приток свежих людей в элиту уменьшается (1994-1997 гг.), идет процесс усиления исполнительных органов по сравнению с представительными, «назначенцев» на элитные должности по сравнению с избранными на элитные посты; доступ в элитные группы ограничивается в связи с их заполненностью.

Тенденция к дифференциации элит дополняется контр-тенденцией – сращиванием элит – политико-административной, финансово-экономической и – самое страшное для страны – мафиозной. Происходит криминализация значительной части политической и экономической элит; представители мафиозных кланов рвутся к власти.

Демократические перемены в ранее тоталитарной или авторитарной политической системе должны принципиально изменить модели рекрутирования элиты, стиль поведения последней, образ жизни, чтобы она не уподоблялась старой номенклатуре, озабоченной главным образом институтизацией своих привилегий. Увы, этого не произошло, неономенклатура во многом оказывается зеркальным отражением прежней элиты. Новые элитные группировки России сплошь и рядом оказываются результатом разложения и распада номенклатуры.

Наиболее распространенный способ продвижения «наверх», дающий максимальные шансы на успех в нынешней России – стать членом «команды», работающей на влиятельного лидера, обрести покровителя, то есть вступить в клиентарные отношения (плюс – покровительство финансового спонсора, часто мафиозного). Между этими командами и внутри них непрерывно ведется открытая, а чаще закулисная борьба, имеют место скандалы, «разборки», борьба «компромагов». Итак, решающую роль в деле продвижения в элиту по-прежнему играют не личные достоинства, а принадлежность к «команде», клану, социальной группе, что, разумеется, препятствует отбору в элиту действительно лучших, наиболее способных и, главное, высокоморальных людей.

Можно согласиться с утверждением А.Коржакова о том, что в ельцинской элите России оказались люди, «все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесторов, бандитов, личные, наконец»⁷⁶. Но тут только следует добавить, что эти слова в полной мере могут быть адресованы и самому автору книги, из которой взята эта цитата, и элитной группировке, в которую он входил и которая оказывала сильное влияние на Президента и правительство.

Разумеется, высокоморальную элиту может иметь только высокоморальное общество. Связь тут двусторонняя, и именно на элите лежит особая ответственность. Ведь элита – это люди, в нормативе обладающие ценностями, на которые ориентируется население, их референтная группа. Она решающим образом влияет на формирование общественного мнения, которое играет важнейшую роль в защите общества от энтропии и стагнации. Аморальная элита – первый индикатор больного общества. Низкий уровень доверия населения России политической власти (10%)⁷⁷ опасен для стабильности политической системы. Отметим, что критика властвующей элиты – имманентный признак демократической политической системы. Вместе с тем, следует признать, что постоянная дискредитация политической элиты, поддерживаемая средствами массовой информации,

---

⁷⁶ А.Коржаков. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997 г., с.359.

⁷⁷ Известия, 3.09.1997 г.

снижает эффективность политсистемы. Критикуя политико-административный аппарат, СМИ почти не пишут о позитивных моментах в его деятельности, а политологи явно недостаточно разрабатывают программу улучшения рекрутирования элиты.

Президенту В.В.Путину прежде всего предстояло укрепить государственную структуру, властную вертикаль, преодолеть кризис легитимности ельцинского периода. Кадровая чехарда, характерная для позднеельцинского периода, сменилась относительной стабильностью. Реформа политической системы начинается с изменения взаимоотношений федерального центра с регионами, с создания семи административно-территориальных округов, руководимых полномочными представителями Президента. Первый президентский срок Путина вывел из кризисного состояния отношение между центрами власти, между конкурирующими элитами, внес большую упорядоченность в функционирование властных органов. Но характер политической системы в целом не изменился. Это продооляющаяся власть элиты высших чиновников, олигархов (их власть была подорвана, но не сломлена). Пожалуй, наиболее существенной новацией в российской элите путинского периода было значительное усиление роли и влияния «людей в погонах» в структуре российской властной элиты.

Хотелось бы отметить элементы некоторой преемственности в сфере рекрутирования элит при всей контрастности политических режимов России в последние три столетия. Так, читая введенный в 1995 г. Закон «Об основах государственной службы Российской Федерации», невольно проводишь параллель с петровской «Табелью о рангах» и, в известной мере, с четко фиксированными регламентациями и привилегиями советской номенклатуры. Закон предусматривает аттестацию государственных служащих. Регламентация карьеры чиновников – дело, в общем, нужное, но ясно, что эта регламентация – лишь форма, и важно, каким содержанием эта форма наполняется. Попытки упорядочения системы рекрутирования элиты для повышения качества последней в авторитарных системах и в странах с неразвитой демократией часто носят паллиативный характер. Особую важность представляет вопрос о том, будет ли политико-административная элита рекрутироваться по открытой модели, или же ее основой будет узкогрупповой интерес либо личные пристрастия политического лидера.

Интересный анализ мобильности элиты дан О.В.Крыштановской, которая выделяет три фазы: инкорпорацию (вхождение в элиту), ротацию (перемещение кадров внутри элиты) и экскорпорацию (выход из элиты)⁷⁸. Вхождение в элиту – это наделение индивида властным ресурсом, позволяющим иметь определенное влияние на процесс принятия политических решений, своего рода политическим капиталом, что,

---

⁷⁸ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты, М., 2003, с.84.

естественно, вызывает чрезвычайно высокую конкуренцию. И этот капитал – не только атрибут элитной должности, он приватизируется, становится атрибутом инсайдера, причем он всячески старается увеличить его, занять все более высокое место в элитной иерархии.

Подавляющее большинство элитологов ограничиваются исследованием процесса вертикальной мобильности в элиту. Крыштановская же специально исследует движение вниз по социальной лестнице, прежде всего, выход из элитной группы, экскорпорацию, то, что порой называется «выпадением из обоймы», утрату элитного статуса, перемещение человека в не-элилу. Впрочем, возможна и частичная утрата политического капитала, или движение вниз по иерархической лестнице внутри элитной страны. Порой этот выход из элиты смягчается переводом этого человека на внешне престижные, но мало влияющие на политический процесс должности, то есть для него создаются своего рода синекуры (подобно тому, как в советские времена члена ЦК КПСС, не справившегося с работой на самом высоком правительственном или партийном посту, переводят на якобы «спокойную» работу посла, тем самым нанося двойной вред дипломатическому ведомству – во-первых, самим приходом на эту должность непрофессионала, который почти всегда допускает существенные промахи на новой работе, и, во-вторых, перекрывая карьерный путь по-настоящему высокопрофессиональному, талантливому дипломату). Впрочем, такого рода перемещения имеют место и в постсоветский период. Однако, для постсоветского периода гораздо более характерны перемещения «отработавших» высших правительственных чиновников на престижные посты в бизнесе, поскольку бывший политик сохраняет определенные связи в верхах, знание «корридоров власти», что полезно для бизнес-структур, причем его доходы, как правило, значительно возрастают. Порой высшие чиновники, занимая элитный пост, заранее подготавливают для себя «запасной аэродром», которым часто оказывается фирма, которой они оказывали услуги.

Дала ли какие-то позитивные результаты трансформация и смена элит в нашей стране за последнюю четверть века? Во-первых, как позитивный фактор, уже упоминавшееся снижение среднего возраста элитных групп. Во-вторых, появление новых каналов рекрутирования элит, прежде всего, избрание в Государственную Думу, в Законодательные собрания регионов.

В президентство В.В.Путина возросло значение и удельный вес канала, который сильно увеличил приход в политическую элиту представителей силовых структур. С одной стороны, увеличение доли силовиков в органах власти может быть оправдано тем, что в годы перестройки и особенно в 90-е годы роль силовых структур, особенно армии и органов госбезопасности, была резко снижена. КГБ был ликвидирован, расчленен между несколькими ведомствами, которые в своей совокупности сильно уступали КГБ по численности, а, главное, силовые органы были

деморализованы и ослаблены, подорвана их репутация, органы МВД оказались предельно коррумпированы. Такое ослабление правоохранительного и репрессивного аппарата, рост преступности и беззакония стали представлять серьезную опасность для страны в целом и для ее элиты, в частности. Путин не только приостановил процесс снижения роли и авторитета силовых органов, но, напротив, принял меры по усилению армии, изрядно обнищавшей за годы горбачевских и ельцинских реформ, а также органов госбезопасности и охраны порядка. Наконец, следует иметь в виду, что сокращение кадровых военных и в целом «людей в погонах» имело место в годы перестройки и особенно в процессе реформирования армии в 90-х годах, причем значительный процент уволенных еще не достиг пенсионного возраста, и люди искали себе применения на гражданской службе, прежде всего в управленческих структурах и в бизнесе.

Путин и его команда стояли перед задачей укрепления власти, преодоления того кризиса легитимности власти, который породило президентство Ельцина С помощью офицерского корпуса, сохранившего традиции организованности, дисциплины, можно было усилить управляемость страны, стабилизировать власть. Кроме того, возрастание роли силовиков в политической элите объясняется не в последнюю очередь и тем, что сам Путин вошел во власть именно из КГБ и разведорганов. Став президентом, Путин остро ощущал кадровый голод для формирования своего аппарата. Формируя президентскую команду и будучи вынужденным временно сохранить для более плавного перехода к реформированию структуры власти часть существовавшей при Ельцине политико-административной элиты, в том числе часть членов клана, более известного как «Семья», он опирался, во-первых, на своих петербургских коллег и друзей и, во-вторых, на выходцев из силовых ведомств (то есть во многом сохранился ставший привычным клановый подход). Ряд российских политологов считают, что возрастающее вхождение военных во власть корреспондируется с настроениями населения, уставшего от усилившегося в 90-х годах ослабления власти и видящего в увеличении доли военных во власти силу порядка. Офицеры силовых структур рассматриваются как одно из важных звеньев усиления президентской власти. В результате доля военных в политико-административной элите увеличилась с 11,2% до 25,1% в 2002 г.⁷⁹

Силовые структуры стали одной из важных баз рекрутирования политико-административной элиты страны. Ряд социологов и политологов употребляют термин «милитократия», обозначая указанный феномен возрастания доли «людей в погонах» во властной элите. Они считают, что это несет с собой ряд опасностей для демократической системы, поскольку

---

⁷⁹ Там же, с.251.

само это вхождение военных во власть усилит намечающиеся тенденции к развитию авторитарной власти.

Впрочем, другие социологи и политологи считают, что мнение о милитаризации элиты неоправданным, во-первых, масштаб «милитаризации» политической элиты порой преувеличивается, во-вторых, выяснилось, что часть новых рекрутантов во власть из силовых ведомств оказалась мало эффективной на своих новых постах, в частности, губернаторских, и вынуждена была оставить их. Кроме того, удельный вес выходцев из бизнеса в системе политико-административных структур в первый период президентства Путина также значительно возрос и сопоставим с возрастанием удельного веса военных и чиновников во власти.

Путинская элита стремится, с одной стороны, усилить властную вертикаль управления страной, сделать демократию в России «управляемой», с другой – сохранить рыночную экономику и продолжить реформы по ее оптимизации. При этом, Путин рисковал снизить свой высокий политический рейтинг, идя на ряд реформ, непопулярных в широких народных массах, таких, как монетаризация льгот для ряда категорий граждан, отмена выборности губернаторов всеми гражданами региона и др. Для проведения курса на стабилизацию необходима политика, сохраняющая динамичный баланс между уважением демократических ценностей и сильной властью. А такой курс требует повышения качества управленческой элиты.

Важнейший вопрос, стоящий перед исследователем проблемы рекрутирования элиты, – можно ли как-то усовершенствовать селекцию политико-административной элиты и обеспечить создание меритократии, то есть «власти достойных»? Можно ли (и нужно ли) предотвратить создание контрэлиты, которая рано или поздно придет на смену существующей элите? Ясно, однако, что обеспечить стабильность политической системы невозможно, не упорядочив формирование элиты.

Хотелось бы специально сказать в этой связи о феномене «цветных» революций в СНГ: «революции роз» в Грузии, «оранжевой» революции на Украине, «революции тюльпанов» в Киргизии. При всем их различии в них много общего, и это общее связано прежде всего с элитами. Это общее – несправедливость сложившегося социального устройства. На одном полюсе – обнищание и разочарование широких масс населения. На другом – эгоизм и близорукость элит, выражающейся в клановости политики и семейственности экономики. И если элиты не повернутся лицом к интересам простых граждан, нестабильность и противоречия в бывших странах СНГ будут продолжаться и обостряться.

Как мы видели, важным путем повышения качества элиты является открытость ее рекрутирования, поиск наиболее способных, квалифицированных исполнителей на главные, да и на второстепенные роли. Для открытого и честного продвижения госслужащих нужно иметь

резерв на элитные должности. Причем в этот резерв предпочтительно включать молодых перспективных людей⁸⁰.

Как показывает опыт многих стран, существует несколько путей оптимизации рекрутирования элиты. Это, во-первых, тестирование претендентов на государственные посты. Опыт тут накоплен немалый, начиная от экзаменов, которые должны были пройти поступающие на административные должности в императорском Китае и кончая самыми современными методами тестирования при приеме на работу в государственных и частных учреждениях США, Японии, ряда европейских стран. Кстати сказать, определенный опыт тестирования административно-политической элиты, пусть небольшой и не самый лучший, имеется и у нас: тесты были предложены кандидатам на министерские и другие руководящие посты в правительстве И.Силаева.

Это тернистый путь, ибо трудно представить себе, чтобы известные деятели, претендующие на руководящие посты, а тем более уже занимающие их, добровольно согласились на тестирование (включающее определение «коэффициента интеллекта»), не сулящее многим из них ничего хорошего. Не нужно это Дж Бушу (известно, что его IQ ниже среднего), многим конгрессменам США, но по американским законам они вынуждены проходить эти процедуры (как, впрочем, и ряда других стран). В 2002 г. американские сенаторы объявили о своем несогласии с тем, чтобы члены Конгресса США проходили проверку на полиграфе (детекторе лжи). Можно не сомневаться, что российские члены Федерального собрания (по собственной инициативе) не согласятся ни на определение их IQ, ни на другие виды тестирования. Это полностью относится и к региональным законодателям а высшим чиновникам. И тут важно, чтобы электорат смог демократическими методами заставить правящую элиту пойти по этому пути.

Еще один проверенный путь улучшения качества элит – замещение элитных должностей, по крайней мере в большей их части, на конкурсной основе⁸¹. При этом могут использоваться разные типы и формы конкурсов:

---

⁸⁰ Интересный эксперимент в этом плане ставит московская мэрия. В течение недели перспективные с точки зрения их способностей 180 студентов московских вузов слушали выступления высших чиновников столицы, учились ораторскому мастерству и попутно пытались продемонстрировать себя. Из этих студентов отберут 39 (по числу мест «взрослого» совета при мэре). Дублеров нашли и для заместителей мэра и для глав префектур. Летом, во время августовских отпусков 2006 г. они заняли место замов Ю.Лужкова. Идея создания альтернативного правительства Москвы была встречена чиновниками довольно холодно: а возможно ли доверить управление городским хозяйством молодому поколению? Ведь бюджет этого хозяйства на 200 млрд. долларов больше бюджета Украины. Осенью 2006 г. мы узнали результаты эксперимента: он полностью оправдал связанные с ним надежды.

⁸¹ Большое значение в этом плане имеет пакет президентских указов, обновляющих правила для государственных чиновников, обнародованный 3-го февраля 2005 : «О конкурсе на

закрытые и открытые, региональные и общероссийские и т.п. Нужно превратить в реальность продекларированные намерения правительства набирать чиновников при помощи публичного тендера. Дальнейшее горизонтальное и особенно вертикальное передвижение чиновников по ведомственной лестнице должно также осуществляться на конкурсной основе. Причем в состав конкурсных комиссий следует обязательно включать представителей структур гражданского общества. Это позволит сделать процедуру найма чиновников конкурентной, открытой, более подконтрольной обществу, прозрачной.

Значительная роль в тестировании и конкурсном отборе должна принадлежать независимым экспертам (включая психологов, социологов, специалистов по менеджменту), которые могли бы квалифицированно и беспристрастно оценить также и прошлую деятельность претендентов, степень их профессиональной подготовки, уровень культуры и интеллекта, нравственные и волевые качества. Наряду с результатами такого тестирования следовало бы иметь медицинское заключение о здоровье соискателя государственной должности. Ну а пока человечество еще не изобрело «пробы» на нравственность, то пропуском в элиту должна быть еще и безупречная репутация. Следует подчеркнуть, что предлагаемые меры могут дать должный эффект лишь в том случае, если будут применяться ко всем претендентам на все государственные посты, включая пост Президента России.

Однако все сказанное – лишь заключительная фаза рекрутирования элиты, так сказать, верхушка айсберга. Известно, что коммуникационные и организаторские способности личности, необходимые лидеру, руководителю, начинают формироваться в раннем детстве. Поэтому общество должно быть заинтересовано в возможно более раннем выявлении талантов и способностей и их развитии. Поиск одаренных детей, создание атмосферы, благоприятствующей появлению талантов, поднятие престижа образования, тщательный конкурсный отбор в вузы, обеспечивающие элитное образование, должны стать частью государственной политики.

При этом очень важно, чтобы в такой огромной стране, как Россия, где центр всегда подпитывается провинцией, подготовка и рекрутирование элиты осуществлялись на возможно более широкой территориально-географической основе. Между тем сегодня наблюдается противоположная тенденция. Приток из провинции, особенно отдаленной, в элитные учебные заведения в последние годы сократился. У людей нет денег на дорогу, на проживание в столице. Говорят, талант, мол, все равно пробьется. Это опасное заблуждение. Кто-то, конечно, добьется успеха. Но многие могут

замещение вакантной должности», «О порядке присвоения и сохранения классных чинов», «О порядке сдачи квалификационного экзамена», «О проведении аттестации». В соответствии с ними государственный служащий должен приниматься на работу строго по конкурсу, периодически проходить аттестацию (См.: Известия, 4.02. 2005 г.).

потеряться в пути, если их вовремя не поддержать. А внакладе останутся, в конечном счете, государство и общество. Но эти вопросы мы далее рассмотрим более подробно.

Интересны современные тенденции в социальной мобильности в политико-административной и экономической элите. Чтобы сделать карьеру, важно попасть в нужный «социальный лифт». Однако, как показал опрос экспертов в 2006 г., в начале XXI века движение этих лифтов несколько замедлилось. Они говорят об окончании периода головокружительных карьерных взлетов. Собственно, именно так и должно быть, поскольку ситуация в России становится все более стабильной. Конечно, сейчас занять элитные посты стало гораздо сложнее, чем в нестабильные 90-е годы. В периоды реформ процесс продвижения наверх более быстрый и менее предсказуемый. Так было и во время реформ Петра I, и во время перестройки, и в начале 90-х годов, когда капиталы возникали хаотично. Далее наступил период сохранения капитала и его приумножения. «Новые русские» 90-х годов с их лозунгами свободного предпринимательства вызвали возмущение народа, скомпрометировали себя неэффективными реформами, приведшими к обогащению кучки олигархов и обнищанию большинства населения и соответственно к провалу правых политиков. Появился шанс у «государственников», которые пытаются сочетать административное регулирование с умеренно-либеральными преобразованиями. Большинство членов элиты начала XXI века – люди в возрасте 35 – 60 лет, в основном сделавшие свою начальную карьеру в 90-е годы. Сейчас их теснит новое поколение 25-35-летних, делающих карьеру в различных областях жизни (госслужба, бизнес, СМИ и др.) и все более подступающее к ведущим командным позициям.

Значительно повысились требования к компетентности специалистов. Чтобы реализовать себя и уверенно подниматься вверх по социальной лестнице, нужна очень простая и вместе с тем очень сложная вещь – умение целенаправленно и упорно трудиться, добиваясь поставленных задач – действует тот же меритократический принцип. Чем цивилизованней и демократичней становится общество, тем полнее работает этот принцип. Перспектива будущего проитика или бизнесмена, стремящегося войти в элиту на ближайшие годы выглядит так: в 18 лет молодой человек успешно заканчивает школу, поступает в престижный вуз (МГУ, Санкт-Петербургский университет, МГИМО(У), МВТУ им.Баумана, Финансовую академию или другой элитный вуз), заканчивает его с красным дипломом. Знание и упорный труд (не будем еще раз говорить здесь о связях, полученных от родителей или в процессе обучения в элитном вузе) приводят его в крупную, динамично развивающуюся компанию, в государственную или партийную структуру (ныне перспективнее всего «Единая Россия»), где и начитается его восхождение наверх. К 26-38 годам человек достигает значительных успехов и способен занять элитный пост. Наличие

кандидатской, а тем более докторской ученой степени увеличивает его шансы (но прорваться в элиту через науку – один из самых сложных путей, учитывая упавший ныне статус науки, и возможно лишь при условии общероссийской и мировой известности).

Как пишет руководитель Аналитического управления Центра политической конъюнктуры России А.Шатилов, совместное исследование, проведенное Центром политической информации и Центром политической конъюнктуры показало, что те, кто придут на смену нынешнему «первому эшелону», окажутся еще менее идеологизированными и политизированными, нежели их и без того прагматические предшественники. Это во многом связано с тем, что у нынешнего поколения 20–30-летних нет почтения к авторитетам, а показателем эффективности для них является не верность тем или иным идеалам, а достижение конкретного результата. Такой подход провоцирует большую претенциозность потенциальных кандидатов в элиту, а также их жесткость в борьбе за «место под солнцем». От них нельзя будет ждать «излишней щепетильности в достижении поставленных целей. При этом определенная ущербность в знаниях и интеллектуальном кругозоре (по сравнению опять же с предшествующим поколением) будет компенсироваться большей инициативностью и напористостью»⁸². Далее прогнозируется, что в будущем тенденция к закрытости элиты станет лишь нарастать.

А пока попытаемся ответить на главный вопрос: изменилась ли кардинально в демократическом плане система рекрутирования российских элит? Обеспечивают ли существующие механизмы селекции отбор в элиту наиболее достойных? Ответ может быть скорее всего отрицательным. Но было бы неправильным завершать рассмотрение этого вопроса на столь минорной ноте. Да, селекция элит в России пока еще не обеспечивает отбор лучших, достойнейших, подлинной меритократии. Но ведь важна не только моментальная фотография нынешнего состояния дел. Важна тенденция. В более чем тысячелетней истории России просматривается движение от закрытой элиты к если не к открытой, то во всяком случае менее закрытой. Однако тут не следует полагаться на стихийность этого процесса, иначе переход от отрицательного к положительному, меритократическому отбору элиты, растягиваясь во времени, будет представлять угрозу самой российской государственности.

В проблеме элитного образования и рекрутирования элиты есть один аспект, почти не исследованный в литературе. В обеих этих взаимосвязанных явлениях его субъекты ориентированы на восходящую социальную мобильность, цель которого – попадание в элиту. Но попадание в элиту – всегда результат жесткой конкурентной борьбы, в элиту попадает лишь незначительное меньшинство его участников. А что

---

⁸² Наше время, № 10, 2006, с.9.

же делать тому большинству, честолюбивые планы остаются нереализованными? Непопадание в элиту для большинства из них означает не просто разочарование, но глубокую личную трагедию, а иногда представляется крахом всей его жизни. Поэтому элитопедагог должен учитывать это обстоятельство, показывать, что дорога в элиту не усыпана розами, что стремящийся на Олимп должен быть готов к поражениям, может быть временным, а порой и вовсе лишается шансов занять место под солнцем.

Кроме того, соискатель элитной позиции должен знать, что эта позиция имеет не только приятные стороны. Она сопряжена с колоссальной ответственностью, с нахождением на месте, которое просматривается тысячами людей, почти полным отсутствием личной жизни или, во всяком случае, сужением возможностей распоряжаться собой в соответствии с своими желаниями. То есть он будет терпеть те неудобства, которые выпадают на долю публичных людей. Причем это относится не только к людям, еще стремящимся попасть в элиту, но и к тем, кто выпадает из элиты после короткого, в там более достаточно долгого пребывания в ее составе.⁸³

Есть еще одно качество, на воспитание которого они не обращают должного внимания - скромность (они полагают, что гораздо важнее умение «подать себя»). Дело в том, что элитопедагоги (или считающие себя таковыми) ставят перед учеником как наиглавнейшую цель – войти в элитную группу (слой), порой любой ценой. Это – двойная ошибка. Во-первых, такая ориентация плодит не элиту, а псевдоэлиту – не действительно лучших, а умеющих конкурировать, причем часто принимающих правила «игры без правил». Во-вторых, конкуренция такого рода плодит несчастных людей: не выиграв «главный приз», они впадают в депрессию, в фрустрацию, порой развивается склонность к суициду, порой она выливается в девиантное (отклоняющееся) поведение – алкоголизм, наркоманию. «Путь наверх» порой начинается с детских лет, превалирует стремление быть первым во всем – в учебе, в спорте, означает постоянные перегрузки, которые расшатывают здоровье. Если он не достигает намеченной цели – он страдает от этого, если же он добивается этой цели – наступает пресыщение, он чувствует себя разочарованным, опустошенным, обманутым (феномен, описанный А.Шопенгауэром). Такой человек в любом случае не будет счастливым. Человек элиты постоянно должен «играть роль», а не быть самим собой, он не имеет того «тихого счастья», как «простой» человек, он постоянно на виду, он не имеет необходимого privacy (частной жизни) Хорошо еще, если человек

---

⁸³ Эта проблема проанализирована О.В.Крыштановской в ее книге «Анатомия российской элиты», М., 2003, с.с.166-273.

элиты обладает достаточным чувством юмора, чтобы не считать себя всерьез сверхчеловеком.

Вся система школьного и вузовского элитарного образования (тут, пожалуй, уместнее сказать: воспитания) ориентирована на героические примеры, на стремление быть выдающимся творческим человеком. Рутинное, обычное бытие – это прозябание. Над таким человеком доминирует стремление прославиться, попасть в «избранное меньшинство». Но если это – по определению – меньшинство, это значит, что подавляющее большинство не достигнет этой цели. Ну и бог с ними, это – нетворческая толпа, она и не заслуживает лучшего. Это – losers (лузеры, проигравшие). А он – особенный, необыкновенный. И если он оказался в их числе – это так несправедливо... Ведь он столько читал о героях, знаменитостях, столько мечтал быть такими, как они...

Кстати, а кто они, эти знаменитости? Президенты, премьер-министры, миллиардеры, знаменитые изобретатели. Американские социологи еще во второй половине XX в. писали о том, что «героев производства», сменили «герои потребления». Впрочем, это явление не такое уж новое.⁸⁴

Крупнейший социолог XX века Р.Мертон писал, что «в нормальных условиях» социальная структура должна выполнять две главных задачи: определять культурные цели и обеспечивать пути их достижения. Но когда «система культурных ценностей выше всего превозносит цели успеха, в то время как социальная структура жестоко ограничивает или полностью закрывает доступ к дозволенным способам достижения этих целей для значительной части населения (имеется в виду массовое общество и массовая культура, Г.А.), результатом будет отклоняющееся поведение в больших масштабах»⁸⁵.

Элитное образование в странах Западной Европы и Северной Америки. Сравнительный анализ типов элитного образования

В условиях современной глобализации элитное образование выступает как мировая система, связанная между собой экономически (ее капитализация еще не подсчитана, но ясно, что речь идет о сотнях миллиардов долларов), причем экспортно-импортная деятельность в области

---

⁸⁴ Еще А.П.Чехов писал в одном из своих рассказов об инженер-строителе, который сетовал на то, что его, построившего в городе несколько мостов, которые исправно служат людям, никто из горожан, кроме родных и знакомых, не знает, а вот средненькую певичку знает полгорода. Да и сейчас замечательного математика Г.Перельмана, решившего теорему А.Пуанкаре, и гордо отказавшегося принять присужденную ему премию, равновеликую Нобелевской премии, знает узкий круг людей, а вот представителей попры, например, Ф.Киркорова, знают большинство россиян.

⁸⁵ Merton R. Social Theory and Social Structure, Glencoe, 1962, p. 63.

образования относится прежде всего именно к элитному образованию. И в целом усиливаются взаимосвязи вуза с рынком труда (не будем сразу давать ответ на вопрос: хорошо это или плохо?). Пока скажем только, что формируется глобальный рынок образовательных услуг и обостряется конкуренция между странами и регионами и, конечно, между вузами, вырисовывается тенденция к ослаблению государственного регулирования в сфере образования.

Говоря об элитном образовании в странах Западной Европы и США, следует сказать об отношении населения этих стран к феномену элитного образования. Дело в том, что отношение это весьма неоднородно, отличается плюрализмом. Нужно сказать, что многие леворадикальные социологи непримиримо относились и относятся к элитарному образованию. Более того, эта непримиримость к элитному образованию доходила (у И.Иллича и его последователей) до требований ликвидировать вообще школу как институт, являющийся рассадником конформизма, насаждения бездушной дисциплины, подавляющий личность обучаемого, манипулирующий его сознанием, стремящийся к производству авторитарных личностей как опоры консерватизма.

Элитное образование в Великобритании.⁸⁶ Начнем с Великобритании, где система закрытых частных элитных школ имеет, пожалуй, наиболее прочные традиции В XIX в. Великобритании существовала ярко выраженная стратификация учебных заведений. Дети из высших классов учились в привилегированных частных школах – в Итоне, Хэрроу, Винчестере, Рагби, предназначенных для аристократии. Дети из среднего класса посещали частные школы и школы, финансируемые государством; они редко продолжали обучение после 16 лет. Выходцы из рабочего класса учились в начальных школах, существовавших за счет благотворительных и религиозных организаций. Была широко распространена дискриминация по половому признаку.

Любопытен анализ развития системы образования в Великобритании, в связи с развитием страны в целом, сделанный уже известным нам М.Янгом, и его прогноз на развитие этой системы до 2033 г. Сущностью этого развития является утверждение принципа меритократии и закат принципа наследования, (в том числе наследования статуса и доступа к элитному

---

⁸⁶ Подавляющее большинство школьников получают государственное или финансируемое муниципалитетами образование – начальное, затем среднее, и к 16 годам, сдав экзамен первого уровня, учащийся должен решить, хочет ли он продолжить образование (до 18 лет) с тем, чтобы затем попытаться поступить в вуз или же получить профессиональную подготовку и начать работать. В частном секторе обучение начинается с 7 лет, в 16 лет дети сдают те же экзамены первого уровня и продолжают учебу, готовясь к поступлению в университет. Об эволюции в Великобритании элитного среднего образования см. подробнее: Ашин Г., Бережкова Л., Карабущенко П., Резаков Р. Теоретические основы элитного образования. М., 1998.

образованию). «Степень общественного прогресса зависит от того, насколько власть в обществе соотносится с интеллектуальностью. Еще сто лет назад Великобритания расточала свои ресурсы, обрекая даже талантливых людей на ручной труд и блокируя представителей низших классов получить справедливое признание своих способностей. Но Британия не могла превратиться в кастовое общество, коль скоро она желала выжить как великая страна, великая в сравнении с другими. Выдержать международную конкуренцию можно было только на основе лучшего использования человеческого фактора, прежде всего талантов, которых даже в Англии, надо это признать, было слишком мало. Школа и производство распахнули свои двери для достойных, и умные ребята получили широкую возможность для роста. Доля людей с IQ выше 130 не могла увеличиться – задача состояла в том, чтобы она не падала, но доля таких людей, которые полностью опирались на свои способности, неуклонно росла»⁸⁷. Только так можно было повысить конкурентоспособность Британии на международных рынках, в том числе и на рынке образовательных услуг. Как видим, основными препятствиями на пути развития образования, которые необходимо устранить, Янг считал (и считал правильно) аристократические традиции и феодально-кастовые пережитки.

Даже после закона об образовании 1944 г., предусматривавшего бесплатное среднее образование для всех, трехступенчатая система продолжала существовать. Дети из рабочего класса учились в так называемых средних «современных» школах, где приобретали главным образом профессиональные навыки. Учащиеся из средних классов посещали «грамматические» школы, где изучали гуманитарные и естественные науки. Представители высших классов учились в частных школах, дававших широкое образование, включая изучение искусства, древнегреческого и латинского языков. Самыми привилегированными из них являются паблик скулз⁸⁸. Прежде чем приобрести современный вид, паблик скулз пережили ряд реформ, самая радикальная из которых была осуществлена почти два столетия назад по инициативе Т.Арнольда. Если в средневековых школах основами воспитания были латынь и розги, то реформа добавила третий рычаг – спорт, а розгу вложила в руки старшеклассника. Введенная реформой система внутренней субординации наделила старшеклассников значительной властью над младшими. Именно через систему старшинства, (я чуть было не написал: «дедовщины»), школа преподает новичку самый первый и самый суровый урок: умение подчиняться, с тем, чтобы

⁸⁷ Young M. The Rise of the Meritocracy. 1870– 2033., Middlesex, England, 1968, p.p. 14-15.

⁸⁸ В сущности, термин «public school» – в его понимании британцами – вводит в заблуждение, поскольку эти школы – не «public» (общественные, народные), т.е. как раз не публичные, государственные или муниципальные, а частные, привилегированные, элитарные. Между прочим, в США этот термин употребляется в ином смысле, соответствующим термину «public» (общественный).

впоследствии научиться повелевать. Через полтора столетия вместо розог у старших появился новый инструмент влияния на младших – система тьютерства (кураторства). Старшие продолжали надзирать за учебой и поведением младших. Система тьютерства существует и в вузах Великобритании.

В паблик скулз обучаются лишь около 5% общего количества школьников Великобритании. Но влияние этих школ не только на систему образования, но и общественно-политическую жизнь страны весьма значительно. Чем отличаются эти школы? Лучшие педагоги, лучшие системы обучения, лучшие библиотеки. А еще – лучшие спортивные сооружения.

И все же главное преимущество паблик скулз – чисто социальное. Это – один из главных пропусков в элиту Великобритании. Понятие «старый школьный галстук» – часть формы «паблик скулз» – означает круг старых друзей, социальных связей выпускника, этот символ не только говорит о качестве его образования и даже круге его знакомств, это одно из свидетельств принадлежности владельца галстука к элите, он открывает дорогу к блестящей карьере. Вот почему устроить сына в паблик скул – важнейшая забота состоятельных родителей. И дело тут не в наличии денег за оплату школьного образования (это – *conditio sine qua non* – обязательное, но недостаточное условие), количество родителей, готовых оплатить дорогостоящее обучение, во много раз больше, чем мест в престижной школе. Попасть в паблик скул для аутсайдеров практически невозможно – не только для рабочих, но и выходцев из средней буржуазии, и даже для разбогатевших нуворишей. Для большинства учеников это «семейные школы», их отцы, деды, прадеды учились в этой школе и жертвовали на нее значительные средства. Кого примут в это школу – того, несколько поколений предков которого учились в этой школе, (причем кто-то из них был премьер-министром или лордом-канцлером или построил школьную церковь или библиотеку) или того, родители которого могут предложить только требуемую плату? Впрочем, у родителей неудачника есть определенный компромисс – поместить сына в другую, менее престижную частную школу.

Как признают английские специалисты по социологии образования, до второй мировой войны качество образования в Великобритании определялось принадлежностью к определенной социальной страте (*ascribed status*). Образование, работа и по существу вся жизнь предопределялись социальным происхождением. После второй мировой войны ситуация несколько изменилась, расширились образовательные возможности представителей других классов общества. Равные возможности в получении образования виделись ключом перехода к более открытому – меритократическому обществу, в котором люди перемещались вверх и вниз в иерархии занятости в соответствии с их заслугами (точнее заслугами,

способностями и прилагаемыми усилиями), с тем, чтобы рождение в бедной семье не являлось препятствием к жизненному успеху, а рождение в состоятельной семье не гарантировало от провала в карьере. Эти воззрения – социал-демократические в своей основе – стали в середине XX века разделяться большинством политических партий⁸⁹. Education Act (закон об образовании 1944 г.), как говорилось выше, провозгласил право детей на среднее образование. Вскоре последовал «образовательный взрыв». В образовании стали видеть не только средство реализации личностных способностей, но также путь к решению социальных проблем, таких как бедность, преступность, оно виделось ключом к более цивилизованному, демократическому и процветающему обществу. Однако к 70-м годам возобладал скептицизм по этому поводу. Правые критики британской системы образования стали утверждать, что она неудачная, дорогостоящая, неэффективная с точки зрения подготовки детей к трудовой деятельности. Спор по этому вопросу продолжается.

В Великобритании существует множество разнородных школ и нет унифицированных программ. Хорошо это или плохо? Защитники образовательного плюрализма говорят, что это означает, что для родителей и самих школьников существует большая свобода выбора. Однако эта свобода выбора прикрывает самое главное – тот факт, что наличие привилегированных школ служит определенным социальным барьером, каналом социальной сегрегации молодежи, индикатором неравенства стартовых возможностей английских детей. Право на среднее образование для всех оказалось на деле ширмой, маскирующей реальное наличие социального фильтра. Относительно унификации или, напротив, усиления дифференциации школьного обучения долгое время боролись полярные точки зрения. В начале XXI века точки зрения сближаются. «В прошлом консерваторы в Англии выбирали свободу и разнообразие и не были сколько-нибудь озабочены общими стандартами. Мы, – говорит профессор М.Барбер, генеральный советник премьер-министра, глава отдела государственных служб при премьер-министре Великобритании, – стараемся сочетать одно с другим. Стандарты задаются из центра, но школам дается абсолютная свобода того, как их реализовать»⁹⁰.

Среднее образование в Великобритании провозглашено обязательным, его можно получить в частных платных школах, (включая паблик скулз), или в бесплатных. Но образование отнюдь не стало одинаковым для всех. В соответствии с реформой 1944 г. бесплатное среднее образование делилось на перворазрядные грамматические школы (около четверти детей) и так наз. «современные» (оставшиеся три четверти учащихся бесплатных школ). Для того, чтобы рассортировать детей по этим двум типам, был учрежден

---

⁸⁹ Bilton T., Bonnet K. a.o., *Introductory Sociology*, Bath Press, Great Britain, 2002, p.265.

⁹⁰ Известия, 02. 11. 2001.

селекционный порог – экзамен «одиннадцать плюс» – комплекс психологических и педологических тестов, отделивших три четверти детей, которые обычно после школы начинали трудовую жизнь, от четверти, для которой сохранялись перспективы высшего образования.

Система отсеивания учащихся в одиннадцатилетнем возрасте – система жесткая и, без сомнения, классовая: у выходцев из низших социальных страт общества куда меньше шансов выдержать экзамен «одиннадцать плюс», чем у детей состоятельных родителей, могущих нанять домашних репетиторов, возвращающихся в более образованной среде; сын служащего имеет в 9 раз большие шансы поступить в грамматическую школу, чем сын рабочего. Английские левоориентированные педагоги (Б.Саймон и др.) считают, что тесты измеряют не «природный интеллект», но являются тестами знаний и умений, полученных в семье, малой группе, школе и т.д., что возможно натаскивание на сдачу тестов и что они ставят в невыгодное положение детей из бедных и малообразованных семей. Резкие протесты общественности против экзаменов «одиннадцать плюс» привели к курсу на их постепенную отмену. Но в любом случае не затрагивались интересы частных школ, особенно паблик школ.

В Англии сохраняет силу правило, что чем дороже образование, тем оно лучше, но за некоторым исключением: иметь деньги – еще не все: «старые» деньги лучше «новых», а главное – это традиции и связи семьи. Это относится как к среднему, так и к высшему образованию. В частных школах (их насчитывается более 2000) учится всего 6% английских детей, но 9 из 10 выпускников частных школ поступают в колледжи и университеты. Окончивший паблик школу, по подсчетам английских социологов, имеет в 20 раз большие шансы попасть в Оксфорд или Кембридж, чем учащийся общеобразовательной школы. Обладая высоким престижем и к тому же располагая средствами, старые университеты имеют возможность привлечь лучших профессоров, а паблик школ – лучших преподавателей. Каждая из этих школ имеет свою уникальную историю, традиции, претендует даже на свою философию.

Большое внимание в элитных учебных заведениях Англии уделяется шлифованию методики преподавания, риторике, оттачиванию искусства полемики на семинарах и конференциях. Традиционное английское образование стоит на двух китах – едином образовательном стандарте и дисциплине. Большое значение придается индивидуальному подходу к обучающимся, (а малая численность классов обеспечивает индивидуализацию обучения), изучению их личностных качеств; развиваются, причем целенаправленно, интересы обучающихся, создается атмосфера конкурентной борьбы за лидерство.

Студентами (так называют учеников всех уровней) становятся уже с пятилетнего возраста. С 5 до 13 лет – младшая подготовительная школа, с 14 до 16 – старшая. В школе изучаются как обязательные предметы

иностранные языки, физика, химия, математика, география и некоторые другие, как дополнительные – большой выбор предметов, включая верховую езду или кулинарию. По окончании подготовительных курсов школьники поступают в среднюю школу, и в 16 лет получают сертификат о среднем образовании (GCSE). Те, кто хочет поступить в вуз, должны еще два года посвятить углубленному изучению предметов, которые учащиеся выбирают самостоятельно, чтобы подготовиться к экзаменам по избранной ими специальности. Экзамен (A-Level) является одновременно выпускным и вступительным в вуз. На конкурс в университет выставляются аттестаты, и чем выше уровень школы, которую закончил абитуриент, чем лучше оценки, тем больше у него шансов поступить в престижный, элитный вуз. По правилам, каждый претендент может отправить заявление и документы не более, чем в 6 вузов. Выбрать их с учетом индивидуальных способностей школьнику помогают на отделении карьеры, которое имеется в каждой элитной школе⁹¹.

В Великобритании единый государственный экзамен существует уже более 50 лет, и сейчас споров о его целесообразности уже нет (споры, как мы увидим, идут по определенным аспектам этой проблемы). Впрочем, для того, чтобы поступить в элитный вуз, прежде всего в Оксфорд и Кембридж, (часто их объединяют термином «Оксбридж»), помимо самых высоких оценок по единому госэкзамену абитуриенту необходимо пройти дополнительное собеседование, во время которого он должен ответить на ряд вопросов по избранной специальности, в некоторых случаях проводится письменная работа⁹².

---

⁹¹ Кстати, учеба в университетах Великобритании требует немалых усилий. Недаром первое значение слова bachelor в английском языке – холостяк, а уж потом – бакалавр. Грызть гранит науки, совмещая это с семейной жизнью, мало кому удается.

⁹² Директор Британского совета в России Э.Гроэр дал официальную информацию о существующей в английской образовательной системе практике и о приеме в элитные вузы страны. Обязательные государственные испытания, (также именуемые стандартными аттестационными тестами –SATS), проводятся для детей в возрасте 7,11, и 14 лет и итоговая аттестация учащихся в возрасте 16 (образование для лиц старше 16 лет не является обязательным). Большинство учащихся продолжают учебу до 18 лет, сдают экзамены (GCSE), дающие право на поступление в вузы. Случаи, когда студентов принимают в университет, не учитывая при этом результаты государственных испытаний, в Великобритании крайне редки. Подавляющее большинство студентов принимаются в университеты на основании результатов экзаменов углубленного уровня («А»). Основопологающим критерием при приеме в университет являются результаты уровня «А». Результаты оцениваются по пятибальной шкале. Каждый университет сам определяет количество очков, необходимое для поступления, причем для поступления на разные факультеты может требоваться различное их количество. Для поступающих на факультеты, пользующиеся повышенным спросом, университет ставит очень жесткие критерии отбора. В таких случаях необходимое количество очков по результатам экзаменов может быть недостаточным, поскольку высока вероятность того, что студентов, набравших нужное количество очков, больше, чем мест на данном факультете. В таких ситуациях университет

Паблик скулз не только обучают детей британской элиты. Они их воспитывают, (большинство паблик скулз – это пансионы или полупансионы⁹³), стараются выработать черты характера, необходимые для будущей элиты, а спортзалы и игровые площадки помогают набрать и поддерживать спортивную форму; в них готовятся будущие лидеры, главным образом политические лидеры, те, которым предстоит властвовать. Директор одной из частных школ Великобритании, «Чартенхауз», заявил, что школа готовит будущих лидеров, которые должны научиться принимать на себя руководство людьми, причем лидеров авторитарного плана: «Слюнтяи, мягкотелые гуманисты не нужны, потому что они могут выпустить из своих рук вожжи управления». Однако у учащихся, в тех случаях, когда с ними обсуждают оптимальный стиль лидерства, более популярен не авторитарный, а демократический стиль. Дальнейшее оттачивание лидерских качеств продолжается в элитных университетах.

Через эту систему элитных учебных заведений правящая элита Великобритании готовит себе смену. В элитных учебных заведениях устанавливаются контакты, связи, которые часто продолжаются всю жизнь, помогают делать карьеру. В элитные и суперэлитные школы – Хэрроу, Итон, King's School и др. попасть аутсайдерам практически невозможно, хотя бы потому, что места в таких школах на годы вперед расписаны по семьям. Но по соображениям политкорректности бывает, что и «обычным» детям иногда достается счастливый билет.

Британские школы делятся на интернаты и дневные школы, раздельного обучения и смешанного. Частные школы независимы от государства, самостоятельны в выборе того, как и чему учить. Ныне в Великобритании свыше 3000 «индепендент скулз», из них более 800 пансионного типа. Интернаты рассчитаны на детей до 18 лет. Преподавание в них – высокого уровня, поддерживается строгая дисциплина (от занятий физкультурой не освобождают даже при повышенной температуре – до 37,5 градусов).

В элитных школах обычно существуют продвинутые методики обучения. Широкое распространение получили имитационные игры, например, игры в парламент (учащиеся играют роли членов парламента от каких-либо округов, что, кстати, заставляет их обратиться к учебникам

может установить дополнительные критерии приема, например, прохождение собеседования, подборку самостоятельных работ (портфолио) или дополнительное тестирование. В Оксфорде и Кембридже, где многие колледжи весьма избирательно относятся к абитуриентам, а конкурс при поступлении очень высок, чаще всего применяют собеседования и дополнительное тестирование. (Известия, 31.05.03).

⁹³ Кстати, некоторые частные школы в России копируют английские и американские элитные школы, предлагая полный пансион, развивающее и профильное обучение: иностранные языки, компьютерные технологии, фортепиано, хореографию, индивидуальный подход, обеспечиваемый, в частности, тем, что в классе – не более 8 учеников (АиФ, № 23, 2005).

политической географии, к справочникам, чтобы уяснить особенности представляемого округа, интересы его жителей), в ООН, что заставляет их знакомиться со структурой и функционированием этой организации.

Роль паблик скулз и дипломов Оксбриджа в воспроизводстве правящей элиты очень велика: среди владельцев этих дипломов – больше половины высших правительственных чиновников, три четверти высших постов в органах суда и прокуратуры.⁹⁴ Среди высших чиновников МИДа Великобритании – свыше 90% учились в частных школах, в том числе свыше 85% окончили паблик скулз, (в том числе свыше 80% всех послов).

Дипломы Оксбриджа – это не столько свидетельство квалификации или каких-то специальных знаний, сколько свидетельство качеств джентльмена, элитарности, (это описал еще в 20-х г.г. Ф.С. Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби»). Важная социальная функция Оксбриджа – воспитание человека, который бы продолжал традиции британской элиты, это заключительный социальный фильтр, пройдя через который человек приобщается к «избранной касте», чувствует себя своим в элитных кругах.

С момента прихода к власти в 1997 году лейбористское правительство Великобритании провело ряд реформ на всех ступенях образования. Лейбористы говорят, что они нацелены на дальнейшие реформы, заявленные в обнародованной недавно «Белой книге».

Государственные расходы на образование в Англии с 35 млрд. англ.ф.ст. в 1997-98 гг. выросли до 51 млрд. англ.ф.ст. в 2004-05 г.г. Наряду с массивными финансовыми вливаниями проводятся и другие реформы. В начальной школе поставлена цель – обеспечить проведение качественных занятий по музыке (обучение каждого школьника игре на каком-либо музыкальном инструменте), а также минимума занятий по физкультуре. В 2003 году был взят курс на внедрение в начальной школе преподавания иностранных языков – все дети с 7 лет должны получить эту возможность к 2010 году.

Большое внимание уделяется средним школам. Констатировав, в основном, неудовлетворительные результаты работы общеобразовательных средних школ, правительство предложило им изменить свой статус на специализированные, т.е. с уклоном в сторону изучения одного или двух предметов при сохранении общеобразовательной программы.

---

⁹⁴ Английский социолог Хью Томас писал, что в Великобритании все члены Верховного суда, (кроме одного), все епископы, (кроме одного), почти все консервативные и треть лейбористских членов парламента – выпускники привилегированных частных школ, в которых учатся дети состоятельных родителей. Исключения подтверждают правила. Лидер консервативной партии начала XXI в. У.Хейг – выпускник муниципальной школы, не окончил Оксфорд, а многолетний лидер лейбористской партии премьер-министр Великобритании Тони Блэр ходил в престижную частную школу в Эдинбурге, учился в Оксфорде. Он говорил: «Я не рожден лейбористом, я стал им»

Отсутствие равного доступа к качественному образованию по-прежнему является одной из наиболее злободневных проблем современного школьного образования в Британии. Общеобразовательные школы, призванные обеспечить такой доступ, были созданы еще в 1970-е годы. Однако – и в этом сходятся практически все политические партии – нынешнее невысокое качество обучения в большинстве из них объясняется особенностями социального уклада британского общества. Школы в малообеспеченных районах не смогли набрать достаточно большого числа детей среднего класса, который обычно отличает высокая степень притязаний⁹⁵.

В Великобритании разработан также план реформы финансирования высшего образования, запланированный на 2006-2007 г.г. Вместо предварительной оплаты вводится государственный образовательный кредит. Каждый университет получает право самостоятельно устанавливать размер оплаты обучения, при условии, что он не будет превышать 3 000 англ.ф.ст. в год.

17 ноября 2004 года Правительство Великобритании обнародовало Международную стратегию развития образования «Весь мир в образовании мирового класса» (Putting the World into World-Class Education). Она дополняет 5-летнюю программу развития образования в Англии (в Шотландии и Уэльсе соответствующие вопросы отнесены к компетенции местных администраций).

Этот документ является итогом активного переосмысления британцами в течение последних нескольких лет подходов страны к решению ключевых задач национального развития в условиях растущей глобализации. Образованию в этом отводится ключевое место. Перед британским образованием ставятся три общие цели:

- 1) дать учащимся всех возрастов знания и навыки, которые подготовят их к жизни и деятельности в условиях глобальной экономики. Понимание общемировых проблем видится как неотъемлемое качество полноценного британского гражданина;
- 2) развивать сотрудничество с зарубежными партнерами в области образования;
- 3) максимально увеличить долю образования, профессионального обучения и университетских исследований во внешнеторговом обороте и внутренних инвестициях.

В документе подчеркивается, что постановка данных целей отражает эволюцию мировоззрения британской элиты – выработка внутренней, в том числе образовательной, политики теперь диктуется анализом перспектив общемирового развития.

Достижение первой цели видится через работу по привнесению «глобального измерения» в образование, улучшение преподавания иностранных языков, выработку у

---

⁹⁵ Интересно сравнение российской и британской систем среднего образования, которое было предметом обсуждения на семинаре «Управление образовательной реформой», организованном Минобразования России, Британским советом (его представлял генеральный советник премьер-министра М.Барбер) и другими организациями. На семинаре с докладом выступил один из профессоров педагогического факультета Кембриджского университета, занимающийся сравнительным исследованием образовательных систем в разных странах. Он говорил о том, что по результатам Третьих международных исследований по математике и естественным наукам за 1994–1995 и 1998–1999 годы можно говорить о преимуществе российских школьников (сравнивались школьники 14.лет) над их сверстниками из других стран, включая Великобританию. «У российской системы образования действительно очень большие достижения. Сегодня в Англии и США невероятно популярен Лев Выготский. Если говорить о том, что, на мой взгляд, нужно сохранить, то это саму педагогику, педагогические приемы, которыми пользуются ваши учителя» (Известия, 02, 11, 2001).

специалистов профессиональных навыков, которые позволят им успешно конкурировать на глобальном рынке рабочей силы, выработку системы взаимного признания и «прозрачности» образовательных квалификаций между странами мира.

Под глобальным измерением в обучении и воспитании подразумевается, прежде всего, внедрение в них 8 принципов глобального общества, как-то: гражданственность, социальная справедливость, устойчивое развитие, плюрализм, многообразие ценностей, взаимозависимость, мирное урегулирование конфликтов, права человека. Все они, по замыслу британских властей, должны найти свое отражение в тех или иных разделах учебных программ всех британских учебных заведений. В рамках повышения уровня преподавания иностранных языков правительство вводит в обязательном порядке преподавание хотя бы одного языка в начальных школах (на 2-й ключевой ступени, т.е. с 7 лет).

Для повышения профессиональной подготовленности британской рабочей силы, предполагается, что отраслевые Советы по профессиональной подготовке проведут ряд исследований влияния глобализации на размеры, структуру и занятость в различных отраслях британской экономики в сравнении с другими странами. Констатируя недостаточное по сравнению с другими странами ЕС участие британских студентов в европейских студенческих обменах, правительство берет обязательство добиваться более гибких и упрощенных условий участия в них британцев в рамках запланированных на 2007 год переговоров по созданию интегрированных программ обучения в течение всей жизни и учебно-воспитательных программ для молодежи ЕС.

В области взаимного признания и «прозрачности» квалификаций британцы намерены продолжить активную работу в рамках Болонского процесса, а также стать участником европейской системы взаимного признания зачетных единиц «Европасс», которая начала действовать уже в 2005 году. Основным принципом нового подхода к развитию международного сотрудничества – второй цели данной стратегии – декларируется взаимозависимость в условиях глобализации национальных целей в области образования и целей, преследуемых зарубежными партнерами Британии. Ставятся задачи использования наиболее передового международного опыта в области образования, обеспечения информационной открытости процессов в национальном образовании для партнеров Великобритании, наращивания сотрудничества в рамках ЕС по реализации Лиссабонской повестки дня. По сути, однако, речь идет о культивировании спроса на британские образовательные ресурсы в мире, что должно, с одной стороны, обеспечить их максимальное использование и этим способствовать достижению первой цели, а с другой – закрепить британское присутствие в странах мира (обеспечить, как стало модно говорить, «мягкую власть»). Особенное значение придается в этой связи развитию образовательного интернет-портала «Глоубал Гейтвей» (www.globalgateway.org.uk), при помощи которого начальные и средние учебные заведения по всему миру могут налаживать международные контакты (от простой переписки школьников до совместных учебных проектов).

Последней в ряду поставленных концептуальных целей является максимальное увеличение экономической отдачи от образовательного сектора. Ставятся задачи поощрять учебные заведения (в основном, высшие) к расширению приема иностранных студентов в Великобритании и к созданию зарубежных филиалов, добиваться выхода страны в лидеры по использованию коммуникационных технологий в образовании, способствовать превращению британских университетов в международные центры научных исследований и налаживанию более эффективного взаимодействия между ними и деловыми кругами на международном уровне.

Реагируя на меняющуюся ситуацию на мировом рынке образовательных услуг, в Британии активно переосмысливают позиции страны в этой области. В последнее время был проведен ряд исследований данного вопроса. Так, совместное британо-австралийское

исследование прогнозирует к 2020 г. глобальный рост количества иностранных студентов с 2,1 млн. до 5,8 млн. Согласно исследованию, проведенному Агентством по торговле и инвестициям Великобритании и Британским советом, который является основным «агентом» по продвижению британского образования за рубежом, экспорт образования приносит экономике страны ежегодно 10,3 млрд. англ.ф.ст. Весьма показательно, что по доле в ВВП образовательный сектор опережает сектор страховых услуг и приближается к сфере финансовых услуг.

В настоящий момент на долю Британии приходится более 20% мирового рынка студентов, обучающихся за рубежом. При этом только внутри страны учатся 270 тыс. студентов-иностранцев. Ежегодно каждый из них в среднем тратит 16 тыс. англ.ф.ст. на свое обучение и проживание. Согласно прогнозам Британского совета, количество обучающихся в Британии иностранных студентов вырастет к 2020 г. до 511 тыс. человек при сохранении нынешней системы привлечения студентов. При повышении ее эффективности к 2010 г. их численность может увеличиться до 400 тыс. человек, а к 2020 г. – до 870 тыс. Кроме того, предсказывается не меньший рост спроса на британское образование, предоставляемое в зарубежных странах – с 190 тыс. студентов в настоящее время до 800 тыс. в 2020 г.

В Великобритании действуют отдельные правила приема и обучения зарубежных студентов – для граждан Европейского Экономического Пространства (страны ЕС, а также Норвегия, Лихтенштейн, Исландия, Швейцария) и для граждан всех остальных государств мира. Для граждан ЕЭП (в том числе для новых членов ЕС) действует безвизовый режим въезда, а также установленная государством норма оплаты обучения - 1125 англ.ф.ст. в год (по состоянию на 2003 г., в 2004 г. она повышена), как и для британцев. Всем остальным категориям граждан для получения въездной визы требуется действительный паспорт, справка о зачислении и документы, подтверждающие наличие финансовых средств, достаточных для оплаты полного курса обучения в данном вузе и проживания в стране в течение всего периода обучения. Оплата в данном случае устанавливается самим университетом и может составить от 5000 до 18000 англ.ф.ст. в год, помимо расходов на питание, проживание и учебные материалы.

Высшие учебные заведения в Великобритании являются самоуправляющимися и не зависимыми от правительства учреждениями, и как таковые самостоятельно осуществляют международную деятельность. Активное содействие в привлечении иностранных студентов и продвижении британского образования за рубежом осуществляет Британский совет, но оно носит централизованный характер лишь постольку, поскольку способствует повышению эффективности рекламных компаний. Зарубежные представительства Британского совета выполняют лишь консультативные функции.

На аналогичных принципах построена работа другой британской организации – Службы приема в университеты и колледжи UCAS. UCAS работает на добровольных условиях членства и осуществляет стандартизацию заявок абитуриентов на поступление в бакалавриат (решение о зачислении во всех случаях вуз принимает самостоятельно). Подавляющее большинство университетов и колледжей пользуется услугами этой службы для приема британских студентов, а также имеет преимущества, которые дает такая стандартизация для приема иностранных студентов. Кроме того, UCAS публикует ежегодный справочник об эквивалентности британских и зарубежных документов о среднем образовании. В нем содержатся краткие сведения о системах среднего и высшего образования соответствующих государств. Из республик бывшего СССР в нем имеются сведения о России, Эстонии, Казахстане, Латвии, Украине и Узбекистане. Согласно данному справочнику, российский Аттестат о (полном) среднем общем образовании эквивалентен Общему свидетельству о среднем образовании (GCSE или 0-Levels), что не

дает право на поступление в университет. Вузам рекомендуется требовать от абитуриентов перед поступлением закончить «колледж шестого класса» (т.е. британскую среднюю школу полностью) или компенсационный курс (bridging course) при университете. Как видим, Великобритания уделяет большое внимание привлечению иностранных студентов в свои вузы.

Ведущие газеты Великобритании регулярно публикуют рейтинги лучших университетов. Газета Guardian в 2006 г. опубликовала свой рейтинг британских университетов. При его составлении газета ориентировалась на такие показатели, как качество преподавания, соотношение количества преподавателей и студентов, перспективы их трудоустройства. Десятка лучших университетов Великобритании выглядит так: 1.Oxford; 2.Cambridge; 3. London School of Economics and Political Science; 4.University of London; 5.Imperial College of Science, Technology & Medicine; 6.School of Oriental & African Studies; 7.King's College London; 8.Warwick University; 9. Bath University; 10 Bristol University. А вот по версии газеты Daily Telegraph, составленной в середине 2005 г. и ряда других изданий, среди элитных вузов лидирует Кембридж, причем третий год подряд.

В Великобритании еще пару десятилетий тому назад высшее образование было по преимуществу бесплатным. Затем студенты стали платить за него 1150 фунтов стерлингов в год. Но на этом повышение платы за образование не остановилось. Назревала новая реформа образования. В 90-х годах британские парламентарии обнаружили, что дети одного и того же социального округа, учась в разных школах, могут быть как двоечниками, так и отличниками (все зависит от школы), и стали тщательно собирать информацию о каждой школе, посылать в них инспекторские проверки. В результате они пришли к выводу о необходимости изменения системы финансирования школ. С тех пор оно стало зависеть от количества учеников и от уровня их достижений. В связи с этим стало ясно, сколь велика роль учителя, и стали доплачивать тем педагогам, чьи ученики демонстрируют хорошие успехи. Реформа финансирования коснулась и университетов: с 1998 г. увеличилась плата за обучение, (но при этом от платы освобождались дети из семей с низкими доходами)⁹⁶.

28 января 2004 г. министр образования Британии Ч.Кларк открыл прения в Палате общин о реформе высшего образования. После бурных прений Парламент Великобритании принял решение о значительном повышении платы за обучение в вузах до 3000 фунтов стерлингов в год. Т.Блэр с трудом провел эту реформу (его поддержали 316 членов парламента, 313 высказались против реформы). Только таким путем можно спасти университеты от разорения, уверяли члены кабинета министров. При этом Блэр сказал, что реформа необходима, чтобы Британия была конкурентоспособна в области образования (среди возможных конкурентов Блэр назвал не только высокоразвитые и богатые страны Запада, но и Индию, и Китай). «Единственный способ выжить для нас заключается в том, чтобы все больше и больше людей получали высшее образование...А это невозможно, если нет надежной системы финансирования»⁹⁷. Следует

⁹⁶ Н.Иванова-Гладильщикова (Известия, 28.06.2002.)

⁹⁷ <http://www.dfce.gov.uk> – Система образования в Великобритании.

отметить, что против реформы Блэра голосовали часть членов лейбористской партии.

В качестве новинки в проблеме элитного образования отметим данные последних исследований популярной британской газеты «Санди таймс», которые, по утверждению газеты, носят сенсационный характер (именно поэтому им, на наш взгляд, и не стоит полностью доверять: ученые – в данном случае социологи – ориентированы на объективность их данных, тогда как журналисты более ориентированы на новизну и особенно сенсационность). «Санди таймс» утверждает, что «карьеру делают «безродные» выпускники, что эра престижных дипломов, кажется, подошла в Британии к концу». Считая, что газета явно поспешила с этим выводом, мы не отрицаем того, что речь идет об определенной тенденции, которую впервые описал социолог и футуролог М.Янг в книге «The Rise of the Meritocracy», (о которой мы уже вели речь выше).

«Скажи мне, какую школу ты закончил, и я скажу, кто ты». На протяжении столетий эта формула безотказно работала в разделенной на классы и сословия Британии: переоценить значение обучения в престижных частных школах страны для будущей успешной карьеры было попросту невозможно. В «лифт», возносящий на уровень истеблишмента, на высшие карьерные посты, на вождельные позиции в любой сфере деятельности, пускали, за малым исключением, лишь тех, кто из Итона или Хэрроу шагал в Оксфорд и Кембридж⁹⁸. Выпускники бесплатных государственных учебных заведений бесславно проигрывали в конкурентной борьбе. Так было на протяжении столетий вплоть до самых последних дней. Но ныне свершилось чудо: ни к титулам, ни к «старым галстукам», как принято именовать питомцев элитных школ, почтения больше нет. По данным «Санди таймс», впервые в истории Англии на руководящих постах лондонского Сити в середине XXI века находится больше выпускников государственных школ, чем частных. Эта статистика контрастирует с данными еще десятилетней давности, когда подавляющее большинство топ-менеджеров Сити были выпускниками элитных частных школ. То есть наблюдается решительная перестройка общества в сторону меритократии. К тому же выходцы из бесплатных школ превосходят холеных выходцев элитных школ умением преодолевать трудности, бороться за место под солнцем, не рассчитывая на богатых и знатных родичей, то есть они более напористы, инициативны и предприимчивы. Газета делает вывод о том, что «пока мы тщимся уверить в сословном и элитарном привкусе нашей образовательной системы, новые люди начинают отодвигать дворянские школьные гнезда на свалку истории».

Еще раз заметим, что, несмотря на то, что отмеченная автором статьи тенденция в изменении роли элитных школ существует, это не означает, что она уже реализовалась, тем более в Великобритании. В «Санди Таймс» пишется чуть ли не о «дискриминации наоборот»: на должности топ-менеджеров владельцы корпораций предпочитают обладателям престижных дипломов «безродных» выпускников ординарных вузов. Но система британского образования далека от этой модели. Пока Англия остается классической страной элитного образования.

Можно констатировать, что в Великобритании (как, впрочем, и в других странах, хотя и в разной степени) получение элитного образования остается привилегией немногих. Элитные школы и университеты открыты, прежде всего, для людей состоятельных, с высоким престижем, иначе говоря, для истеблишмента, для элиты и людей, обладающих обширными связями в элитных кругах, в то время как шансы на получение элитного образования для выходцев из социальных низов несравненно более низкие.

---

⁹⁸ Дмитриева О. <http://www.ug.ru/02.04/t20.htm>

Образовательные институты всячески поддерживают существование и воспроизведение социального неравенства в Англии, причем внедряют в сознание людей (в том числе в школах и вузах) оправдание этого неравенства. Хотя необходимость радикального реформирования образования с целью сделать его более доступным для всех слоев населения периодически провозглашается политическими лидерами, реальные шаги в этом направлении остаются программой на «послезавтра».

Хотя тенденция к демократизации образования, выразившаяся в расширении доступа к элитному образованию, усилилась в XXI веке, приходится признать, что в Великобритании (как, впрочем, и в подавляющем большинстве других стран, пусть в разной степени), получение элитного образования остается привилегией немногих и, к еще большему сожалению, очень часто не всегда лучших, талантливейших, что наносит огромный ущерб развитию общества, в том числе общественной морали.

Британские элитные школы и университеты продолжают быть открытыми прежде всего для отпрысков социальной элиты, выходцев из высшего и высшего-среднего классов, занимающих важное положение в социально-политической иерархии Великобритании и обладающих обширными связями в правящих кругах, в то время как шансы на получение элитного образования для талантливых выходцев из семей рабочих минимальны. Элитные школы продолжают носить классовый характер, эти школы делают упор на воспитание лидерских качеств детей, в то время как массовые школы обычно ориентируют учащихся на исполнительские функции. Иначе говоря, образовательные институты Великобритании стимулируют существование и воспроизведение социального неравенства в обществе.

Причем британскую элиту нельзя считать закрытой кастой, к которой она приближалась еще сто лет назад, ныне она не выступает против социальной мобильности, напротив, она готова к принятию «свежей крови», готова принять в свои ряды пополнение из других социальных страт, тех, кто сумел преобразить себя по ее образу, принял ее ценности и идеалы (в частности, воспитываясь в ее элитных учебных заведениях). Естественно, что при приеме в элитные университеты Великобритании существует жесткая конкурсная система. Так, на поступление в Оксфорд в 2001 г. было подано около 10000 заявлений. Принято было 3265 человек⁹⁹.

В последние годы профессиональные специалисты по социологии образования отмечают, что если еще во второй половине XX века элитные школы были закрытыми аристократическими заведениями, то в XXI веке положение несколько меняется, элитные школы, (включая Итон), становятся значительно более открытыми. Еще 20 лет назад в Итоне 99% учащихся

---

⁹⁹ Supplement to the Oxford University Gazette, vol.132 (Dec. 2001.)

были выходцами из аристократии, ныне этот процент значительно уменьшился. Необходимость радикальных реформ в области образования периодически провозглашается Британским правительством, особенно руководимым лейбористами, но старая система в целом продолжает существовать. Причем не только элита, но и значительная часть, если не большинство, населения (и тем более специалисты, руководящие сферой образования) разделяет консенсус по вопросу о необходимости крайней осторожности в этом вопросе. Крутые перемены тут считаются опасными как для стабильности политической системы, так и для самой образовательной системы (большинство британских социологов опасается, что массовизация образования грозит понижением его качества и его конкурентоспособности)¹⁰⁰.

На вопрос, может ли в оксфордской бизнес-школе получить образование не только чадо богатых родителей, но и те, кто не может заплатить требуемую сумму (в том числе и иностранец) администрация школы отвечает, что дается шанс тем, у кого нет денег, зато есть сильное желание уситься и добиться успеха в жизни. Каждый год Skoll Centre for Social Entrepreneurship предоставляет пять стипендий для таких молодых людей, которые поерывают обучение по программе MBA, затраты на проживание и перелет. Выберут тех, кто сможет заочно убедить, что он обладает качествами успешного предпринимателя: целеустремленностью, напористостью, умением осознавать свои ошибки, способностью рисковать, а также сможет объяснить, какую роль играет бизнес-образование в развитии общества¹⁰¹.

Элитное образование в США. Другая система элитного образования – американская – является более демократичной, не с точки зрения стоимости этого образования, (она значительно выше, чем в Великобритании, вообще в США образование самое дорогостоящее), а с точки зрения возможности прорваться в элитные вузы выходцам из «низов».

---

¹⁰⁰ Что касается вопросов о конкуренции различных типов образования и о том, следует ли нам перенимать опыт английских вузов, хороший ответ, на наш взгляд, дал профессор Манчестерского университета, ставший создателем и руководителем Московской высшей школы социальных и экономических наук, Т.Шанин: «С самого начала я был убежден, что нельзя просто «парашютировать» определенную университетскую систему, выросшую на базе определенной культуры, в страну иной культуры. Зато можно интегрировать лучшее в британской и российской системах образования». Школа Т.Шанина – по существу элитный вуз, существующий уже более 10 лет, его выпускники получают дипломы Манчестерского университета. Кстати, по этому поводу Шанин сказал: «Мы опасались, что наши выпускники, имея такой авторитетный диплом, будут уезжать из России. Но это не так. Да, есть некоторые, кто успешно работает в других странах. Но большинство действует здесь. Они нужны здесь, и мы их к этому готовим». Шанин – сторонник соединения учебы с научно-исследовательской работой: «Наш студент становится молодым ученым, а не стареющим школьником».

¹⁰¹ АиФ, 2007, № 20, с. 57.

Эта система в меньшей степени сопряжена с классовой структурой. Она более прозрачна, более мобильна.

Исследователи американских элитных школ П.Куксон и К.Перселл пишут: «Главное отличие выпускников британской частной школы от американской состоит в том, что первые воспитываются так, чтобы публично демонстрировать свою элитарность, а последние – чтобы скрывать ее. Например, от учеников английской элитной школы требуется одеваться высококлассно, будь то черные куртки в Итоне или голубые пиджаки и шляпы, которые носят студенты в Хэрроу...Выбор американской элитной школы – обычно куртка и галстук...Маскируя элитаризм обычной одеждой американские школьники из элитных школ как бы отвлекают внимание от их привилегий. Привилегии, выставляемые напоказ, – это вызов демократии, и американская элита осознала, что перевернутый снобизм более эффективен для прикрытия классовых различий и формирования аристократов из парвеню, чем вопиющий снобизм...»¹⁰²

Теперь об особенностях элитного образования в Соединенных Штатах. Мы специально и подробно рассматриваем элитное образование в США по той простой причине, что США – абсолютный лидер по высшему элитному образованию в современном мире (из 10 элитных вузов с наивысшим мировым рейтингом 8 – американские).

Первые элитные школы, (а несколько позже элитные вузы), стали возникать в английских колониях на восточном побережье Северной Америки, главным образом, в Новой Англии, в XVII веке. Естественно, в качестве образца рассматривались знаменитые английские элитные школы – Итон, Хэрроу, Винчестер. Возникают и первые университеты, такие, как Гарвард (основан в 1636 г. как колледж, реорганизован в университет в начале XIX века; это, безусловно, самый знаменитый из американских университетов, который подготовил более 2,5 тысяч признанных национальных лидеров). Возникают Йельский, Колумбийский, Принстонский и другие университеты. Образцом, моделью служили знаменитые английские университеты – Оксфорд, Кембридж (кстати, только эти два университета остались в современной топ-десятке в окружении американских университетов). Все эти университеты, а также элитные средние учебные заведения, такие как Сент-Марк, Сент-Поль, Гротон, Сент-Джордж носили элитарный характер: учащиеся и студенты были выходцами из аристократических семей американских колонистов Новой Англии, а затем и других районов Восточного побережья Северной Америки. С обретением независимости США число учебных заведений быстро увеличивалось, их география расширялась (на Восток и на Юг).

---

¹⁰² Cookson P., Persell C. Preparing for Power. America's Elite Boarding Schools. Basic Books, 1985, P.30.

Еще в XIX веке была почти непроходимая преграда между частными и государственными школами, отражавшая классовые различия. И в первые частные университеты принимались лишь представители высших классов. Однако государственные начальные школы были доступны для выходцев из всех классов. Впрочем, неофициально существовали привилегированные и стандартные школы (с неодинаковым уровнем обучения), что было обусловлено классовыми различиями, оказывавшими влияние на выбор местожительства. В американской образовательной системе в течение длительного времени сохранялась стратификация по религиозным, классовым, этническим и, особенно долго, по расовым признакам. Известное решение Верховного суда США, принятое в 1954 г., отменило сегрегацию в школах де-юре. Но понадобилось много времени для того, чтобы реализовать этот закон де-факто. Особенно трудно было реализовать его в южных штатах, что стало причиной ожесточенной социальной борьбы за реальную отмену сегрегации в школах. Выдающуюся роль в этом деле сыграл Мартин Лютер Кинг. В Южных штатах еще существуют колледжи и университеты для афроамериканцев и «цветных»¹⁰³. Хотя афроамериканцы теперь имеют гораздо больше возможностей получить образование, чем раньше, уровень неграмотности среди них значительно выше¹⁰⁴, чем среди белых.

---

¹⁰³ В 1977-1978 г.г. автору этой книги довелось читать лекции в одном из таких университетов в Вашингтоне – «Ховарде» (студенты – в большинстве афроамериканцы и латиноамериканцы) и сравнить уровень его студентов с уровнем студентов Вашингтонского католического университета и Сан-Францисского государственного университета. Некоторые из этих лекций, посвященные в том числе проблемам элитологии, были с интересом встречены студентами.

¹⁰⁴ Смелзер Н. Социология, М., 1994, с.441. Нужно сказать, что расизм и дискриминация уступили место, как считают многие граждане США, «гипертрофированной политкорректности». В последние годы ряд социологов и политологов, особенно консервативной ориентации (Н.Подгорец, Р.Нисбет), атакуют американскую образовательную политику в расовом вопросе, считая, что интеграция негров и цветных в общий образовательный процесс в США, при котором для того, чтобы исправить существовавшую ранее сегрегацию ныне исправляют столь «радикально», что получается «расизм наоборот», когда негры и «цветные» оказываются в привилегированном положении, когда в условиях конкурсных экзаменов в вузы «при прочих равных» преимущество отдается черным, «цветным» и особенно американским аборигенам (native americans) – индейцам. Их принимают, если они продемонстрируют весьма средние показатели. В США состоялся ряд судов, в которых белые подавали иски против «дискриминации наоборот» и часто выигрывали их. Причем некоторые социологи считают, что наличие «квот» для упрощенного приема негров и других национальных меньшинств для исправления расового неравенства в прошлом может быть дополнительным основанием для настроений «черного» шовинизма (это относится и к другим социальным группам, считающих себя ущемленными в правах, когда действует схема: «Я – черный» или «Я – женщина», и в силу этого мы должны располагать преимуществами и привилегиями)).

Американские public schools принципиально отличаются от школ с аналогичным названием в Англии, где, собственно, и возник этот термин, и где он означает привилегированную полузакрытую школу интернатского типа, обычно с высокой платой за обучение. В США этот термин имеет иное значение, соответствующее его этимологии: (public – общественный); это бесплатная школа, спонсируемая государством, штатом, местными органами власти. Такие школы зародились в Соединенных Штатах в первые десятилетия XIX века. Их организаторы вдохновлялись идеей общей школы, обслуживающей плюралистическое общество¹⁰⁵.

Но в условиях глубокой классовой дифференциации общества, наличия классов и социальных групп с разными ценностными ориентациями, а, главное, разными финансовыми возможностями, идея общей школы выглядела достаточно утопичной и сменилась концепциями, в большей мере отражающими реальную ситуацию в американской образовательной системе. Появился термин parentocracy (власть родителей), который означает зависимость того, в какую школу поступит ребенок – в элитную или массовую – от социального положения родителей, от их финансовой состоятельности, а также их связей, влияния. Этот предписанный (ascribed) статус, полученный молодым человеком от родителей, часто играл определяющую роль родителей в дальнейшей карьере их отпрысков.

Идея единой государственной школы, популярная в начале XIX века, сменилась в XX веке, особенно в его второй половине, и в XXI веке приверженностью плюрализму, не только в политике, но и в образовании (разные стили поведения, менее строгая дисциплина, в некоторых школах можно прогуляться по классу, никто не принуждает учиться). Считается, что более свободное воспитание развивает инициативу и самостоятельность. Очень большое значение придается росту самооценки учащихся. Все это хорошо. Но именно поэтому во многих школах учителя избегают делать какие-либо замечания учащимся или ставить им низкие оценки. Сплошь и рядом учеников переводят из класса в класс почти автоматически (это несколько напоминает ситуацию в советской системе школьного образования). Результаты социологических опросов показывают, что 63% работодателей и 76% профессоров колледжей считают, что диплом средней школы совсем не гарантирует, что его владелец в состоянии понять печатный текст, грамотно писать, производить арифметические подсчеты. Данные по школам самого богатого штата страны Калифорнии показывают, что 54% выпускников средних школ не справляются с тестами по математике, предлагаемыми при поступлении в колледж. Р.Вендровская, работавшая во 2-й физико-математической школе в Москве, а теперь имеющая возможность сравнивать российскую и американскую

---

¹⁰⁵ См.: Equality and Inequality in Educational Policy. Ed. By Dawtrey L., Cliveland, 1995.

образовательную систему, считает, что с опубликованными примерами этих тестов справились бы ученики шестого класса российских школ¹⁰⁶. Но эти замечания относятся к массовым школам США. Наряду с ними, существуют очень сильные, элитные школы, о которых мы будем подробно говорить ниже. Разнообразие школ и отсутствие стандартов образования считалось до последнего времени отличительными особенностями и даже гордостью американской образовательной системы. Однако ныне раздаются требования реформ американской школы, введение единых критериев оценок, которые приблизят слабые школы к уровню сильных и выведут их на современный мировой уровень.

Американские исследователи образовательной системы США неоднократно предупреждали, что американские средние школы уступают европейским и им грозит перемещение на еще более низкие места в мировом рейтинге школ¹⁰⁷. Дети эмигрантов из Европы (в том числе, конечно, из России) после собеседования и обследования обычно принимаются на два класса выше, чем они учились в Европе. Прежде всего, американским учителям мешают соображения политкорректности. Чтобы уйти от обвинений в дискриминации национальных меньшинств, они вынуждены скрывать оценки (или, чаще, вообще отказаться от них). В ответ на обвинения в дискриминации этнических меньшинств вынуждена была закрыться элитная школа при Колумбийском университете. Многие преподаватели средних школ США жалуются на то, что политкорректность приводит к уравниловке. Один пожилой учитель, уходя на пенсию, сказал в сердцах, что «демократия и учеба несовместимы».

Основное деление американских школ проходит по основанию: государственная, (точнее, спонсируемая государством, штатом, местными органами) и частная. У частных школ много преимуществ – они лучше оснащены в техническом отношении, у них меньшие по численности классы, а это значит, что преподаватели могут индивидуально подходить к каждому учащемуся, учитывать его психологические особенности (способности, скорость усвоения учебного материала, темперамент и т.д.); частные школы обладают более квалифицированным составом преподавателей, (хотя бы потому, что в них значительно выше зарплата учителей¹⁰⁸), лучшими библиотеками, там лучше условия для занятия спортом (бассейны, футбольные и баскетбольные площадки и т.д.).

---

¹⁰⁶ Известия, 16.04. 1998.

¹⁰⁷ Радиостанция «Свобода». Чем грозит Америке кризис средней школы. 18.12.2006 г.

¹⁰⁸ Заметим, кстати, что зарплата учителя массовых школ очень невысока по американским меркам, а потому и непрестижна. К тому же учителей (равно как и вузовских преподавателей, особенно зарубежных), часто берут не на ставку, а на почасовую оплату. Это позволяет администрации экономить, не тратиться на медицинское страхование и другие бенефиты.

Тяжелой проблемой для американского образования, особенно среднего, является насилие, регулярно фиксируемое в школах, в том числе с применением огнестрельного оружия. Очередной всплеск насилия в школах привел к тому, что в октябре 2006 г. президент Дж.Буш призвал провести общеамериканскую конференцию, специально посвященную проблемам насилия в школах¹⁰⁹. Нужно отметить, что ситуация с насилием в муниципальных школах обстоит хуже, чем в частных, поскольку последние имеют возможность тратить больше денег на охрану.

Впрочем, деление школ на государственные и частные – не единственное в определении качества школы. Было бы неправильным считать, что все частные школы лучше государственных. Бывают и исключения. Некоторые государственные и муниципальные школы США и Великобритании по качеству обучения превосходят многие частные – прежде всего благодаря своему расположению в наиболее престижных районах¹¹⁰ (вообще местожительство в определенном районе оказывается ключевым понятием, дающим представление и о качестве жизни в этом районе в целом, и о качестве образования. Община в престижном районе достаточно богата для того, чтобы поддерживать в порядке свою территорию и свои учебные заведения).

Специалисты по социологии образования отмечают, что частные школы не всегда дают лучшее образование; приводятся примеры, когда элитные частные школы отбирают при поступлении тех учеников, которые с большей вероятностью будут преуспевать в учении, и отсекают других, менее способных; бывают случаи, когда элитные частные школы, конкурируя за лучших учеников, переманивают наиболее талантливых учеников из других школ, предлагая стипендии для таких учеников из малообеспеченных семей. Это объяснимо: школа заинтересована в способных и хорошо мотивированных учащихся, которые помогают поднять общий уровень обучения в школе. Но тем самым ослабляется потенциал массовой школы, ухудшается ее положение по сравнению с элитными частными школами.

Вот что пишет о качестве многих американских элитных школ исследователь этой проблемы Дж.Мэтьюз в книге «Классовая борьба. Что хорошо и что плохо в лучших американских средних школах»: «Как многие американцы, я полагал, что элитные американские школы работают хорошо. Что они получают налоговую поддержку, амбициозных учащихся (ведь у них самые богатые родители), наиболее высокооплачиваемых преподавателей и малонаполняемые классы. Но как только я начал исследовать эти школы, все оказалось не так. Образовательная система в

---

¹⁰⁹ См.: The Economist, Oct.7–13 2006, p.56.

¹¹⁰ Таковы, например, Holland Park school в престижном районе Лондона, которую автор неоднократно посещал в 2003 г., а также ряд муниципальных школ в Вашингтоне, Нью-Йорке, Миннеаполисе, Сиэттле, посещенных автором в 1980 – 2001 г.г.

целом страдает пороками; и это относится не только к беднейшим школам страны, но и к богатым элитным школам, репутация которых превосходит их достижения... Даже школы, считающиеся лучшими, как Беверли Хилз, – образцы заурядности¹¹¹. Мэтьюз пишет, что «никто не станет возражать против того, чтобы сделать школьные стандарты высокими и поставить образование в центр школьной жизни. Но элитные школы существуют не столько для высоких достижений, сколько из желания поставить себя выше других. Класс и статус продуцируют различие школ на этнической и классовой основе»¹¹². Автор приходит к выводу, что «нет удовлетворительного определения элитной школы»¹¹³.

Из частных школ только незначительное их количество является подлинно элитными. Это наиболее престижные дорогостоящие школы для выходцев из высших страт общества. Их называют также «подготовительными» школами (prep. schools), некоторые из них – именные школы (named schools), названные обычно по имени их основателя или местоположения. Высокая плата и замаскированная дискриминация в практике приема позволяет не пропускать туда детей из менее престижных семей. Здесь преподают высококлассные педагоги, в старших классах порой – профессора, в классе всего несколько учеников, преподаватели их хорошо знают, подход к ученику – строго индивидуальный, учитываются его интересы, запросы; тут не только обеспечивается обучение по лучшим академическим программам, тут обучают хорошим манерам, в этих школах завязываются светские знакомства, полезные в дальнейшей жизни. Ученикам стараются дать всестороннее развитие, и интеллектуальное, и физическое (в школе есть роскошные бассейны, поля для гольфа, теннисные корты). Подавляющее большинство выпускников «подготовительных школ» поступают в элитные университеты. Именно эти «socially elite» (в нашей терминологии «элитарные») школы вызывают наибольший интерес социологов образования¹¹⁴.

Отметим в этой связи, что американское правительство, особенно в последние десятилетия, держит проблемы образования в фокусе своего внимания. В 1990 г. правительство Дж.Буша (старшего) сформулировало долгосрочную программу в области образования в официальном документе «America-2000: An Education Strategy», Wash., US Gov. Printing Office, 1991. Кстати, роль федерального правительства в этой стратегии ограничена. Большая инициатива предоставляется местным органам (штатам, муниципалитетам и, особенно, самим школам). В программе признается, что

---

¹¹¹ Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Right) with American Best Public High Schools, NY, 1998, p.3-4.

¹¹² Ibid., p.4 -5.

¹¹³ Ibid., p.5.

¹¹⁴ The International Encyclopedia of Education, v.8, Pergamon, 1994, p.4827.

в настоящее время 25 миллионов взрослых американцев функционально неграмотны, еще 25 миллионов нуждаются в доучивании. С начала XXI в. все дети в США должны пойти в школу подготовленными к учебе в ней.

В 1991 г. Дж. Буш ст., выступая с речью об общей политике в области образования, подчеркнул, что родители должны быть свободны в выборе того, какого рода школу они предпочитают для своих детей. В ходе избирательной кампании 1992 г. Дж. Буш ст. неоднократно затрагивал тему образования. Он выдвинул формулу, неплохо выражающую роль образования в жизни общества: «Плохая школа – плохая работа – плохая страна». Да, плохая школа с необходимостью будет иметь следствием то, что ее выпускники не смогут быть высококвалифицированными специалистами, которых требует информационное общество, и такая страна будет терять свои экономические, культурные и политические позиции и в перспективе обречена на деградацию. Так что экономить на образовании, в том числе экономить на учителе, в высшей степени неэкономично.

Победитель в избирательной кампании 1992 г. У. Клинтон говорил в своей инаугурационной речи как о важной национальной задаче о возможности выбора для каждого американца получить образование вплоть до высшего, что существенно важно в условиях информационного общества. В инаугурационной речи 1997 г. он развил и конкретизировал это положение.

Следует отметить, что в Конгрессе США постоянно обсуждаются проблемы образования в стране, в том числе элитного образования. Приведем несколько примеров. На слушаниях в Сенатском комитете по вопросам здравоохранения, образования, трудовых отношений и пенсий 10 июня 1999 г. сенатор Ч. Крэсли (от штата Айова) внес законопроект об увеличении поддержки одаренных учащихся и студентов. (Заметим в скобках, что подобный законопроект неплохо было бы выдвинуть в Государственной Думе). Причем он справедливо отметил, что оказание такой помощи талантам отнюдь не является элитаризмом. Это, напротив, нечто противоположное элитаризму. Задача видится в том, чтобы все учащиеся, студенты могли получать образование, соответствующее их талантам, независимо от их имущественного положения. В законопроекте мы читаем: «Сенат предоставляет гранты одаренным и талантливым..., которые смогут использовать эти средства на обучение по специальным программам, включая дистанционное обучение, (что особенно важно для сельских районов)... Талант – это проблема для общества. Одаренные и талантливые ученики и студенты обладают огромным потенциалом стать либо лидерами, либо бременем для общества, поскольку могут использовать свой талант для деструктивных целей». На заседании этого же комитета 7 июля 1999 г. сенатор Э. Кеннеди отметил: «Образование является нашим национальным приоритетом». На заседании этого же комитета 14 сентября 1999 г. общественный деятель Б. Коэн сказал: «Соревнование (за мировое

лидерство) перешло с полей сражений в классные комнаты... школы нуждаются в модернизации...эти деньги можно взять из ассигнований Пентагону»¹¹⁵. Отметим, что около половины выпускников школ пользуются кредитом на получение образования.

Такое отношение к образованию дало ожидаемые результаты: 24% американцев старше 25 лет имеют высшее образование – эта цифра выше, чем в западноевропейских странах. Впрочем, специалисты по социологии образования показывают, что выпускники средних школ показывают на единых общенациональных экзаменах и на мировых состязаниях несколько худшие результаты, чем выпускники школ Западной Европы и Японии¹¹⁶ (добавим, что еще лучшие показатели у школьников Южной Кореи, Тайваня, Китая).

Органом управления и координации системы образования в США является Федеральное министерство образования. Но система образования не является жестко централизованной; велика роль штатов, муниципалитетов, школьных попечительских советов.

Вопросам образования уделили большое место в своих программах основные претенденты на президентский пост в 2000 г. Дж.Буш мл. поставил проблему образования на первое место. Помимо ассигнования 5 млрд. долл. на повышение грамотности, он предложил увеличить выделение грантов на высшее образование еще на 8 млрд. долл., выступил за систему финансовых поощрений и штрафов штатов в зависимости от успехов местных школьников в проводимых общенациональных единых выпускных тестах. А в программе А.Гора стоял пункт об увеличении числа учителей и снижении численности классов в муниципальных школах. В инаугурационной речи в январе 2001 г. Буш-мл. значительное место уделил расширению высшего образования и образовательным программам. И сегодня около трех четвертей молодых людей соответствующего возраста получают высшее образование.

Но сейчас американцы уже не могут повторять слова президентов Буша ст. и Клинтона о том, что они тратят на образование больше, чем на вооруженные силы. Приоритеты политики США изменились. Теперь расходы на вооруженные силы в результате развязанной самим Бушем мл. войны в Ираке далеко обогнали расходы на образование, науку, здравоохранение. В 2007 г. они еще более возросли, и Буш просит новый, уже не дружественный ему Конгресс значительно увеличить военные расходы.

---

¹¹⁵ Hearing of the Committee on Health, Education, Labor and Pensions US Senate. June 10,1999, Wash.,1999,p.1-3; *ibid.*, July,7, 1999, Wash.1999, p.10; *ibid.*, Sept.14,1999, Wash., 1999, p.4 -5.

¹¹⁶ Рэнни О. Политическая система США. Сравнительная политология сегодня. М.,2002,с.524.

Несколько слов о федеральной программе американского правительства, которая предусматривает материальную помощь студентам. Она включает выдачу грантов на обучение и займов. Также существует схема, когда студент во время учебы работает на университет и из полученных за свой труд денег оплачивает обучение. За государственной помощью обращаются около 70% студентов. Остальные берут кредиты в негосударственных фондах. Существуют два вида госзаймов. Первый – когда студенты или их родители берут кредиты напрямую от правительства. Второй – деньги дают студентам займы под низкий процент (3-6% годовых). В среднем срок возврата кредита – 10 лет.

Дж.Коулман, проводя исследование на тему: «Равенство возможностей получения образования», пришел к выводу, что качество обучения лишь в небольшой степени влияет на дальнейшую карьеру молодого человека, что семейная среда и классовая принадлежность оказывают большее влияние на его дальнейшее продвижение. В целом дети родителей высокого статуса находятся в более благоприятной обстановке. Часто их вдохновляет пример родителей, добившихся успеха в жизни, и они стремятся им подражать. Им прививают интерес к процессу усвоения знания. С ними много занимаются, младшие школьники играют в игрушки, развивающие интерес к учебе. Таким образом формируется их уверенность в себе и самоуважение; такая среда в большей мере способствует успешной учебе в школе. К.Дженкс также ставит под сомнение определяющую роль воздействия качества образования на социальную мобильность и потенциальные заработки¹¹⁷.

В США поощряется идея «постоянного обучения». Осуществляется переход от «конечного образования» к «образованию «на протяжении всей жизни» Человек должен учиться всю жизнь. В США нет возрастных ограничений на приобщение к среднему и высшему образованию. «Там нет разговоров, что «людей с дипломами» слишком много – пишет профессор МГИМО В.С.Глаголев.– 70-летней иммигрантке из России, нашедшей в себе силы закончить университет Кларка под Бостоном, прибавляют к 500 дол. ежемесячного пособия еще 200 дол. Предполагается, что у нее возросли духовные потребности... И внук этой иммигрантки, заканчивая школу, сдает экзамены по некоторым курсам Гарвардского университета, намереваясь учиться в нем после получения аттестата о среднем образовании. Но ежегодная плата за обучение в Гарварде – 40 тыс. дол. в год, и семья не имеет таких денег. Значит, напрасные мечты? Ничего подобного! Есть курсы на обучение за счет фондов, есть кредиты на образование со скромными процентами. Отдаст, выучившись: выпускнику Гарварда вряд ли предложат работу менее 80-100 тыс. в год»¹¹⁸.

¹¹⁷ Смелзер Н., цит.соч., с.455.

¹¹⁸ В.С.Глаголев. Институт образования: пределы коммерциализации. // «Экономическая теория в XXI веке», М., 2006.

Конечно, в области образования наибольшую гордость США испытывают за свои элитные университеты. Но более подробно мы будем говорить о них в восьмой главе.

К образовательной системе США близка канадская система. Вот как описывают эту систему сами канадские социологи. Элитные частные школы Канады изменяются в соответствии с требованием рынка, которому они служат. «Они должны отвечать классовым интересам и ценностям родителей школьников», которые главным образом патронируют эти школы. Ученики этих школ – выходцы из высшего и высшего среднего классов Канады. «...Одно из главных измерений того, как они оценивают себя – восприятие их эффективности в подготовке учащихся к будущим позициям лидерства в различных элитах канадского общества». Школы социализируют учащихся, прививая им ценности их общества, их класса. Причем «семейный капитал» в наше время менее важен, чем культурный капитал в форме продвинутого и специализированного образования. Эти элитные школы соответствуют религиозному и этническому составу семей учащихся (и их изменениям)¹¹⁹. Отметим также, что за последние два года на всемирных олимпиадах школьников канадцы показали несколько лучшие результаты, чем их американские коллеги.

Сегодня во всем мире качественное высшее образование переживает бум. Это один из самых быстрых «лифтов», помогающих карьере человека.¹²⁰

Элитное образование во Франции. Своеобразна система элитного образования во Франции. По ряду параметров она близка к североевропейской системе, по некоторым – отличается от нее большей элитарностью. Если в большинстве стран мира, (в том числе в США, Канаде, Великобритании, других европейских странах) в системе высшего образования в списке лучших вузов стоят элитные университеты, то во Франции большинство университетов – подчас элементы массового высшего образования. Они более доступны (в них принимают всех, набравших на выпускных школьных экзаменах определенное количество очков, и уже затем, в процессе учебы, неуспевающие студенты отчисляются). Это относится и к большинству факультетов знаменитой Сорбонны, в которой только некоторые факультеты и институты можно считать элитными. Для понимания характера вуза неплохо прежде всего

¹¹⁹ Maxwell M., Maxwell J. Elite Private Schools in Canada. (Canadian Journal of Sociology, v.3, 1995, p.334).

¹²⁰ Сошлемся на один пример. Сергей Брин – один из создателей поисковой системы Google (капитал ее оценивается более \$11млрд.) в 1979 г. вместе с родителями в шестилетнем возрасте эмигрировал из России в США. Будучи студентом Стэнфордского университета, занялся созданием интернет-проектов, один из которых вознес его вместе с его компаньоном Ларри Пейджем в верхние строчки рейтинга Forbes (11 место). Кстати, президент Дж.Буш (мл.) высоко оценил вклад Брина в американский бизнес.

собрать информацию о социальном происхождении его студентов. Так, в университете в центре Парижа учатся только 4% выходцев из малообеспеченных слоев общества, зато в университетах на окраине Парижа таких 40%. В государственные университеты студентов принимают без экзаменов, но из каждого десятка первокурсников четверо бросают учебу, так и не получив никакого диплома. Но зато процент студентов из малообеспеченных семей на последнем курсе выше, чем на первых – они учатся упорнее. Для них университет – мечта о будущем.

Элитное образование для всех цивилизованных стран мира является важным каналом рекрутирования элиты. Но обычно этот канал является одним из многих. Во Франции же этот канал является абсолютно преобладающим (причем мы не считаем это минусом, этот канал представляется нам оптимальным, если только в нем не будет привилегий для выходцев из элитных страт общества, если отбор будет осуществляться только по способностям, и у каждого гражданина будут равные возможности для получения элитного образования).

Безусловными лидерами французского образования являются образовательные институты системы «Гранд Эколь» (*grande ecoles*), они являются элитарными (и одновременно элитными). Это созданная еще при Наполеоне Политехническая школа или созданные по ее модели элитные высшие школы, созданные в XX веке, такие, как ЭНА (*Ecole Nationale d'Administration*) выпускники которой составляют беспрецедентно большой процент во всех элитных учреждениях Франции, прежде всего политических.

Рассмотрим элитные вузы Франции на общем фоне французской образовательной системы. Главным образом мы будем при этом основываться на одной из последних книг Мари-Лор де Леотара, посвященной проблеме элитного образования во Франции, книге, носящей характерный заголовок: «Дрессировка элиты»¹²¹. Автор включается в спор о

---

¹²¹ De Leotard Marie-Laure. *Le dressage des elites. De la maternelle aus grandes ecoles un parcours pour inities*. Paris, Plon, 2001. См. также: Э.Бакшеева, Аннотация на книгу Мари-Лор де Леотара «Дрессировка элиты». [http:// comparative.edu.ru Web/MSG?id=4322](http://comparative.edu.ru/Web/MSG?id=4322) 25.03.2006.

Кроме того, хотелось бы привести статью китайского специалиста по французскому элитному образованию, описывающую знаменитую французскую элитную высшую школу *Ecole Normale Supérieure*. По-видимому, китайскому профессору особенно импонирует сходство принципов построения *grande ecoles* с конфуцианской системой подготовки элиты а соответствии с результатами экзаменационных оценок. Китайский профессор пишет: «Эколь во Франции - это типичный элитный университет, количество студентов в котором невелико, но очень высоко качество образования. «Элитное образование» - это такое образование, которое направлено на подготовку квалифицированного персонала путем многоэтапного строгого отбора, ориентированного главным образом на небольшое количество выдающихся личностей.

том, хорошо или плохо элитное образование, нужны ли элитные школы и должна ли элита быть демократической. Среди стран континентальной Европы Франция считается лидером по выращиванию элиты. Кто оказывается принятым в элитные учебные заведения страны? Какие требования к нему предъявляются? Этот человек, прежде всего, должен владеть математическими методами и в совершенстве знать французский язык. Тогда он может рассчитывать на то, что перед ним откроются двери самых престижных вузов страны, прежде всего, ЭНА (Национальная школа администрации – элитарная структура, выпускающая руководителей высшего звена управленцев Франции), Политехническая школа, Высшая педагогическая школа, Институт политических наук (Sciences Po). Слабая

Высшее образование во Франции можно разделить на два вида: один - «народное образование», это значит, что каждый может поступить в университет, как только он или она сдаст экзамены после получения обязательного образования. Этот вид характеризуется «легким приемом и суровым завершением учебы». Другой вид - «элитное образование», осуществляемое Эколь, где «очень суровые требования и при поступлении, и при окончании учебы», ибо целью этого учебного заведения является формирование элиты. После окончания средней школы учащиеся сначала поступают на подготовительные курсы, а затем после строгих экзаменов - в высшие учебные заведения. Эти университеты обычно очень небольшие, как правило, не более 1000 студентов. Этот вид обучения появился во времена Наполеона и сначала был создан для подготовки инженеров, а сейчас распространился на все виды передовых областей.

Эколь занимает выдающееся место среди университетов с элитным образованием. Это не обычное учебное заведение, как мы зачастую думаем, а скорее научно-исследовательский институт высокого уровня. Директор Эколь, проф. Gabriel Ruget заметил в своей лекции, прочитанной в Пекинском университете, что Эколь выступает в защиту многодисциплинарной образовательной системы, основанной на свободном выборе индивидов, тьюторство (кураторство) преподавателей должно обеспечить заинтересованность студентов и разнообразие возможностей их будущего развития. В такой атмосфере образования Эколь воспитала многочисленных магистров в области науки и искусства и большое количество представителей политических элит. Среди выпускников этого всемирно известного университета 10 Нобелевских лауреатов и 6 победителей Field Medal, представители политической элиты, такие как бывший президент Франции Жорж Помпиду, выдающиеся деятели, внесшие необычный вклад в современную западную идеологию и культуру, такие как Раймон Арон, Марк Блох, Пьер Бурдьё, Мишель Фуко.

Эколь (Ecole Normale Supérieure) была основана в 1854 году и ежегодно набирает всего 200 студентов. Поскольку количество студентов ограничено, существует тесное взаимодействие между учителями и учениками. Другое отличие состоит в особой организации учебных дисциплин, так как в Эколь преподают не только классические предметы, такие как математика, физика и социология, но также и недавно возникшие, такие как нейробиология, информатика и др.

В чем отличие китайского образования, характеризуемого вступительными экзаменами в колледж, от французского элитного образования, представителем которого является Эколь, если обе эти школы принадлежат элитному образованию? Вице-президент школы международных исследований Пекинского университета, проф. Xu zhenzhou сказал, что «Эколь имеет более длинную историю и характеризуется более строгим отношением к количеству студентов». (Китайская газета PKU NEWS, Thursday 03.04.2004.).

математическая подготовка резко снижает шансы абитуриента, если вообще не лишает их. Поступление в вузы напрямую связано со средним выпускным баллом лица, который окончил абитуриент, и который достаточен для одних и недостаточен для других элитных университетов.

Для Франции (и отчасти для ФРГ) элитное образование – главный канал рекрутирования элиты. Высокий конкурс в наиболее престижные учебные заведения Франции, интенсивная учеба в них в полной мере вознаграждаются тем, что выпускники Высшей школы администрации и других элитных вузов страны по существу гарантировали себе политико-административную карьеру и, если не скомпрометируют себя, будут всю активную часть жизни карабкаться к элитным позициям и, с большой долей вероятности, займут их.

«Элита обязательно должна существовать, но при условии, что ее воспитание не идет за счет других», – считает Леотар, и вместе с тем признает, что несоответствие между уровнем и финансированием различных учебных заведений именно во Франции наиболее разительно и несправедливо. По одну сторону баррикад престижные вузы, которые могут позволить себе иметь подготовительные факультеты (в них учатся всего 75 тыс. чел.). По другую сторону прочие, не имеющие финансовой возможности открыть у себя такие факультеты и вынужденные сразу набирать студентов в соответствии с выпускным баллом (2 млн. чел.). При этом Франция тратит на образование достаточно крупные деньги. Бюджет министерства образования в 2002 г. составлял 400 млрд. франков. «Наша система образования удовлетворяет только 30% учащихся, у которых вообще нет никаких проблем с учебой. На остальных у преподавателей не хватает ни времени, ни желания их учить».

Отметим, что элитные высшие учебные заведения Франции в условиях большого наплыва абитуриентов не спешат расширять прием. Так, в одной из главных кузниц кадров французской элиты – Политехнической школе, четверть века назад на одном курсе учились 230 чел., в 2001 г. число обучающихся возросло до 400. Причем выходцев из простых семей в 1995 г. в ней было только 9%. Подавляющее большинство (более 80%) – из семей руководящих работников, профессорско-преподавательского состава, лиц свободных профессий – журналистов, адвокатов, деятелей искусства. Считается, что элита создается, чтобы служить отечеству с полной отдачей. Разумеется, такое образование и воспитание дорого обходится государству. Однако в действительности служить родине в государственных структурах после окончания учебы хотят только 25% французской элиты, а 65% предпочитает частный сектор, где доходы много выше, остальные 10% идут в науку. Затраты на одного студента в высшей элитной школе Франции составляли в 2001 г. свыше 1,5 млн. франков. Хотя спрос на управленцев самого высокого класса велик (и увеличивается год от года), эти вузы не спешат расширять контингент своих учащихся. Конкурсы на поступление в

них растут. Конкуренция продолжается и среди тех, кому удалось поступить в эти элитные вузы.

Отбор лучших идет постоянно. Среди счастливиц, которые учатся, например, в Национальной школе администрации только первые 15 лучших выпускников имеют право отбирать для работы такие престижные государственные учреждения, как корпус финансовых инспекторов (через него проходят будущие президенты, министры, руководители компаний и учреждений) или Государственный совет. Остальные выпускники на их фоне чувствуют себя в большей или меньшей степени несостоявшимися. Можно ли сделать элитное образование более демократичным? Или же эти два слова – «элита» и «демократия» – вообще не могут стоять рядом? Автор книги «Дрессировка элиты» считает, что исторический консерватизм высших элитных учебных заведений Франции может рухнуть, столкнувшись с конкуренцией других стран. Речь идет о том времени, когда в работе административных советов французских предприятий и банков смогут на полных правах участвовать иностранные, и прежде всего европейские специалисты, что предполагается законодательством ЕС. Тогда представители элиты, но уже других стран, которые в профессиональном отношении ничуть не хуже французских коллег, а образование получили совершенно в других условиях, смогут претендовать на элитные должности во Франции.

Отметим, что в 2001 г. с парижским Институтом политических наук Sciences Po подписал договор факультет прикладной политологии Государственного университета – Высшая школа экономики. С тех пор студенты, прошедшие конкурсный отбор, отправляются на годичную сертифицированную программу в Париж и являются стипендиатами французского правительства. Выпускница Высшей школы экономики Н.Аллохвердян, проучившаяся в Sciences Po полтора года, рассказывает, что французские студенты больше учатся, чем основная масса российских студентов. Они больше работают в библиотеках. Во Франции невозможно семестр ничего не делать, а потом взять и сдать сессию. Там тебя все время контролируют: нужно писать работы, делать доклады, посещать все лекции и семинары. Если ты три раза не пришел, то тебе курс не засчитывают. Студенты между собой – конкуренты. На экзаменах никто не списывает, никто никому не помогает. После Sciences Po многие идут в Национальную школу администрации (это еще два года). Поступив туда, ты получаешь статус чиновника и заключаешь контракт с государством. Тебе платят стипендию в 1400 евро (практически это – зарплата). По окончании учебы составляется рейтинг твоих успехов, и лучшим студентам предоставляются лучшие места.

На неэлитные факультеты Сорбонны поступить намного проще. Туда принимают всех (без экзаменов), а потом, после сессии, отсеивают не справившихся. В Sciences Po же поступить очень трудно, там большая конкуренция. Туда принимают на основании обширного досье, к тому же нужно иметь очень хороший аттестат. Досье большое: туда входят многие документы, все грамоты, которые школьник успевает получить. Сразу после школы в Sciences Po не попасть (есть год, а то и два подготовительных классов).

Жалобы на ЕГЭ раздаются во многих странах, в том числе и во Франции – там аналогичная система называется «бак». Цель ее та же, что и ЕГЭ – поставить учеников в равные условия, покончить с коррупцией, сделать образование доступным. Но обратная сторона бак оказалась довольно непривлекательной. Прошедшие сложный «бак» получают массу

знаний, но лишь десятая часть первокурсников Парижского университета им. Пьера и Марии Кюри умеет уверенно обращаться с дробями, пишет преподаватель этого университета, несколько студентов считают, что $3/6 = 1/3$. Учащиеся считают, что вопрос «почему» лишен смысла, что знания – некоторая данность, их нужно запомнить. Тесты не учат думать.¹²²

Нужно сказать, что по расходам на науку и образование Франция отнюдь не ходит в лидерах среди развитых стран. В 2002 г. ассигнования на науку составили 2,1% ВВП (в ФРГ – 2,5%, в Японии – 3%, в США – 5,7%, а в Финляндии превысили 12%¹²³). Очень велик отток французских ученых в США, которые привлекают зарплатой, (она втрое выше, чем во Франции), и отсутствием бюрократических ограничений в научных исследованиях.

Несколько слов о российско-французских отношениях в области высшего образования. На проходившем в Москве в марте 2001 г. форуме «Высшее образование во Франции» и выставке на эту тему посол Франции в России Клод Бланшмезон сказал: «Сейчас в наших вузах около 8% иностранцев, и нам хочется удвоить эту цифру... Цель выставки – «привлечь российских студентов во французские университеты. Но это не значит, что мы стремимся к утечке мозгов из России. Наоборот, потом эти студенты вернутся на родину. На выставке представлены 40 университетов Франции. Наши приоритеты: бизнес, экономика, инженерные специальности, математика, физика, искусство и литература...» Учеба в школе бесплатна. Учеба в большинстве вузов – тоже. Таким образом, «учеба финансируется нашими налогоплательщиками. Университет не имеет права брать плату со студентов. Может быть, это старомодно звучит, (сегодня модно платить за все услуги), но наши профессора считают, что преподавание не является товаром. Это касается как французских студентов, так и иностранных... Мы хотим, чтобы наши студенты контактировали со студентами из других стран, с людьми с иным мышлением. Кроме того, это нужно для развития сотрудничества; и Россия, и Франция нуждаются в людях, одинаково знающих обе наши культуры... Что касается средней школы, то у нас единая программа для всех. А университеты сегодня более автономны. Это новое веяние – каждый университет выбирает свою программу и может определять свои условия приема студентов. В некоторые институты поступают на основе аттестата зрелости, а в некоторые – (в элитные вузы, Г.А.) сдают особые экзамены. Мы считаем элитарное образование совершенно нормальным, если возможность его получения основывается на заслугах, а не на наследственном праве или финансовом состоянии родителей (как видим, Клод Бланшмезон обозначает термином «элитарное» то, что мы называем элитным, Г.А.). Правда, социологи нам объяснят, что если ваш отец – профессор и семья богата, то вы будете лучше подготовлены к таким экзаменам, чем ребенок из бедной

---

¹²² АиФ № 12, 2006, с.2

¹²³ Известия, 15.03.2003. Последний результат не замедлил сказаться, пусть косвенным образом: так, школьная система Финляндии в 2005-2006 г.г. вышла на первое место в мире.

шахтерской семьи»¹²⁴. Французские интеллигенты говорят: мы не можем идти по пути платного образования. Бесплатное образование – лучшая, демократическая стратегия образования. Можно только присоединиться к этим словам.

Высшее элитное образование в ФРГ. Германия – одна из самых мощных образовательных структур Европы, оказывающая большое влияние на образовательные процессы в странах континентальной Европы и, в определенной мере, во всем мире, (хотя в целом, удельный вес элитного образования стран континентальной Европы в мире несколько сократился). Существенное влияние немецкие элитные университеты оказали на создание российской образовательной системы, которая в значительной мере строилась по германской модели. Именно на них ориентировался М.В.Ломоносов и другие архитекторы системы российского высшего образования. Определенное участие в становлении высшего образования в России принимал Г.Лейбниц, принятый на службу Петром I, консультировавший его по вопросам создания Академии наук и университета. Русские аристократы, получавшие образование в зарубежных университетах, особенно в XIX веке, предпочитали, как правило, именно элитные немецкие университеты. Особенно популярны среди них были философские факультеты германских университетов. Немецкая классическая философия была хорошо известна в России. Она изучалась не только в немецких университетах, но и в российских, в многочисленных кружках – философских, общегуманитарных, литературных. Санкт-Петербургский и Московский университеты имели прочные связи с немецкими университетами.

Вплоть до конца XX века в ФРГ и начала XXI в. в России сохранилась одноуровневая система высшего образования, а постдипломный (postgraduate) уровень представлен двумя ступенями, соответствующими нашим аспирантуре и докторантуре. В конце XX века с вступлением европейских стран в Болонскую конвенцию ситуация стала меняться. И это при том, что в общем никто не доказал, что американско-английская двухуровневая система превосходит германо-российскую. Впрочем, на наш взгляд, ныне нет большого смысла спорить по этому поводу, во-первых, потому, что Болонская конвенция уже подписана, и, во-вторых, не следует преувеличивать роль структуры высших образовательных учреждений. Ведь это – не более, чем форма, главное же в образовательном процессе – это его содержание, (как и в целом, в диалектике содержания и формы определяющую роль играет содержание). Другое дело, что процессы глобализации привели к объективной необходимости унификации структуры высшего образования, унификации формы, что необходимо для взаимного конвертирования ученых степеней в условиях возросшей

---

¹²⁴ Известия, 8.03.2001.

мобильности европейской образовательной системы. Все это и получило отражение в Болонской конвенции¹²⁵.

Следует отметить и еще одно сходство в образовательных системах в ФРГ и России. В обеих странах большинство вузов являются государственными, (а в СССР они, естественно, были на 100% государственными). Причем трудности реформирования системы образования ФРГ в 90-х годах были связаны с процессом интегрирования Восточных земель. Правительство ФРГ жаловалось на то, что ему достались переполненные школы, недостаточное финансирование, необходимость перенести стандарты и ценности образовательной системы ФРГ в Восточные земли. Впрочем, существует и другое мнение: разрушили хорошо отлаженную систему восточногерманского образования. И не случайно, что имеется нечто общее в реформировании высшего образования в 90-х годах в ФРГ (впрочем, этот процесс там еще не закончен) и реформах образования в России в тех же 90-х г.г. XX века (кстати, и у нас этот процесс тем более не закончен). И основные трудности этих процессов связаны не с формой (одноуровневым или двухуровневым должен быть процесс обучения в вузе), а с более глубокими причинами, и прежде всего, с недостаточным финансированием вузов, несоответствием квалификации выпускников вузов возросшим требованиям рынка труда и т.д. Нужно сказать, что у более дисциплинированных (и бюрократизированных) немцев эти преобразования происходят быстрее и организованнее, у нас же они вызвали слишком большой переполох.

Во всяком случае в начале XXI века в ФРГ переход на многоуровневое высшее образование в основном произошел, с 2005 г. все выпускники немецких вузов получают Европейское приложение к своему диплому и дополнительный пакет документов, отвечающих требованиям Болонской конвенции¹²⁶.

Отметим, что, на наш взгляд, германо-российская система имеет ряд несомненных преимуществ по сравнению с британской и особенно американской. Последняя является наиболее дорогостоящей и, соответственно, наименее доступной для низкооплачиваемых групп

---

¹²⁵ См.: Сухова Е. Особенности трансформации систем высшего образования Германии и России в контексте Болонского процесса. Диссертация на соискание уч. степени кандидата социологических наук, М., 2006.

¹²⁶ В соответствии с Болонской конвенцией российские вузы также идут по этому пути. Отметим также, что ряд элитных вузов России, у которых налажены широкие контакты в западноевропейскими вузами, идут в авангарде этих преобразований. Так, например, МГИМО(У) начал выдавать своим выпускникам либо два диплома (российский и диплом европейского вуза, с которым МГИМО(У) имеет соответствующее соглашение), либо – вместе с российским дипломом – сертификат соответствия его нормативам Болонской конвенции. По этому пути идут Государственный университет – Высшая школа экономики и ряд других элитных вузов России.

населения. Напротив, образование в вузах ФРГ является преимущественно бесплатным (около 95% студентов получают бесплатное образование). Как известно, в бывшей ГДР, как и в СССР, оно было полностью бесплатным. А в последнее десятилетие в российской системе высшего образования соотношение между бесплатными вузами и платными, к сожалению, изменяется в пользу последних.

Однако, несмотря на привлекательность бесплатного высшего образования, в ФРГ специалисты по социологии образования все с большей тревогой констатировали, что их система высшего образования все больше проигрывает соревнование с американской системой, причем именно в элитном образовании, потребители которого заинтересованы прежде всего в качестве, а за ценой не постоят. Немецкие исследователи элитного образования в последние годы стали часто отмечать, что даже самые элитные университеты ФРГ, в том числе Берлинский, проигрывают в конкуренции с Гарвардом и другими элитными вузами США. Они ищут и пока не нашли ответы на вызовы со стороны элитных университетов США. Точнее, находят адекватный ответ только в высокооплачиваемом образовании. С 2004 г. эта проблема обсуждается Правительством ФРГ и Бундестагом. Влиятельные силы в ФРГ готовы пожертвовать огромным достижением страны в виде бесплатного высшего образования, чтобы повысить конкурентоспособность своего высшего образования.

Мы говорили уже о различиях между французской и англо-американской образовательными системами. В первой в вузы принимают по результатам только школьных экзаменов, причем во многие вузы могут попасть все желающие выпускники школ (с последующим выбыванием отстающих студентов), в элитные же вузы (*grande ecoles*) существует более суровый отбор. Американцы и англичане, ввели единое выпускное тестирование, (но зачислению в элитные вузы обычно предшествует собеседование). Сравнивая различные системы образования в европейских странах, часть населения ФРГ, главным образом, консерваторы, требуют пересмотра ряда положений образовательной системы ФРГ, и, прежде всего, создания элитных университетов¹²⁷. Баварская газета *Tageszeitung* критикует немецких социал-демократов, которые, «как черт ладана» боятся платности университетов. Газета пишет, что справедливость и равенство – разные понятия, которые отождествлялись в ГДР, когда в вузах господствовала посредственность, незаурядные ученики считались «выскачками» и преследовалось инакомыслие, а элита интеллигенции искала возможностей эмигрировать. Консерваторы предпочитают платные

---

¹²⁷ Впрочем, многие немецкие социологи считают (и не без оснований), что элитные вузы в ФРГ существуют, в частности, в области экономики. Журнал *Karriere* в 2006 г. назвал лучшими: 1. Лейпцигское высшее коммерческое училище; 2. Университет управления Валлендара (WHU Vallendar); 3. Европейскую школу бизнеса (EBS); 4. Университет Маннгейма (Uni Mannheim); 5. Университет Виттен-Хердеки.

элитные университеты с высокой платой за обучение по типу университетов США и Великобритании. Бюджет Колумбийского в Нью-Йорке университета, пишет газета, – св.\$3 млрд., а бюджет немецкого Свободного университета – на порядок меньше; а с этим связано и качество преподавания. В Колумбийском университете преподают более 20 лауреатов Нобелевской премии, а мы о подобном можем только мечтать. Но платность образования противоречит установкам СДПГ, считающим, что образование должно быть доступным для всех. (Отметим, что эта статья написана до выборов 2006 г., когда консерваторы победили¹²⁸).

Правительство А.Меркель предпринимает определенные шаги по введению платности высшего образования. Отказываясь от единообразной системы высшего образования, Правительство ФРГ доверяет решение этой проблемы правительствам земель. В большинстве земель ФРГ сохранилось бесплатное образование. А вот в Баварии, где уровень жизни выше, чем в других землях, вводится платное высшее образование¹²⁹. Немецкая академическая служба обмена студентами и преподавателями вузов DAAD ведет переговоры по этому поводу с иностранными вузами. В 2006 г. стартовал проект PROFIS (программа поддержки международных структур в немецких вузах). ФРГ занимает второе место в Европе по обучению иностранцев. Большинство иностранных студентов прибывает в ФРГ из стран Европы, доля россиян – 5%. Среди стран, в которые выезжают немецкие исследователи – США (23%), Великобритания (11,4%), Франция (6,2 %), Россия (6%).

Наряду с бесплатными государственными университетами (в Германии их большинство) имеются и частные университеты, как правило, элитарные. Примером такого университета является Бременский международный университет, где обучаются студенты из 67 стран (это при том, что университет небольшой). Стоимость обучения здесь – 15 тысяч евро в год. На одного преподавателя здесь в пять-шесть раз меньше студентов, чем в среднем по ФРГ. Дискутируется вопрос о создании университета для особо одаренных молодых людей. Сторонники таких университетов подчеркивают, что они должны быть маяками для всей вузовской системы. Противники говорят о том, что элитарность таких университетов усилит несправедливость в системе образования. Специалисты по педагогике образования полагают, что эта проблема еще долго будет вопросом теории¹³⁰. А пока нередко для получения элитного образования состоятельные немцы предпочитают учиться в Гарварде или Кембридже. Похоже на то, что в последнее десятилетие эгалитарное образование в некоторых странах проигрывает элитарному, во всяком случае, последнее теснит первое. Западные исследователи высшего образования обычно

¹²⁸ Tageszeitung, 10.12. 2004.

¹²⁹ См.: «Высшее образование в России», № 4, 2007.

¹³⁰ Немецкая волна 23.11.2004.

считают, что демократические системы могут практиковать как элитную, так и элитарную системы образования.

В ФРГ студенты могут рассчитывать на кредит от государства. Он представляет собой беспроцентную ссуду, которую учащийся получает ежемесячно, а после окончания возвращает долг. Причем зачастую возвращать надо только половину полученной за время учебы суммы. Некоторым могут простить часть долга, если, например, человек воспитывает маленького ребенка. Получение кредита зависит от успеваемости студента. Подобные льготы и дотации получают прежде всего студенты из малообеспеченных семей¹³¹. Таким образом, система образования ФРГ является социально ориентированной. Думается, в этой связи, что и российская образовательная система должна сохранить социальную ориентацию (выше уже отмечалось, что она должна сохранить позитивные черты образовательной системы советского периода и отсеять отрицательные).

Системы элитного образования в других развитых странах мира и их сопоставление. Роль государства и межгосударственных объединений в образовательном процессе. В сфере элитного образования и науки конкурируют не только страны, но и целые континенты. Трагедией

---

¹³¹ Известия, 12.04.2004 г. Посол ФРГ в России Ханс-Фридрих фон Плетц рассказал читателям «Известий» о том, как организовано высшее образование в Германии. Учеба в государственных вузах бесплатна, они субсидируются правительством. Есть и private учебные заведения, но их немного. Поскольку при поступлении в вуз не предусмотрены никакие вступительные испытания, то главное для абитуриента – успешно сдать выпускные экзамены в школе или гимназии. В Германии, как и всюду, есть престижные специальности, которые хотели бы получить намного больше людей, чем может принять университет. В этом случае решающее значение имеет средний балл абитуриента. Распределением мест для особо популярных специальностей занимается не сам университет, а ведомство ZVS (Zentralstelle für die Vergabe von Studienplätzen). Абитуриенты могут указать несколько университетов, в которых они хотели бы учиться. Если средний балл оказался недостаточным, абитуриента ставят на очередь.

В Германии регулярно определяется рейтинг университетов. В вузах с высоким рейтингом лучше условия обучения – оснащение библиотек и лабораторий, но самое главное – выше уровень преподавательских кадров. Рейтинги вузов отслеживают и потенциальные работодатели – им необходимы высококвалифицированные кадры. Молодые специалисты престижных вузов (как видим, в ФРГ есть элитные вузы, Г.А.) могут рассчитывать по завершению учебы, (а бывает и до того), на интересную работу и высокую зарплату.

В ФРГ независимо от зарплаты родителей каждый, кто учится, получает так наз. «детские деньги» в размере 154 евро. А каждый студент – стипендию в размере 585 евро. Студент должен заплатить университетский сбор (125 евро) за семестр. Каждый студент обязан представить справку о доходах родителей, и если эти доходы невелики, то он освобождается от университетского сбора. Помимо обычной стипендии, существует множество стипендий, назначаемых различными фондами... Немецкие вузы пользуются успехом у иностранных студентов, по числу которых Германия уступает только США и Англии (и, по подсчетам некоторых специалистов по социологии образования, Австралии).

Европейской науки и системы образования явилось то, что на долю старого континента – в прошлом законодателя мирового элитного образования – приходится ныне только 10% мировой научной продукции. США производят сегодня 40% мировой научной продукции, что само по себе дает огромное преимущество американским университетам. Значительно усиливают свои позиции в науке и элитном образовании азиатские страны, которые также теснят ЕС. Причем в своей конкурентной борьбе большинство азиатских элитных университетов ориентируются на американские университеты. Шанхайский институт высшего образования отмечает снижение уровня образования стран ЕС по отношению к другим конкурентам¹³².

Болонский процесс и современное элитное образование. В условиях нарастающей глобализации в современном мире резко обостряется конкуренция между развитыми странами, наблюдается усиление позиций США и Японии и ослабление позиций Европы¹³³. Это проявляется, как мы видели, и в области образования, прежде всего, элитного образования. В этих условиях решающим фактором сохранения позиций старого континента в области элитного образования, занимающего по-прежнему главное место на мировом рынке образовательных услуг, признается объединение усилий европейских стран, направленных на повышение их конкурентоспособности. Именно этой цели служит Болонский процесс, ставящий задачу создания к 2010 году общеевропейского образовательного пространства. На этом пути ряд европейских стран достиг определенных успехов. Таким образом, Болонский процесс можно рассматривать как один из важных моментов процесса глобализации современного мира в области образования (аспектом этого процесса и его авангардом является глобализация элитного образования). Хотя Болонский процесс может стать импульсом к серьезным преобразованиям в направлении модернизации образования, он с огромным пиететом относится к автономности вузов и не требует никакой ломки педагогических традиций¹³⁴.

Иногда в литературе встречаются утверждения о том, что принятие Болонской конвенции означает движение в сторону элитного образования.

---

¹³² Academic Rankking of World Univercities-2006. Institune of Higher Education. Shanghai Jiao Tong University.

¹³³ Расходы на образование в странах ЕС, как и в США, составляют в среднем несколько менее 5% ВВП, в то время как в США несколько больше 5% ВВП. Расходы на 1 студента в ЕС составляют \$8600, в Японии – \$10400, в США – \$19200 (данные за 2002-2003 г.г., См.: Поиск, 2003, № 35). Доля частного капитала в финансировании высшего образования в США и Японии достигает 50%, в Австралии – 68%.

¹³⁴ См.: Кириллов В.Б., Гладков Г.И. Единое европейское пространство высшего образования и российские вузы. Болонский процесс. М., 2005., с.3.

По-видимому, это не совсем так.¹³⁵ Следует заметить, что в некоторых элитных вузах Европы (и, особенно, в Кембридже и Оксфорде) скептически относятся к тезису о том, что Болонская система приведет в росту элитного образования.

Глобализация рассматривается большинством современных социологов как доминирующий фактор нынешнего этапа человеческого развития, а Болонский процесс – как часть процесса формирования мирового образовательного пространства. Глобализация видится как принципиально новое состояние мировых общественных отношений, как следствие информатизации общества, развития производительных сил общества, меняющихся представлений о месте человека в обществе и, конечно, радикально влияющих на изменение роли образовательных систем. Эти изменения и привели к трансформации отдельных образовательных систем в общеевропейскую при сохранении национальных и культурных различий. Глобализация стимулирует мобильность всех участников европейского образовательного процесса. Введение в учебный процесс самых эффективных образовательных технологий делает более открытыми границы для талантливых студентов, аспирантов, профессоров и преподавателей.

По-видимому, Болонский процесс идет параллельно с политикой ВТО, цель которой – превратить образование в рынок. И тут возникает вопрос о том, хорошо ли, что образование превращается в рыночную ценность. А что касается двух ступеней высшего образования, из которых первая (3–4 года) должна завершаться получением квалификации, востребованной европейским рынком труда (бакалавр), а вторая после пяти лет обучения должна приводить к получению квалификации «мастера» (магистра), то это по существу всего лишь форма, в которой могут развиваться как элитный, так и не-элитный виды образования. Впрочем, ряд специалистов по социологии образования считают, что это не совсем так. Прежде всего, участие в Болонской конвенции означает определенное движение в сторону стандартизации образовательных систем, а стандартизация плохо сочетается с элитным образованием, которое по определению выше стандартного. Впрочем, нужно отдать должное Болонской конвенции, которая сделала акцент не на унификации систем академических степеней и их

---

¹³⁵ Один из профессоров Оксфордского университета не без оснований отметил, что для образовательной системы невысокого или среднего уровня принятие Болонской конвенции является несомненным прогрессом. А для элитных университетов, в частности, Оксфорда, это отнюдь не является прогрессом. Такие европейские элитные вузы, как Кембридж, Парижский институт политических наук и некоторые другие отказались участвовать в этом процессе. Между прочим, министр образования и науки А.Фурсенко на встрече со студентами и преподавателями МГТУ им. Баумана сказал, что «Европа поняла необходимость стандартизации оценки качества университетского образования, когда выяснилось, что проигрывает США и азиатским странам» (Известия, 4.03. 2005 г.)

дипломирования (документального подтверждения дипломами об образовании единого образца), а на подтверждении того, что дипломы являются лишь инструментарием «удобочитаемости» степеней и квалификаций¹³⁶. Введение кредитной системы ECTS (European Credit Transfer System) позволит снять проблему взаимного признания дипломов, будет способствовать развитию сотрудничества между российскими и другими европейскими университетами. Как пишет заместитель проректора по научной работе МГИМО(У) Г.И.Гладков, «МГИМО выступает решительно против усреднения образовательного уровня. Каждый вуз должен сохранить свои сильные стороны. Развитие сотрудничества должно приводить не к снижению до некоторого среднего уровня, но к взаимному обогащению образования в различных университетах»¹³⁷

С Болонской системой тесно связан процесс интенсификации знаний, заданный Лиссабонской повесткой. Пока еще вопрос о том, соответствует ли Болонский процесс с его идеей гармонизации образовательной системы в Европе и повышением мобильности студентов и профессоров в условиях острого дефицита высококвалифицированных специалистов, и особенно ученых-исследователей, интересам России, остается дискуссионным: некоторые работники сферы образования считают, что он может способствовать «утечке мозгов».

В апреле 2005 г. в Глазго прошла конференция Европейской ассоциации университетов (ЕАУ), где обсуждались эти вопросы. Выступавший на ней председатель Европейской комиссии Х.Баррозу отметил, что в Европе не хватает примерно 700000 исследователей. Если в Японии на 1000 работающих приходится 9 исследователей, то в Европе – только 6. Он поставил задачу догнать к 2010 г. в этом отношении США и Японию¹³⁸. Он поддержал лозунг: «Сильные университеты для сильной Европы».

«Декларация Глазго» определила основы непрерывного диалога между университетами и представителями Европейской комиссии. В рамках Болонского процесса европейские университеты обсуждают их общие подходы к решению вопросов конкуренции между европейскими университетами, между европейскими университетами и университетами других континентов. Эта нарастающая конкуренция уравнивается сотрудничеством между европейскими образовательными структурами на основе их общей приверженности высокому качеству образования.

Конечно, Россия не может ограничиваться рамками Европы, она должна активно сотрудничать в области образования со всеми странами и регионами, среди которых наивысшими темпами развивается азиатско-тихоокеанский регион.

---

¹³⁶ Динес В., Аблязов К., Новые перспективы развития российской высшей школы // Власть № 9, 2005, с.66.

¹³⁷ Международник (газета МГИМО), № 4, 2005.

¹³⁸ Высшее образование в России, 2006, № 1, с.15.

Особенности образования в странах Северной Европы. В настоящее время многие специалисты по социологии образования считают, и не без оснований, что наиболее демократической системой среднего образования, а также в значительной мере высшего образования в современном мире является система образования в ФРГ, Австрии, и, в особенности, в странах Северной Европы – Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании (в качестве основания демократичности в данном случае берется бесплатность образования или его низкая стоимость, поскольку большую часть расходов берет на себя государство). При этом не снижается высокий уровень образовательного процесса. Так, убедительным примером заботы норвежского государства об образовании своих граждан является деятельность фонда СЭЛФ, который предоставляет норвежским студентам гранты и льготные займы, позволяющие им получить высшее образование независимо от финансовых возможностей их родителей¹³⁹.

Противоположная модель финансирования высшего образования наблюдается в США, где образовательная система является наиболее дорогостоящей. И, несмотря на это, обнаружилось, что европейская система высшего образования во многих отношениях проигрывает образовательной системе США, во всяком случае в системе элитного образования.

В XXI веке продолжается полемика между сторонниками эгалитарной и элитарной модели образования. Ряд современных исследователей пишет о пагубном влиянии на мораль (прежде всего молодого поколения) самого факта наличия привилегированных элитных учебных заведений. Профессор Стэнфордского университета А.Пешкин пишет о разительном контрасте между элитарными школами Стэнфорда и школами вест-сайдского чикагского гетто. То, что учащиеся элитарных частных школ имеют несравненно большие шансы получить образование высокого качества и преуспеть в жизни, вредно влияет на моральные устои молодого поколения. Неравные возможности в системе образования «подрывают веру в Американскую мечту»¹⁴⁰, ... «привилегии рожают коррупцию, морально разлагают»¹⁴¹ (эти слова вполне применимы к современной России, Г.А.). Впрочем, автор оговаривается, что он не сторонник ликвидации элитных учебных заведений. Многие американские исследователи жалуются на то, что отсутствует корреляция между способностями детей и возможностями получения образования высокого качества¹⁴². Аналогичные вопросы обсуждаются социологами Великобритании. Многие социологи предлагают

¹³⁹ Экономическая газета, № 1,2004.

¹⁴⁰ Peshkin A. Permissible Advantage? The Moral Consequences of Elite Schooling, L.,2001, p.2,120. А.Пешкин ставит вопрос: «Как отражается на общественной морали то, что существуют школы, учащиеся которых имеют преимущества при поступлении в вуз? Законно ли иметь право получать лучшее образование, чем другие? (Ibid., p. XI).

¹⁴¹ Ibid.,p.93.

¹⁴² Arrow K., Bowles S., Durlauf (eds.) Meritocracy and Inequality. Princeton, N.J.,2000, p.90.

уменьшить элитарность (закрытость) высшего образования и соответственно, расширить доступ к нему¹⁴³. Может быть, определенные ориентиры в этом отношении дают образовательные системы скандинавских стран, особенно Финляндии.

Феномен финских школ. Внимание мировой общественности в последние годы особенно занимает проблема справедливости и равенства в образовании. Именно этой проблеме был посвящен Международный форум прессы во французском Севре в 2005 г. Кто же является лидером в мировой системе образования с точки зрения равенства и социальной справедливости? Оказалось – это страны северной Европы. Абсолютное первое место заняла Финляндия (несколько лет тому назад это место принадлежало Норвегии). В связи с этим центральный доклад на форуме был сделан профессором Университета Ювескюля Ю.Валиярви. В Финляндии огромное внимание уделяется проблеме равенства школьников. В одном классе учатся и одаренные, и менее способные дети, здоровые и инвалиды. Это делает общество здоровым, считает докладчик. Частные школы в стране составляют всего 5% и существенной роли не играют. В Финляндии очень трудно найти плохую школу, и для родителей неважно, куда отдать ребенка. В этой стране учитель – уважаемый и неплохо зарабатывающий человек. Почти все преподаватели окончили университеты и имеют master degree. Успех приносит и децентрализация образования, позволяющая ученикам быть более свободными в выборе программ и учебников.

На этом же форуме Директор института образовательного планирования ЮНЕСКО Хуан Карлос Телеско показал в своем докладе, что на противоположном полюсе от Финляндии (с точки зрения равенства) находится Бразилия и в целом страны Латинской Америки. Там бедные ходят в школы для бедных, а богатые, окончив частные школы, продолжают образование в частных же университетах. Разумеется, сама школа не может преодолеть это неравенство, это – общегосударственная задача. Кстати, о преодолении неравенства на форуме говорил уже знакомой нам одной из самых элитарных высших школ французских университетов – Sciences Po Ришар Декуа (школа, куда ранее никогда не мог попасть простой смертный, не пройдя тщательную селекцию). Декуа обещал, что даже в эту Высшую школу политических наук (питомник французской политической элиты) детей будут отбирать даже и в проблемных зонах.¹⁴⁴ Одним словом, для Европы равенство образовательных возможностей – одна из самых актуальных задач в области образования, которая к тому же может помочь снизить социальную напряженность в обществе, в частности, во Франции, где ее остроту продемонстрировали столкновения студенческой молодежи с

¹⁴³ International Encyclopedia of Education, vol. 8, p.827. Близкую позицию занимают социологи М.Вудро и М.Джоук (Wodrow M., Yoke M., Social Class and Participation. Good Practice in Widening Access to Higher Education. Universities UK, 2003.).

¹⁴⁴ Известия, 27.05.2005 г.

полицией в марте 2006 г., показавшие степень ее недовольства социальной (точнее, антисоциальной) политикой правительства. И жаль, что проблемы равенства и справедливости в образовании для российской общественности перестали быть столь же актуальными (в отличие от проблемы недофинансирования российского образования).

Сравнивая элитное образование в США, Великобритании с таковым в других развитых странах, в том числе европейских, мы должны учитывать, что различные системы элитного образования в глобализированном мире сблизились, во многом переплелись. И, тем не менее, во многом они сохранили своеобразие, связанное с историей той или иной страны, ее традициями, культурой, национальным колоритом.

Огромным достижением, (к которому должна стремиться Россия), мы считаем то, что в ФРГ, Швеции, Финляндии, Норвегии, Австрии, Франции высшее образование является преимущественно бесплатным (часто даже для иностранцев!). На общежитие, учебники, страховку потребуется не меньше 600 евро в месяц. Студенческая виза дает право на работу (part-time job), так что не все придется тянуть из родительского кармана¹⁴⁵.

В Швеции элитарные школы (так же, как и элитарные больницы) – понятия, практически неизвестные в этой стране. Деньги налогоплательщиков идут прежде всего на содержание системы социальной защиты, в том числе на бесплатное образование. Характерная черта «шведского варианта социализма» – выравнивание доходов между различными группами населения (эти различия – меньше чем в 4 раза; напомним, для сравнения, что в России эта цифра приближается к 20). И бесплатное высшее образование считается в Швеции явлением вполне естественным, ведь главным бенефициаром от расширения высшего образования является государство, ибо большую часть налогооблагаемого внутреннего валового продукта обеспечивает высокотехнологичная продукция, требующая работников высшей квалификации. В странах Северной Европы платное образование – явление весьма редкое. В определенной степени близка к этому система образования в Японии, где выпускник платного вуза имеет мало шансов сделать карьеру в области госслужбы.

Отставание Европы в области высшего образования достаточно хорошо известно. Гораздо большее удивление вызывает то, что она отстает также и в развитии средней школы. По данным исследований PISA, решение математических задач средним 15-летним учеником в крупных европейских странах находится на среднем международном уровне. Более высокие позиции в этом списке занимают Гонконг, Южная Корея и Япония, а также некоторые некрупных по размеру члены ЕС (об успехах Финляндии и других

---

¹⁴⁵ Комсомольская правда, 11.07.2005 г.

скандинавских стран еще будет говориться ниже), а из крупных стран Западной Европы лучшие показатели имеет Англия.

Большинство европейских стран не обеспечивает равенство образовательных возможностей, хотя, как правило, жители этих стран полагают, что они этим правом обладают. Исследование PISA за 2005 г. также пытается определить, насколько сильно влияют на студента социально-экономические факторы с одной стороны, и его личные способности, с другой. Для этого сравнивались результаты контрольной работы по математике как внутри той или иной школы, так и между школами. В первом случае, очевидно, отражаются способности студента; во втором – социально-экономическое положение о уровень образования в различных школах. Социологические исследования показали, что в большинстве стран Европы различия уровня образования в разных школах одной и той же страны более значительны, чем различия уровня образованности между учениками отдельной школы, (что недвусмысленно указывает на наличие в них привилегированных школ).

Всего несколько небольших стран ЕС действительно дают образование высокого уровня (причем бесплатно), и это страны, которые отказались от таких методов, как обязательная государственная программа или директивы государственной бюрократии, которые, как предполагается, должны обеспечивать равное образование. Примером такой страны является Финляндия.

Еще несколько десятилетий назад Финляндия имела все те недостатки, которые свойственны европейским странам, в которых система образования контролируется бюрократией. Сегодня (данные ООН за 2005 г.) здесь лучшие в мире школы. 15-летние финны имеют высший балл в оценке математических способностей, научных знаний и читательской грамотности среди всех богатых индустриальных стран; и в 2006 г. это положение сохранялось. Финны достигли этого, изменив всю образовательную систему, возложив ответственность не на бюрократа, а на учителя, и оказывая ему всестороннюю поддержку. Здесь нет разделения на потоки и нет отбора; нет элитарных школ, нет единой государственной программы; и минимальное количество государственных экзаменов. «Учителя, учителя, учителя» – так директриса школы под Хельсинки объяснила, почему лучшая в мире система среднего образования сложилась именно в Финляндии. «Нужны хорошие учителя и надо предоставить им полную свободу».

После того, как эксперты ЮНЕСКО определили в 2005 г., что лучшие результаты по качеству образования показали школы Финляндии, мировая пресса преподнесла это как сенсацию. На самом деле этот новый уровень школьного образования в Финляндии был результатом длительной и целенаправленной работы по организации образовательного процесса, подготовленного Министерством образования. Но это ни в коем случае не было продуктом деятельности чиновников. Как раз наоборот, количество

органов, надзирающих над школами, как и количество министерских чиновников, было резко сокращено, их полномочия урезаны, зато максимально расширены возможности инициативной деятельности учителей – главных действующих лиц образовательной системы. Именно их самоотверженная работа, их энтузиазм были главной причиной взлета финской школы. Иное дело, что они были поддержаны широкой общественностью. Это было актом доверия своим учителям, и он полностью оправдался. Свобода учительской инициативы показала, что это лучший способ поднять уровень образования.

И нам, россиянам, следует сделать выводы из деятельности наших финских коллег. Кроме того, финский прорыв в образовании был теоретически подготовлен финскими учеными в области педагогики и прежде всего социологии образования.

Поэтому дадим слово социологам, прежде всего финским. Как пишет финский социолог И.Колемайнен в статье «Перспективы финского обучающегося общества», в последние пару лет Финляндии уделяется значительное внимание в международных кругах, прежде всего в связи с успехами финского образования. Причем он справедливо замечает, что данные успехи не являются чем-то изолированным, они связаны и с ее успехами в области высоких технологий и некоторыми социальными процессами. Кроме того, это не какой-то локальный успех, а часть глобального движения мира к «обучающемуся обществу»¹⁴⁶.

Один из самых видных теоретиков информационного общества М.Кастельс еще за несколько лет до триумфа 2005 г. разглядел тенденции Финляндии к «обучающемуся обществу». В 2001 г. Кастельс в соавторстве Рекка Хайманеном опубликовали книгу «Финская модель информационного общества». Они выявляют специфику этой модели информационного общества, которое называют также «обучающимся обществом» (*learning society*). Финская модель отлична от движимого только рынком открытого информационного общества (модель американской «Силиконовой долины»), равно как авторитарного информационного общества сингапурского типа. Финская модель объединяет гражданское общество с экономическим и технологическим инновационным и конкурентным обществом¹⁴⁷.

И все же, хоть образование в скандинавских странах опережает по большинству важнейших параметров другие страны, не будем его идеализировать (тем более что сами скандинавские профессора, преподаватели, специалисты по социологии образования довольно остро критикуют собственную образовательную систему).

---

¹⁴⁶ Kolehmainen I. (New Society Models for a New Millenium. The Learning Society in Europe and Beyond. 2007, p. 174)

¹⁴⁷ (New Society Models for a New Millenium. The Learning Society in Europe and Beyond. 2007, p.174).

Так, шведский социолог Х. Хэлланд, исследующий проблему того, как социальный и экономический «бэкграунд» воздействует на карьеру шведских студентов. Оказывается, среди всех вузовских специальностей последние 50 лет наиболее престижными, элитными считаются экономические факультеты университетов. Окончивших эти факультеты, как правило, ждет завидная карьера. Именно выпускники экономических факультетов занимают важнейшие посты в государстве, большинство государственных чиновников имеет экономическое образование. Это один из каналов репродукции шведской государственной элиты, даже если процесс рекрутирования элиты может быть «меритократическим» (кавычки автора, Г.А.). Люди, находящиеся на высших позициях, рекрутируют во власть людей, подобных себе, и в то же время уверяют, что выбирают наиболее квалифицированных претендентов. Это исследование, по мысли автора, должно способствовать пониманию социального неравенства в Норвегии. Этот бэкграунд подразумевает социальный класс и, соответственно, статус родителей их образование и доход.

В Норвегии существует примерно та же система финансовой поддержки студентов, как в большинстве европейских стран. 90% норвежских студентов получают эти займы, и тут заметна дифференциация: студенты с более высоким бэкграундом получают более крупные займы, чем студенты с более низким бэкграундом. Студенты с более низким бэкграундом впоследствии чаще получают более низкую зарплату, чем студенты из высшего и высшего среднего классов. Автор тут добавляет: «Я, правда, не смог найти ни одного исследования этой проблемы в Норвегии»¹⁴⁸.

Конкуренция европейских вузов с североамериканскими и восточноазиатскими. По данным университета Shanghai's Jiao Tong, 17 из 20 лучших университетов мира сейчас американские. Велико отставание университетов стран ЕС, и не только от Америки. Рост студентов в США и особенно в странах Юго-Восточной Азии значительно обгоняет рост числа студентов в Европе. С 1960-х годов Британия почти удвоила количество выпускников вузов, но это увеличение (быстрое по стандартам ЕС) было достаточным, только чтобы удерживаться примерно на том же мировом уровне по росту количества выпускников на тысячу человек населения. ФРГ несколько увеличила количество выпускников, но тем не менее из середины списка переместилась на несколько ступеней вниз.

Дело в том, что глобальная конкуренция в сфере высшего образования стала жесточайшей. Южная Корея крупно вложилась в образование и сейчас обгоняет Европу по количеству выпускников вузов на душу населения (она занимает третье место в мире по этому показателю). Китай и Индия производят больше инженеров, чем весь ЕС, что, возможно, является одной из

---

¹⁴⁸ British Journal of Sociology of Education N 4, July 2007, p.p. 489-490.

причин размещения крупнейшего центра Microsoft в Пекине, (хотя в Европе таких центров несколько).

Упрямый факт заключается в том, что азиаты и американцы, оказывается, ценят ученые степени гораздо выше, чем европейцы. В новом исследовании для Совета Лиссабонской конференции пресс-группа во главе с Андреасом Шлейчером предлагает свои расчеты по сравнению политики США и ЕС в области высшего образования. Она считает, что американские вложения в образование более эффективны, чем западноевропейские.

По мнению Шлейчера, это объясняется тем, что европейское образование пронизано индустриальным мышлением и не адаптировано к пост-индустриальному миру. Пост-индустриальные организации настаивают на том, что инновации не требуют жесткой иерархизации и что все должны получать хорошее образование. Индустриальное производство требовало пирамиду: много неквалифицированных разнорабочих, немного обученных, плюс -несколько высокообразованных менеджеров. Школы, которые отвечают этим старым потребностям – с ранним отбором учеников в учебные и производственные потоки, немногие элитные учебные заведения и упор на профессиональную подготовку – все еще продолжают существовать, особенно в Европе. Они свидетельствуют о нежелании перемен. Такая политика неперспективна.

Государство и элитное образование. Как мы видели выше, элитное образование – часть общей системы образования, зависящая от нее. Поэтому для элитного образования небезразлична позиция общества и государства по отношению к образованию в целом, политика государства в области элитного образования в частности.

Опыт развития мировой системы образования в последние десятилетия показывает, что в ней должна формироваться гибкая система управления (часто не прямая, а косвенная – в виде влияния), где отсутствует жесткая централизация, где существует баланс правительственных и региональных, местных программ образования.

В пользу этого говорят результаты международного исследования национальных систем контроля за уровнем высшего образования в ряде развитых стран Запада, получившие отражение в книге «Меняющееся отношение между высшим образованием и государством»¹⁴⁹. Национальные программы развития образования включают в себя контроль за академическим уровнем образования, за уровнем менеджмента в образовании, педагогический контроль, сфокусированный на искусстве обучения, профессиональный контроль, анализ выпускников вузов с точки зрения учета требований потребителей, поощрение разнообразия форм и

---

¹⁴⁹ Changing Relationships between Higher Education and the State, ed. by Henkel M. and Little B., L., 1999.

методов обучения. Общая политика в области образования должна быть нацелена на ее вклад в социальное и экономическое процветание общества.

Исследуя элитное образование, нельзя не отметить некоторые общие сдвиги в развитии современных образовательных систем. Пожалуй, прежде всего следует отметить рост финансовых вложений в образование в мире в целом и особенно в наиболее динамично развивающихся странах. Причем рост отмечается не только в абсолютных цифрах, но и в процентах к ВВП. Собственно, развитие науки и образования ныне являются важными показателями влияния и мощи страны, (особенно если смотреть на эту мощь в динамике). Причем нетрудно обнаружить прямую зависимость между размерами финансирования образования теми или иными странами и темпами их социально-экономического развития; вложения в образование оказываются наиболее эффективными с точки зрения социально-экономического прогресса. И, соответственно, действует и обратная зависимость. Стоило, например, Бразилии на некоторое время уменьшить бюджетные ассигнования на образование, как это сказалось на замедлении темпов ее экономического развития и потребовало коррекции национальной стратегии. Увеличение расходов на образование касается и ряда развивающихся стран, берущих пример в этом отношении с «азиатских тигров».

Отметим попутно некоторые сдвиги в высшем образовании в Португалии. Нынешнее правительство там взяло курс на снижение платы за высшее образование, доведя ее до \$920 за год (так и хочется сказать, что неплохо было бы вновь, как это предлагали некоторые российские либеральные политики в 90-е годы, посоревноваться с Португалией, теперь уже на ниве размеров платного высшего образования (поскольку руководители Российского министерства образования и науки упорно стоят на том, что без платного высшего образования нам никак не обойтись, хотя это вопрос по меньшей мере дискуссионный).

Особенно велико государственное участие в образовании в Китае. Все высшее образование – платное. За обучение там нужно платить от 500-600 и выше долларов в год. Для крестьянина это огромная сумма. Стоимость обучения определяют местные власти. Часть средств на эти цели выделяется из бюджета провинции, недостающую сумму должен вносить сам студент. Однако для бедных учащихся действует ряд существенных льгот. Так, провинция может выдать студенту дополнительную субсидию на учебу, а он за это после окончания вуза должен работать там, куда его пошлют местные власти¹⁵⁰. Неимущим студентам китайское правительство выдает

---

¹⁵⁰ Отметим, что близкая система оплаты высшего образования существует в России под названием «государственные возвратные субсидии». Если абитуриент не проходит по конкурсу на бесплатное место, а на платное не имеет средств, он может заключить с вузом договор, по которому он после окончания вуза либо возвращает взятые в кредит деньги за обучение, либо, если идет учителем в школу, врачом в деревню, кредит ему прощается, он

субсидии, а отличникам – поощрительные стипендии.¹⁵¹ Получивший среднее образование, но не имеющий денег для оплаты высшего образования может получить кредит в банке. Когда он закончит вуз, ему говорят: если ты поедешь по госраспределению в деревню учителем, врачом, агрономом и т.п., то кредит не возвращаешь. Образование из платного превращается в бесплатное¹⁵².

Что касается выходцев их зажиточных, а тем более богатых, семей, они имеют шансы получить элитное образование в Пекинском или Шанхайском университетах, наконец, большое количество китайских студентов учатся в элитных университетах США, Великобритании, некоторых вузах Франции, ФРГ. А студенты и преподаватели старшего поколения помнят, как в середине XX века, а затем в 70-е – 80-е годы трудолюбивые китайские студенты (часто дети высокопоставленных партийных работников или государственных чиновников или просто показавшие успехи в учебе на родине) были счастливы учиться в советских вузах. Они с раннего утра до позднего вечера работали в библиотеках МГИМО или МГУ над русскими учебниками. А ныне они столь же старательно работают в библиотеках Гарварда и Принстона. Состоятельные китайцы все чаще посылают своих детей учиться в США и Западную Европу. Ныне в США учатся 88 тысяч студентов из Китая, 76 тысяч предпочли европейские вузы и только 13 тысяч – российские. О своих вкусах о них могут сказать словами У.Черчилля, который говорил: «Вкусы у меня самые простые – предпочитаю все самое лучшее». Недаром Шанхайский университет последние годы составляет рейтинги элитных университетов мира, подсказывая китайским выходцам из богатых семей наилучший выбор. (Эти рейтинги мы приведем в 8-й главе). А пока отметим, что английские университеты (например университет Саррей), установив для своих студентов (а также со студентов стран ЕС) максимальную плату в 3 000 фунтов ст., с китайских, латиноамериканских (так наз. «заморских стран») берут плату в 9,5 000 ф. ст., а на некоторых факультетах – до 10 000 (причем в разряд «заморских», правда только в плане платы за обучение), занесены и российские студенты, которых тоже там не мало).

Естественно, что для нас особенно важно рассмотреть *место и роль российских элитных вузов в европейском и мировом интеграционном процессе*. Большинство стран мира, прежде всего, крупных и развитых, особым образом финансирует ограниченное количество своих элитных

получает бесплатное образование, а государство получает в нужном месте специалиста. (АиФ.№28, 2002).

¹⁵¹ Известия, 12.04.2004 г.

¹⁵² АиФ, №16, 2001.

университетов¹⁵³. Россия не составляет исключения. Известно, например, что финансирование МГУ осуществляется особой строкой.

В конце октября 2005 г. по инициативе В.В.Путина из виднейших представителей научной и образовательной общественности страны был создан Совет по науке, технике и образованию при Президенте Российской Федерации. Совет обсудил и одобрил национальный проект в сфере образования и науки. Особое внимание было уделено развитию высшего образования России, в том числе высшего элитного образования.

В докладе заместителя председателя Совета и ректора Санкт-Петербургского университета Л.Вербицкой говорилось, что из 3 тысяч российских вузов хорошее образование дают не более 150, а настоящими исследовательскими центрами среди них являются всего 15–20. Совет принял решение о стимулировании инновационных программ высшего и среднего образования. По нашим данным, число элитных университетов в России несколько больше. Именно конкуренция между ними становится особенно заметной. Кроме того, начала возрастать конкуренция и между российскими и зарубежными элитными вузами.

За последнее десятилетие в Российской Федерации сильно возросло число количество студентов, число вузов. Прирост количества студентов составил ежегодно 7 – 12%, сильно опережая демографические показатели. К 2005 году на 10000 населения приходилось почти 500 студентов, (а в первой половине 90-х годов их было всего 189). В середине первого десятилетия XXI века в государственных и муниципальных вузах России обучалось свыше 5 млн. студентов. Кроме того, 315 негосударственных вузов тоже получили государственную аккредитацию, (это еще 1 млн. студентов). Этот рост образовательных учреждений остро поставил вопрос о содержании и качестве высшего образования. Объективно он подстегнул конкуренцию между вузами. На первое место вышли не количественные, а именно качественные показатели. Государство обязано, лицензируя вузы, следить за содержанием образования, поскольку именно оно несет ответственность за его качество. Л.Вербицкая назвала лишь 8 государственных университетов «национальным достоянием». На эти университеты и предложено опираться при реализации национального проекта «Образование».

Выше мы уже говорили о различиях между образовательными системами разных стран, связанные с историческими особенностями их развития, различием традиций, менталитета, экономической и политической структуры этих стран, наконец, мобилизационным или инновационным типами их развития, говорили о сильных и слабых сторонах этих образовательных систем. Наиболее острая конкуренция в современном мире

---

¹⁵³ Известно, что во многих странах (а таких стран в мире большинство) этой проблемы не существует ввиду отсутствия таких учреждений.

идет именно между элитными университетами и другими элитными образовательными учреждениями.

Причем на современном этапе развития общества преобладают не дивергентные, а конвергентные процессы в образовательных системах. Глобализационные процессы в современном мире (в большей или меньшей степени) повлияли на сближение различных типов образовательных систем.

Выше речь шла, в частности, о различиях систем элитного образования в России, с одной стороны, и в США, с другой. Несомненно, что в наибольшей степени эти образовательные системы различались в период СССР. Так, американская система образования всегда строилась по типу плюралистического развития, в котором конкурировали разные образовательные модели, где важную роль, наряду с государственными образовательными программами, играли программы, разработанные общественными организациями, причем федеральные программы носили скорее совещательный, чем директивный характер, (что естественно при существовании частных образовательных институтов), где большое влияние на образование оказывали власти штатов и местные органы. Иначе говоря, это система с высокой степенью децентрализации.

Противоположную модель образовательной системы представляла собой советская система образования – здесь имел место государственный диктат, унификация, идеологизация учебного процесса, господствовал эгалитаристский подход к организации системы образования.

В постсоветский период образовательная система России быстро двигалась в направлении ее деидеологизации; перестал существовать тотальный государственный контроль, идет процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов, большего учета групповых и индивидуальных запросов населения. Иначе говоря, это явное движение к плюралистической модели образования. Таким образом, мы можем констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России и стран Западной Европы и Северной Америки в рамках парадигмы плюралистической образовательной системы. Тем более это ощутимо с принятием Россией Болонской конвенции, связанной с процессом вхождения российского высшего образования в европейскую и мировую образовательную систему.

И, в сущности, описываемый нами процесс – это только частный случай подобных конвергентных тенденций. Последние полтора десятилетия мы видели движение России от этатизма, от политического монизма к плюрализму политической системы, что, несомненно, сближает ее с политической системой Западной Европы и Соединенных Штатов. Выше мы также видели движение российских моделей рекрутирования элиты – от номенклатурной к плюралистической, к многоканальности рекрутирования элит, одним словом, к более открытой системе рекрутирования элит, что также сближает ее с системой рекрутирования

американских и западноевропейских элит. Итак, мы можем констатировать общее движение различных социально-политических структур к плюралистическим моделям, причем моделям открытым, в большей мере отражающим демократические процессы в современном мире. Эти изменения можно рассматривать как часть общего мирового движения к возрастанию роли индивидуума как субъекта социального процесса.

Разумеется, сближению образовательных систем в современном мире особенно способствует интенсивно развивающийся глобальный рынок образовательных услуг. Для России последних десятилетий полноценный выход на этот рынок коммерческих образовательных услуг состоялся лишь в постсоветский период. В советское время он был слишком политизирован, он носил в большей мере административно-распределительный, а не «настоящий» коммерческий характер. Это была в первую очередь помощь странам социалистического лагеря и развивающимся странам, придерживавшихся социалистической ориентации лишь во вторую очередь рассматривался коммерческий интерес. Студенты из развивающихся стран часто обучались в СССР бесплатно или с огромными скидками. Причем нельзя не признать, что это была существенная помощь развивающимся странам, в результате которой были подготовлены специалисты по основным отраслям современной промышленности и сельскому хозяйству, научные работники, педагоги¹⁵⁴. Среди окончивших советские вузы было немало будущих политических лидеров развивающихся стран. Особую роль в этом отношении сыграл Университет дружбы народов, долгое время носивший имя Патриса Лумумбы.

Включившись в глобальный рынок образовательных услуг, мы в первую очередь должны быть в нем конкурентоспособны. И поэтому нам внушает тревогу определенное отставание российской системы образования, в том числе элитного, имевшего место с конца 80-х годов XX века по начало XXI века. Выше мы видели, что большинство специалистов по экономике и социологии образования не без оснований считает, что для ускоренного развития страны наиболее эффективны инвестиции в «человеческий капитал», в сферы образования и науки, что каждый доллар, вложенный в развитие науки и образования, в близкой перспективе оборачивается по меньшей мере десятикратным выигрышем. Поэтому можно говорить о недальновидности правительства, которое, планируя бюджет, тормозит или недостаточно увеличивает в нем расходы на науку и образование (а с конца 80-х годов XX века до начала XXI эти расходы сокращались до постыдных размеров).

---

¹⁵⁴ Автор этой книги был профессором ряда вузов развивающихся стран, главным образом азиатских.

Как мы убедились, в современном мире сложился глобальный рынок образовательных услуг, и мы должны более активно включаться в этот рынок и быть в нем конкурентоспособны, больше того, непрерывно повышать эту конкурентоспособность (и нам, как стране, очень стыдно, что этой конкурентоспособности мешают фашиствующие элементы и ксенофобы, которые наносят непоправимый ущерб имиджу нашей страны). Ключевую роль в повышении конкурентоспособности образования имеет именно элитное образование. Ведь основная причина миграции в области образования связана с поиском лучшего в образовании, т.е. элитного образования.

Внушает тревогу существующее отставание российской системы образования, в том числе элитного. Выше мы видели, что большинство специалистов по экономике и социологии образования не без оснований считает, что для ускоренного развития страны наиболее эффективны инвестиции в «человеческий капитал», в сферы образования и науки, что каждый доллар, вложенный в развитие науки и образования, в близкой перспективе оборачивается по меньшей мере десятикратным выигрышем. Поэтому можно говорить о недальновидности правительства, которое, планируя бюджет, недостаточно увеличивает в нем расходы на науку и образование, а тем более снижает эти расходы, отбрасывая далеко назад экономическое и социальное развитие своей страны.

Увы, катастрофическое уменьшение ассигнований на образование и науку под видом «реформ», как это имело место на протяжении 90-х годов в России, в 90-х имело печальные последствия. Принятие в конце 2005 г. президентской программы реализации приоритетных национальных проектов, среди которых важное место занимает образование, – важный, хотя и несколько запоздалый шаг в правильном направлении. Отсутствие такой программы могло (и все еще может) означать лишь дальнейшее отставание России в этой области от передовых систем образования, особенно США и Японии, где расходы на образование во много раз превосходят затраты на эти цели в России не только в абсолютных цифрах, (что еще можно было бы понять), но и в отношении доли этих ассигнований в ВВП. Это могло привести к дальнейшему отставанию России в данной области, что неминуемо вело бы к дальнейшей деградации у нас образования и науки, что, в свою очередь, усилило бы деградацию культуры и экономики в целом.

Долгожданный приоритетный национальный проект в области образования предполагает создание основы для прорывного инновационного его развития, для укрепления конкурентоспособности нашей образовательной системы. Для реализации проекта предусматриваются меры государственной поддержки вузов и школ, в том числе элитных, активно внедряющих инновационные образовательные программы,

новейшие образовательные технологии, включающие дистанционные программы обучения¹⁵⁵.

Как мы уже отмечали, благосостояние современного (постиндустриального) общества и его динамичное развитие определяют не столько природные богатства или численность самодеятельного населения, сколько знание, интеллект. Центром производства и воспроизводства интеллектуального потенциала и является университет, он выполняет три главные задачи – дает качественное высшее образование, прежде всего, элитное образование, создает и распространяет новое знание, инновационные технологии в различных сферах деятельности и, интегрируя две первые задачи, производит и воспроизводит интеллектуальную элиту. Уникальна роль университета как интегратора знаний, катализатора взаимодействия различных наук. И если в информационном обществе реализуется власть знания, то центрами этой власти должны быть университеты.

Пока в России после провальных 90-х годов остались вузы и научные школы, имеющие высокие рейтинги в мировой системе образования и науки, необходимо, опираясь на них (и прежде всего на элитные вузы и академические институты), развивать систему образования и науки в России опережающими темпами, быстрее роста ВВП. Если мы, конечно, не хотим оказаться на уровне стран третьего мира. В 2005 г. образование получило 3,5% ВВП (со средствами населения – 5,2%) а в развитых странах – 5–6 % (со средствами населения – 8–10 %) ¹⁵⁶. Притом даже при нынешнем минимальном финансировании образования наши вузы добиваются больших успехов в конкуренции с зарубежными вузами ¹⁵⁷.

Во всем мире образование сегодня развивается как экспортная отрасль. Основная конкуренция идет между странами Западной Европы, Северной Америки, Австралией и Японией, в которых обучаются 80% всех иностранных студентов. Место, которое занимает на международном рынке образовательных услуг Россия, не соответствует ее образовательному потенциалу ¹⁵⁸. В успешном налаживании международного межвузовского

¹⁵⁵ ИТАР-ТАСС, 27.01.2006.

¹⁵⁶ Известия, 28. 04. 2005.

¹⁵⁷ Так, сборная Саратовского университета заняла первое место на всемирном конкурсе компьютерных программ в американском городе Сент-Антонио 6 апреля 2006 г. Причем, это не случайный успех. Анализируя итоги конкурса и обдумывая планы подготовки к следующему всемирному конкурсу, члены команды считают, что труднее всего им будет победить в соревновании с командами их родного Саратовского университета, где имеются 10 команд программистов высокого уровня.

¹⁵⁸ Первый проректор имеющего значительный опыт обучения студентов-иностранцев Воронежского госуниверситете С.Запрягаев рассказывает: «Предстоящий демографический кризис заставляет нас думать, что произойдет с нашим университетом в ближайшие годы. А учитывая то, что Юго-Восточная Азия сегодня – бурно развивающийся регион, .. там стремительно растет число студентов, это становится особенно актуальным. И мы взяли

обмена авангардную роль играет элитное образование. Определенные надежды в этом отношении мы связываем и с нашим вступлением в Болонский процесс. В заявлении, сделанном в июне 1999 г. министрами образования ряда европейских государств в связи с Болонским процессом, говорилось: «Жизнеспособность и эффективность любой цивилизации обусловлены привлекательностью, которую ее культура имеет для других стран». Скоро можно будет видеть, приведет ли Болонский процесс к успешному выходу России на международный образовательный рынок или просто облегчит «утечку мозгов». Ректор МГУ В.А.Садовничий говорил по поводу Болонской декларации, что страны Европы, координируя свои образовательные системы», приняли минимальный порог, чтобы все страны могли его преодолеть. А дальше каждая страна борется даже в рамках Болоньи за то, чтобы обогатить национальные достижения. Но если мы снизим свой уровень – мы пропали. Наоборот, его надо повышать, и тогда к нам будут тянуться, в том числе иностранцы. Надо сохранить наше главное достояние – высокий стандарт системы образования»¹⁵⁹. Не исключено, что мы поспешно сменили «немецко-российскую модель образования», по которой государство несет ответственность за развитие образования, обеспечение его доступности всем слоям населения, на либеральную англо-американскую модель, по которой образование является личным делом гражданина...

Ключевую роль в повышении конкурентоспособности образования в той или иной стране, в повышении горизонтальной мобильности студентов и аспирантов, профессоров и преподавателей играет именно элитное образование. Ведь основная причина миграции в области образования связана с поиском лучшего в образовании, т.е. элитного образования¹⁶⁰.

курс на четыре страны – Индию, Китай, Японию и Малайзию... К сожалению, сегодня отношение к российской системе образования меняется. Падает качество последнего, и европейские страны в своих последних исследованиях это фиксируют...Кадровый потенциал подошел к критической черте: заменять старые кадры нечем, молодежь преподавать не идет. А в Китае...желающих получить высшее образование на одно государственное место – около 100 человек... Большая часть Китая сориентирована на Японию, Англию, Канаду, Америку. На нас «настроена» северо-восточная часть страны, выше Пекина (Харбин и др. города). У нас учатся 200 человек. Для них это дешевле раза в три.(Известия, 31.05.2002).

¹⁵⁹ Известия,, 24.01. 2004.

¹⁶⁰ Об образовании за рубежом российских детей, юношей и девушек директор питерского агентства «IQ Consultancy» А.Вознесенская говорит: по спросу на среднее образование «по-прежнему с большим отрывом идет Великобритания. Это считается «золотым стандартом»...что касается университетов, то это Америка, Великобритания...о российском среднем образовании я много говорила с директорами школ в Англии. Российское образование безусловно сильное. Но только до 16 лет. До этого периода наш школьник даст много очков вперед своему английскому сверстнику. Но у нас пока нет специализации. У нас учат *всему*. А в Англии после 16 лет начинается программа повышенного уровня – выбор трех-четырех предметов, которые изучаются практически на университетском

В заключение, опираясь на опыт мирового элитного образования и, прежде всего, исходя из потребностей социально-экономического и политического развития России, попытаемся поставить вопрос о том, какова должна быть государственная политика России в области элитного образования. Прежде всего, необходим курс на постоянное увеличение инвестиций в область народного образования в целом, это – магистральный путь возрождения России с ее великими культурными, научными традициями. Нужна «точечная» поддержка талантливой и способной молодежи, которая бы включала в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом, уже опробованным нами путем проведения конкурсов – региональных и общероссийских, олимпиад, присуждение грантов их победителям и призерам, чтобы они могли подготовиться для поступления в элитные вузы страны, (особенно это касается помощи одаренным детям, талантливой молодежи, живущей в провинции, в городах и селах, далеких от культурных центров). Это должно быть важным элементом государственной политики в области образования. Большинство стран особым образом финансирует ограниченное количество своих элитных университетов. Отметим, в этой связи, что такие элитные университеты России, как МГУ, МГИМО(У)¹⁶¹ не требуют к себе особого отношения. Они имеют высокие рейтинги в соответствии с высоким качеством получаемого в них образования.

В большинстве стран мира, в том числе в нашей стране, повышается стоимость элитного образования. Это полностью относится к российской системе образования, что несправедливо по отношению к выходцам из семей с низким уровнем достатка. Однако из этого не следует однозначно, что элитное образование становится достоянием все меньшего круга людей. Талантливая молодежь может поступить на бюджетное отделение элитного вуза, благодаря победам на всероссийских и региональных олимпиадах. И все же следует признать, что у них меньше шансов на попадание в элитный вуз, что несправедливо. «Качественное образование должно быть доступно для выходцев из любых слоев общества», официально считают в Министерстве образования и науки. Министр А.Фурсенко доложил Госдуме 27.01.2006 г. проект, разработанный министерством, который предусматривает государственную поддержку

уровне...получается, что у них в период 16-18 лет идет специализированная подготовка к университету...Если вернуться к проблемам российской школы, то все-таки она никогда не учила думать, анализировать, полемизировать...дебаты в западном образовании – это часть системы воспитания: человек должен уметь отстаивать свою точку зрения. Вся западная система обучения построена таким образом, что в ней больше диалога общения, она более интерактивна».

¹⁶¹ Национальное рейтинговое аттестационное агентство «Росрейтинг» поставило их на первые места среди вузов России (<http://www.tden.ru/articles/society/002447/> 19.10.2006.

инновационных вузов на конкурсной основе¹⁶², причем одним из условий является оптимизация селекции принятия в вуз талантливой молодежи. Проект заработал уже с 2007 года.

Напомним, что зияющей язвой российского высшего образования является коррупция. Распродажа бюджетных мест – вот основная форма взяток в вузах, особенно элитарных, говорилось в телепередаче по каналу «Россия» 14 июля 2007 г.^{20.15.} «Ревизор». Средняя сумма взятки – 20 тыс евро. Это совпадает с нашими данными.

Важнейшее завоевание СССР – всеобщее обязательное образование – возвращается. В.В.Путин дал поручение правительству подготовить закон об обязательном и бесплатном среднем образовании в России¹⁶³. На заседании Государственного совета по образованию 24.03.2006 г. В.В.Путин еще раз подтвердил, что гарантирует бесплатность среднего образования.

На встрече с представителями бизнеса 29.03.2006 г. В.В.Путин говорил о важности участия бизнеса в реализации приоритетных национальных проектов, особое внимание он уделил участию бизнеса в реализации национального проекта «Образование»; это участие должно выражаться не только в финансовой помощи образованию, но и во включении бизнеса в организационные меры по улучшению качества образования, а порой и в участии (в том числе лекционном) со стороны подготовленных в этом отношении представителей бизнеса.

Не только элитные вузы, но все вузы страны должны разрабатывать стратегию долговременного развития вуза, работать на перспективу: определять, какую миссию они выполняют вовне (в масштабах региона, страны, мира), каковы их внутренние задачи – перед студентами, преподавателями, может быть, выработать своего рода «кодекс чести» –

---

¹⁶²ИТАР-ТАСС, 27.01.2006. Отметим, что в настоящее время обсуждается проект создания двух бизнес-школ мирового уровня – одна на базе Санкт-Петербургского госуниверситета, другая – в московском регионе. Ряд отечественных программ уже успешно конкурируют с аналогичными программами западных бизнес-школ. Жаль, что в России пока нет еще профессиональной аккредитации программ МВА. Впрочем, Институт экономики и финансов «Синергия» прошел международную аккредитацию отечественной программы МВА известной во всем мире Международной Ассоциацией программ МВА (Лондон) в 2001 г. Вот некоторые отзывы об этой школе. Р.Оуэн, директор отдела аккредитации программ МВА Ассоциации АМВА: «высокий уровень студентов превосходит аналогичные показатели западных бизнес-школ». Р.Диксон, руководитель программ МВА бизнес-школы университета Дарем (Великобритания): «...потрясен успехами школы (речь идет об ИЭФ «Синергия»). Создаваемая при поддержке правительства московская школа управления «Сколково» в течение 10 лет должна войти в десятку аналогичных по профилю школ мира, считают ее учредители. Председателем попечительского совета школы стал первый вице-премьер Д.Медведев. Он заметил, что без развития бизнес-образования в России не удастся изменить саму предпринимательскую среду. Школа будет приглашать для чтения лекций лучших зарубежных экономистов, бизнесменов, политиков. (Российская газета, 7. 06. 07).

¹⁶³ Известия, 13.12.2005 г.

обязательства студентов перед вузом и вуза перед студентами. Прежде всего – честность, (за списывание, за плагиат и другие бесчестные поступки – отчисление, как это практикуется в западных университетах). Привлекать бизнес, создать попечительские советы. Сейчас многие вузы готовят менеджеров. Но возникает вопрос: каково качество менеджмента в самом вузе, и если таковой – плохого уровня, какова может быть «продукция» этого вуза. Современный вуз строит партнерские отношения с бизнесом. Вуз не должен выклянчивать подачки у бизнеса – он презирует слабость. Отношения с бизнесом должны строиться на принципах сотрудничества, делового партнерства. Бизнес готов иметь партнерские отношения с успешным вузом. Он не хочет заниматься чистой благотворительностью, он должен получать дивиденды от такого сотрудничества, гордиться тем, что он – партнер знаменитого вуза, это работает на его имидж. Это – лучшая реклама. Современный вуз придает огромную роль франчайзингу: посреднические фирмы между вузом и бизнесом разъясняют бизнесу выгоды такого партнерства, организуют солидные инвестиции крупной фирмы в вуз. Успешный франчайзинг обеспечил такому великому вузу, как Гарвард, в XXI веке свыше 20 млрд. долларов. Время простой благотворительности прошло, бизнес сам демонстрирует свою заинтересованность в сотрудничестве с успешными, особенно элитными вузами.

Необходимо, опираясь на вузы и научные школы, имеющие высокие рейтинги в мире (это прежде всего элитные вузы и академические институты), развивать систему образования и науки в России опережающими темпами.

Кстати, тут уместно заметить, что часть (пусть небольшая) российских школьников и выпускников российских школ уже вступила в этот рынок мирового элитного образования¹⁶⁴. На зарубежные университеты переориентировалась часть компрадорской буржуазии, которая хотела бы, чтобы их дети остались за рубежом и после окончания учебы, попытавшись сделать там карьеру, хотя мы уже говорили о том, что шансов на успешную карьеру у них немного. Попутно они планируют таким образом избавить своих детей от службы в армии, определенным образом застраховаться от внутренних рисков. Важно, чтобы в стремлении к элитному образованию

---

¹⁶⁴ Несколько тысяч российских школьников из семей «новых русских» обучаются в британских лицеях Винчестер, Миллер (стоимость обучения более 30 тыс. долларов в год), и ряде других, в Ирландии, (где образование высокого уровня значительно дешевле), во Франции, Швейцарии и некоторых других странах, в элитных вузах, таких как Принстон, Оксфорд, Кембридж, Дьюк. Иностранцы могут приступить к учебе в английской школе как в пять, так и в пятнадцать лет, можно даже попытаться сразу поступить в университет, только это мало кому удастся. Образование в Англии – это бизнес, в ней более 3000 частных пансионатов. И не все они работают успешно. Результат – поток жалоб от обманутых родителей и разочарованных детей.

выпускники российских школ не уезжали в западные вузы, а понимали, что элитное образование, причем оптимальное с точки зрения российских условий и возможности сделать карьеру в России, они могут получить в элитных вузах России, чтобы наши по-настоящему элитные вузы были центрами притяжения молодых людей.¹⁶⁵

Нельзя не отметить что бывший Президент России, ответственный за развал российской образовательной системы в 90-х годах, не постыдился послать своего внука получать среднее, (а затем и высшее образование) в Великобританию в элитную школу, где плата за обучение превышала зарплату Президента. А патриотично ли поступают те из высших чиновников страны, которые продолжают посылать свое потомство обучаться за рубеж – кстати, в те самые учебные заведения, которые еще во второй половине XX века пытались копировать многие элементы советской системы образования. Это не только неуважение к своей стране, но наводит на мысль о том, а хотят ли они в будущем в ней жить? И как можно верить тем представителям псевдоэлиты, которые ведут себя как временщики?

Нужно сказать, что западный диплом в России не определяет ни благосостояние его хозяина, ни лидерства на рабочем месте. Выпускники элитных вузов России имеют гораздо большие шансы сделать успешную карьеру в своей стране. Прежде всего, на существующий спрос отечественных специалистов западной классификации российский рынок труда уже отреагировал выпуском ограниченного числа выпускников элитных вузов по программе MBA. Кроме того, большинство работодателей в России в принципе предпочитают выпускников отечественных вузов. Хорошее образование стоит дорого. И это оправданно. Престижный диплом MBA за 100 и более тысяч долларов обычно дает выпускнику гарантированную возможность увеличить свой доход в разы и перепрыгнуть через ступеньку карьерной лестницы. В России это правило обычно не действует. Работодатель вряд ли предложит выпускнику западного вуза вознаграждение, эквивалентное расходам, понесенным на его образование (если это, конечно,

---

¹⁶⁵ Следует сказать о ряде неудачных попыток реэмиграции российских студентов на родину. В московском Международном университете решили попытаться вернуть в Россию «мозги» – пригласить на обучение детей русских эмигрантов, проживающих в Европе и Америке. И эмигранты откликнулись: во-первых, это дешевле, во-вторых, российское фундаментальное образование всегда считалось выше образования американского, а в-третьих, – загадывают преподаватели университета, – вдруг дети эмигрантов, осмотревшись в современной России, захотят эмигрировать «обратно»?

Взяв на вооружение западный опыт студенческих городков, Международный университет построил свой кампус «Кунцево» в нескольких километрах от Кольцевой дороги. Сегодня в этом студенческом городке живут и учатся студенты не только из России, но и из Греции, Турции, бывшей Югославии и целого ряда других стран. Есть среди них и дети наших эмигрантов. Здесь можно получить два диплома – русский и европейский либо американский. (Известия, 04.03.2002).

не его родственник). Впрочем, у нас существует достаточно много исключений, – успешно социализировавшихся выпускников западных вузов. В большом обзоре российского и зарубежного высшего образования газета «Аргументы и факты» пришла к выводу, что выпускники зарубежных университетов «имеют преимущество в построении деловой карьеры не только за границей, но и в своей родной стране»¹⁶⁶. Аргументируется это тем, что «качественное образование за рубежом отличают современные образовательные концепции и высокий профессиональный уровень преподавателей в университетах». Но, по мнению западных экспертов, уровень преподавания, в том числе и по программам МВА, в элитных вузах России, таких, как Гос. Университет-Высшая школа экономики, МГИМО(У), МГУ, Академия им. Плеханова, отвечают самым высоким научным критериям.

Причем этим вузам приходится сталкиваться с серьезной конкуренцией зарубежных вузов. Социологические опросы в России показывают, что многие родители проявляют живой интерес к условиям и программам высшего образования за рубежом для своих детей.¹⁶⁷ Но подавляющее большинство выпускников российских средних школ (в том числе частных), предпочитают поступать в отечественные вузы и средние специальные школы, часть из них осуществила свою мечту – поступила в элитные вузы России.

---

¹⁶⁶ «Аргументы и факты», 2007, № 20, с.57.

¹⁶⁷ В августе 2005 г. социологическая служба Begin Group провела опрос методом телефонного интервью, в котором приняли участие 236 родителей старшеклассников. 68% респондентов проявили интерес к условиям получения образования за рубежом. В основном родители интересовались возможностями получения первого высшего образования, 10% интересовались для своего ребенка вторым высшим образованием или МВА. 32% родителей интересуют языковые курсы, прежде всего продолжительностью 1–3 месяца (видимо, это связано с тем, что такая продолжительность вписывается в летние каникулы). 12% готовы отдать за высшее образование за рубежом до \$5000 в год. Большую сумму (от \$5000 до \$10000 в год) готов отдать каждый третий родитель, а 22% могут заплатить за зарубежное образование и более \$10000 в год (вот платежеспособные конкуренты российских элитных вузов, Г.А.). Остальные – либо затруднились с ответом, либо рассчитывают на грантовые программы и программы по межвузовскому обмену. Первое место в рейтинге популярности стран занимает Великобритания, на втором месте находится ФРГ, на третьем – Франция. В качестве причины выбора страны для получения образования наиболее часто указывали на свое желание улучшить уровень владения языком и высокое качество образования в избранной ими стране. Другие опросы показывают желание выпускников школ получить языковое образование также в США, Австралии, Ирландии, на Мальте.

О социологии элитного образования

Социология образования – это отраслевая социология, предметом которой является образование как элемент социальной структуры, взаимодействие сферы образования с другими элементами культуры и социума в целом, законы ее функционирования и развития, ее институты. Социология образования исследует возникновение этих институтов, их изменение в ходе исторического развития, их взаимодействие с экономическими, политическими институтами и иными социальными институтами.¹⁶⁸ Образование можно определить как получение знаний и усвоение ценностей индивидом, то есть, в широком смысле, его социализация. Одной из центральных проблем социологии образования является исследование системы образования как фактора социальной стратификации, ее закрепления и изменения, поскольку сама она является важнейшим каналом социальной мобильности, прежде всего восходящей мобильности в элиту. И в социологии образования особое, причем все более важное место занимает социология элитного образования.

Основателем социологии образования явился Э.Дюркгейм, который сформулировал задачи этой дисциплины следующим образом: 1. зависимость образования от других сфер общественной жизни и общественного разделения труда; 2. роль образования в общественном воспроизводстве и социальной мобильности населения; 3. равенство в школе – как разновидность социального равенства; 4. структурная перестройка системы образования в процессе исторической эволюции общественных отношений; 5. проблема социальных функций (социального назначения) образования и воспитания¹⁶⁹. Как видим, все эти проблемы тесно связаны с вопросами элитного образования, а вторая и третья проблемы связаны с ним

---

¹⁶⁸ Развитие социологии образования проанализировали Г.Зборовский и В.Шуклина. Они вычленили следующие этапы эволюции этой дисциплины: 1. Конституирование социологии образования, определение ее проблематики и задач (10-е – 30-е г.г. XX в.). 2. Этап бурного развития эмпирических исследований (30-е – 50-е г.г.) 3. Рост интереса к теоретическим проблемам социологии образования, осмысление кризисных явлений в образовании, их связи с социальной структурой, исследование различных форм социального неравенства (70-е – 80-е г.г.). Наконец, 4-й – современный этап, характерные черты которого – применение социологических методов к изучению содержания образования, рост исследований неравенства и дискриминации в области образования, стремление исследовать систему образования в терминах различных парадигм (структурно-функциональной, теории конфликта и др.), системный, деятельный, институциональный подходы, переход от монодисциплинарных к полидисциплинарным исследованиям (См.: Зборовский Г., Шуклина В. Социология образования, М., 2005; те же, Социология образования: задачи и парадигмы. (Высшее образование в России, № 1, 2006). Примерно так развивалась и социология элитного образования. (См. также: Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование, М., 2003.).

¹⁶⁹ См.: Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.

самым непосредственным образом¹⁷⁰. Дюркгейм доказывал, что в стратифицированном обществе образование не может быть недифференцированным.

Особенно велика роль образования для социальной мобильности и репродукции общества. Концепции социальной стратификации обращаются к классовой и статусной иерархии общества и неравномерности образовательных возможностей между людьми, принадлежащими к различным классам или имеющими различный статус. В исследованиях социальной мобильности ударение обычно делается на межпоколенческую мобильность, которая означает изменение класса и статуса от родителей к детям. Пример межгенерационной мобильности: когда сын или дочь рабочего становится менеджером. Напротив, если они остаются рабочими, это пример социальной репродукции. Системы социальной стратификации, которые подчеркивают аскриптивный (предписанный) характер классовой и статусной позиции, определяются как закрытые: они ведут к наследованию статуса, к воспроизводству класса. Те системы социальной стратификации, которые подчеркивают личные достижения, определяются как открытые, ведущие к восходящей социальной мобильности.

Известно, что первая промышленная революция и последующий технический прогресс стимулировали развитие системы высшего образования. Если в XIX веке высшее образование охватывало ничтожный процент населения, то в XX веке оно стремительно развивается вширь. Оно стало широко распространенным на фоне требований низших социальных страт права равных возможностей для получения образования всех уровней. Эти тенденции проявились в самых различных социально-политических системах. США, Канада, СССР, затем Япония несколько опережали в экстенсивном развитии высшего образования западноевропейские страны. Высшее образование, ранее бывшее по-преимуществу элитарным, становилось массовым. Подобно тому, как массовые коммуникации ведут к утечке информации от элиты к массам, (когда, например, кино, а позднее

---

¹⁷⁰ Характерно, что он выступал за отмену права наследования, поскольку оно искажает справедливую социальную селекцию, закрепляет за некоторыми социальными группами право на определенные привилегии, (он имел в виду прежде всего элитные группы, Г.А.), на определенные (прежде всего управленческие) функции \без учета индивидуальной предрасположенности и способностей к их исполнению (это напоминает проекты Платона, направленные на то, чтобы над селектором при выборе достойных быть философами–правителями не довлел авторитет правителей, которые предпочли бы голосовать за своих детей или родственников). Именно образование призвано смягчить негативные последствия права наследования, потому что школа и вуз выявляют лучших по способностям и успехам, т.е. по меритократическому принципу селекции. Он считал, что «специальная культура воспитания, (которую мы называем элитным образованием, Г.А), непременно приближает нас к «человеческому совершенству»¹⁷⁰. (Дюркгейм Э. цит.соч., с.51.)

телевидение, омассовляло элитарную культуру): массы одеваются, как представители элиты (только это – дешевая имитация).

Как эти проблемы решаются в современной социологии образования?¹⁷¹ Большинство исследователей отмечают, что в западной социологии образования сложились следующие основные направления:

1. Функциональная концепция является наиболее влиятельной и распространенной (одним из родоначальников ее и был Э.Дюркгейм). Ее отличает либерально-прогрессистский оптимизм, вера в движение постиндустриального общества к социальной стабильности, к процветанию, к обществу, преодолевающему бедность. Школа, приобщая детей к ценностям, господствующим в обществе, одновременно является средством социального контроля. Она выступает и как фильтрующее устройство. Отмечая важную роль образования в социальной мобильности, функционалисты утверждают, что различные социальные роли, в особенности элитные, требуют различных способностей. И поэтому, чтобы общество функционировало эффективно, эти роли должны исполняться людьми с соответствующими способностями. Самые способные и трудолюбивые получают наиболее высокие и вознаграждаемые посты.

Образовательная система должна играть при этом ключевую роль, выполняя три жизненно важные функции в развитии общества. Во-первых, она способствует развитию человеческих ресурсов (особенно – подготовке беловоротничковых, техников, менеджеров), столь необходимых для постиндустриального общества, а также, и даже в первую очередь, административной, культурной и иных элит. Во-вторых, она создает механизм селекции индивидуумов в соответствии с их способностями и талантами, готовя их к той форме деятельности, к той работе, которую они могут лучше всего выполнять. В-третьих, функционалисты утверждают, что образовательная система способствует интеграции общества, его сплочению, прививая ценности информационного общества.

Структуралистский вариант социологии образования стал особенно значительным в середине XX века под влиянием сочинений Т.Парсонса и его школы. Система образования действует в соответствии с закономерностями общей теории систем, как любая система, она является подсистемой более широкой системы, она иерархична, как любая система, стремится к состоянию гомеостазиса. Социальные отношения структурированы, неравномерно распределены в обществе. А система

---

¹⁷¹ Сразу же отметим, как эти вопросы решаются у нас. В Москве в Институте социологии создан Центр социологического образования. Его руководитель – проф. Д.Л.Константиновский говорит: «Социология – это изучение процессов, которые происходят в сфере образования. Почему люди собираются учиться, кто учится, зачем; роль образования в обществе, равенство доступа к образованию, социальные проблемы дошкольного, школьного и высшего образования...Что такое платное образование и что оно сулит, роль дистанционного образования...» (Известия,24,01,2004).

образования, будучи подсистемой социума, несет в себе культурные ценности и нормы общества как гиперсистемы, и, естественно, такой элемент системы, как неравенство.

Социальная иерархия, по Парсонсу, должна основываться на принципах заслуженного вознаграждения; эта иерархия вытекает из признания личностных различий, которые воплощаются в неравном статусе и престиже. Учебные заведения должны добиться от индивидов принятия принципов заслуженного вознаграждения и неравенства как одной из основ культуры, причем выявить личностное неравенство при наиболее справедливых и демократических условиях, обеспечивая эффективную связь личной предрасположенности и одаренности с общественной функцией¹⁷².

В нормативном плане система образования призвана обеспечить обществу эффективную и справедливую селекцию способностей и талантов, так что именно наиболее способные достигают самых ответственных, то есть элитных, позиций¹⁷³. Уже с начальной школы у ребенка формируется готовность принять социальную систему как иерархию страт, статусов, позиций престижа. Так что учеба, по Парсонсу, состоит в том, чтобы социализироваться, подготовиться к проживанию в существующем обществе, приспособиться к предлагаемой им личной перспективе, смысл которой состоит в занятии наиболее престижного статуса; так что способности реализуются прежде всего в стремлении к вертикальной социальной мобильности. И «любой класс американской начальной школы в полной мере воплощает фундаментальные свойства американской социальной системы: равенство предоставленных возможностей в начале с последующим неравенством в их реализации». И все это должно привести к демократизации образования, понимаемого как совершенствование меритократических правил игры. Вывод Парсонса состоит в том, что элита формируется путем честной конкуренции, и потому она состоит из самой способной, образованной, талантливой части общества.

Эти апологетические по отношению к современной социальной структуре концепции вызвали критику со стороны такого выдающегося социолога, как Р. Мертон, который показал, что борьба за элитные места, которая оставляет большинство населения ни с чем, чревата разочарованиями, утратой жизненных целей, травмирует личность и ведет к ее деградации, к аномии личности и общества, к девиантному поведению. В «нормальных условиях» социальная структура должна выполнять две главные задачи: определять культурные цели и обеспечивать пути их достижения. Но когда «система культурных ценностей выше всего превозносит цели успеха, в то время как социальная структура жестко ограничивает или полностью закрывает доступ к дозволенным способам

---

¹⁷² См. подробнее: Теоретические основы элитологии образования, с.с.221– 227.

¹⁷³ Bilton T., Bonnet K. a.o., *Introductory Sociology*, Bath Press, Great Britain, 2002, p.267.

достижения этих целей (в нашем случае получения элитного статуса, Г.А.), результатом будет отклоняющееся поведение в больших масштабах»¹⁷⁴. Воспитанный культурой, предписывающей «выйти в люди», в элиту, добиться успеха, человек из «низов» сталкивается с невозможностью реализовать эти цели на практике, так как все «теплые места» уже заняты представителями «более счастливых» классов. Это ведет к душевным травмам личности, к чувству собственной неполноценности, к психическим расстройствам, часто к алкоголизму, наркомании, преступности¹⁷⁵. Отметим, что если Р.Мертон критикует Парсонса «изнутри», не отрицая основные принципы структурного функционализма, а, напротив, совершенствуя их, то Р.Миллс в книге «Властвующая элита», критикуя Парсонса, ставит под сомнение его исходные положения и принципиальные выводы как не выдерживающие эмпирической проверки¹⁷⁶.

Среди структуралистов социологией образования занимался Б.Бернштейн. Особую роль Бернштейн отводил понятию «кода» как принципу регулирования, действующему определяющим образом в глубинных пластах культуры. Еще более известны труды ведущего социолога постструктурализма П.Бурдьё, для которого одним из излюбленных предметов исследования была система образования, особенно высшего, способы поведения и ценностные ориентации студентов – выходцев из различных социальных страт. О творчестве П.Бурдьё речь пойдет ниже, поскольку он придерживался прежде всего концепции «человеческого капитала» в интерпретации социологии образования.

Структурные функционалисты считают, что образование призвано развивать способности индивидов и используется как средство социальной селекции, причем оно обеспечивает селекцию, базирующуюся в большей мере на личных достижениях, чем основанную на предписанном статусе. Для того, чтобы привлечь наиболее квалифицированных людей на элитные позиции, последние должны сопровождаться более высокими социальными и экономическими наградами. Функционалисты подчеркивают роль образования для удовлетворения нужд в социальном порядке, связанном с рациональностью, меритократией и демократией. Структурный функционализм утверждает, таким образом, что образовательная система способствует сплочению общества, прежде всего, подрастающего поколения, прививая ему ценности информационного общества. Впрочем, многие сторонники этой концепции откровенно говорят о том, что не уверены в том, осуществляется ли эта селекция в соответствии с интеллектуальными способностями и заслугами самих обучающихся, или же это определяется в большей мере такими «предписанными» факторами, как принадлежность к определенному классу или социальной группе. Критика

¹⁷⁴ Merton R. and Nisbet R. Contemporary Social Problems. N.Y., 1961, p.63.

¹⁷⁵ См.: Ашин Г. Доктрина «массового общества», с.с.129 –136.

¹⁷⁶ Теоретические основы элитологии образования, с.227.

функционалистских теорий, особенно со стороны марксистов, подчеркивает, что взаимодействия системы образования и социальной структуры основываются на социальном неравенстве и поддержке господствующей социально-политической системы. Вся образовательная система рассматривается как специфическая часть государственной машины, выражающей интересы господствующего класса¹⁷⁷.

2. Концепция статусного конфликта. До 60-х годов функционализм доминировал в социологии образования. В бурные 60-е годы, годы студенческих бунтов в США и особенно во Франции в мае 1968, появилось особенно много статей и книг, критикующих функционализм с леворадикальных позиций. Очень во-время проявились книги И.Иллича, (и среди них уже знакомое нам «Общество без школ»¹⁷⁸), шокировавшие обывателей и рафинированных интеллектуалов. Критика последних обеспечивала Илличу громкую рекламу. В названной книге Иллич требовал отмены обязательного обучения и запрета права работодателей спрашивать работников об их образовании. Иллич обвинял школу в том, что она не развивает у учеников умения самостоятельно мыслить. Но разрыв Илличем связи между обучением, работой и доходами был неприемлем для функционалистов и сторонников теории «человеческого капитала», о которой речь будет идти ниже.

Функциональное направление в социологии элитного образования в последующие годы продолжает подвергаться все более острой критике со стороны других направлений. Вызов структурализму бросает конфликтная теория или, как ее часто называют, концепция статусного конфликта. Если функционалисты видят общество базирующимся на ценностной солидарности, то конфликтологи рассматривают социальную организацию (в том числе систему образования) как продукт принуждения и манипуляции.

Сторонники этого направления начинают обычно с утверждений о том, что общество состоит из различных групп с разными, часто конфликтующими интересами, что сущность стратификации – стремление групп, захвативших власть, богатство и престиж (элитных групп), поддержать свою позицию за счет непривилегированных групп. Расширение образовательной системы обусловлено не столько потребностью в квалифицированных специалистах, сколько борьбой различных «статусных групп» за увеличение своего богатства, власти, престижа, за привилегии. Институты образования помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, объявляя, что она основывается на индивидуальных достижениях, тогда как на деле она отбирает на элитные позиции индивидов

¹⁷⁷ См.: Шаронова С.А. Универсальные константы института образования – механизм воспроизводства общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. М., 2005.

¹⁷⁸ Illich I. Deschooling Society. N.Y., 1971.

на основе предписанного статуса. Основываясь на базе веберовской традиции, сторонники этого направления подчеркивают попытки различных групп (этнических, профессиональных, классовых) использовать сферу образования как механизм получения привилегий; статусные группы пытаются увеличить свою восходящую социальную мобильность вплоть до уровня элитной группы. Эти социологи ссылаются, в частности, на то, что школьники и студенты из высших страт общества достигают более высоких результатов (у них больше амбиций, они имеют больше поощрений от родителей и т.д.). На деле же «социальная дифференциация, базирующаяся на классовых привилегиях, реализует себя в системе образования, воспроизводит через него правящий класс»¹⁷⁹. Школа статусного конфликта подчеркивает попытки ряда социальных групп использовать образование как механизм для получения привилегий. Система образования способствует воспроизводству существующей в обществе социальной иерархии – различий в участии во властных структурах, экономического, статусного неравенства.

Такие специалисты по социологии образования С.Либарле и Т.Селигсон пишут, что американские школьники вынуждены постоянно конкурировать друг с другом, когда дело касается оценок, наград, поступления в колледж или зачислением в спортивные команды, «В ходе этой конкуренции совершенствуется не наша порядочность, а скорее умение носить маску, неискренность, приспособленчество, ...готовность предать своих товарищей ради собственной выгоды. Но все это усваивается учащимися произвольно. Они просто приспособляются к школьной обстановке, усваивая нормальный способ достижения «успеха» в мрачном, обезличенном мире средней школы»¹⁸⁰ (отметим, что речь идет о школе из богатого пригорода Нью-Йорка).

Образование и социальное неравенство – центральная проблема в социологии образования. Большинство специалистов по социологии образования признают, что соотношение между классовыми различиями и уровнем образования иерархическое: чем выше класс, к которому принадлежит человек, тем, как правило, выше его образовательный уровень. Часто термин «класс» они заменяют термином «статусная группа». В иерархии статусных групп высшую строчку занимает элита, (прежде всего экономическая и административная). Весьма высокое место среди статусных групп отводится университетской элите, из которой в значительной степени рекрутируется административная элита, (таких людей часто называют «мандаринами» – этот термин использовал М.Вебер, говоря о китайской императорской бюрократии, сдававшей сложные экзамены и получавшей таким путем право на занятие элитных должностей).

---

¹⁷⁹ Ibid p.71.

¹⁸⁰ Libarle M., & Seligson T. The High School Revolution, N.Y. 1970, p.20.

Преимущество в получении элитного образования имеет не только высший, но и высший средний класс. Большая часть среднего класса Великобритании платит весьма значительные деньги за дополнительные занятия с их детьми¹⁸¹. В результате больше половины поступивших в Оксфорд и Кембридж – выпускники частных школ¹⁸².

Большинство специалистов по социологии образования считает, что образование – от начального до высшего – это прежде всего социализация подрастающего поколения. К этому мнению склоняются и наши социологи¹⁸³

Последние исследования специалистов по образованию США подтверждают глубокое классовое расслоение в элитном образовании в этой стране. «Вашингтон Пост» в номере от 10 сентября 2006 г. публикует интересный материал под заголовком «Лучшее образование, которое можно купить за деньги». В нем говорится и доказывается: «Легко поступить в лучший элитный колледж – если ты богат и играешь в поло». Социолог Д.Голден исследовал привилегии, существующие в элитных университетах для богатых, для знаменитостей, талантливых спортсменов – гребцов, фехтовальщиков, игроков в поло. Голден не стесняется называть имена и элитные университеты, практикующие это, (включая Гарвард, Дьюк, Браун, Нотр Дам, Университет Вирджинии, Принстон, Стэнфорд), а также имена детей – бывшего вице-президента А.Гора, видных сенаторов. Практически все частные колледжи дают преференции сыновьям и дочерям людей, закончивших эти колледжи. Даже Гарвард, активы которого составляют \$25,9 миллиарда, дает привилегии детям сверхбогачей¹⁸⁴.

3. Неомарксистская теория элитного образования. К теории статусного конфликта близко стоит *неомарксистское* направление в социологии образования. Оно бросает своего рода вызов функционализму, подчеркивая, что организация образования во многом отражает диктат корпоративно-капиталистической экономики (S. Dowless, Y.Gintis), что школа выполняет заказ капитализма – служит корпоративной иерархии, передает привилегии

---

¹⁸¹ Ibid., p.271.

¹⁸² Ibid., p.274.

¹⁸³ А.Соловьев и др. цитируют Миронова об адаптации абитуриента, становящегося студентом, о «превращении высшего образования в форму массовой социализации молодежи» (Высшее образование в России, № 4, 2007, с.54).

¹⁸⁴ <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/2006.09.07>. О привилегированных школах и вузах США см. также: The New York Review of Books, vol.52, Nov.3,2005; The Truth About the Colleges, by A.Hacker, 2005; Privilege: Harvard and the Education of the Ruling Class, by G.Douthat, 2005. Отметим, что в социологической литературе описан феномен коррупции в образовательной системе США (University. Inc.: The Corporate Corruption of American Higher Education, by J.Washburn, Basic Books, 2005). Средства массовой информации сообщают, что студенты и аспиранты часто прибегают к покупке курсовых работ и даже диссертаций. На веб-сайтах регулярно появляются предложения купить или заказать любые курсовые работы. И очень недорого – по \$7 за страницу (www.svoboda.news. 4.12. 2006).

от поколения к поколению; характер образовательной системы определяет господствующий класс, капиталистическая элита. Впрочем, некоторые представители этой школы (P. Willis) считают, что школы – не только агенты социальной репродукции, но и центры сопротивления капиталистическим порядкам, то есть центры формирования контрэлиты. Положение массовых школ относительно элитных ухудшается, в частности, потому, что элитные школы переманивают к себе с помощью стипендий одаренных детей из низших социальных страт.

Доулесс и Гинтис пишут, что массовые школы в капиталистических странах созданы для получения и распространения знаний, необходимых для формирования и воспроизводства рабочей силы, воспитывают исполнительность, подчинение власти. Иные установки имеют школы для элиты, где воспитывается способность принимать самостоятельные решения, лидерские качества. Таким образом, школы воспроизводят социальное неравенство. Дж. Карабел и А. Хелси пишут, что если функционалисты рассматривают процесс социализации как универсальный процесс, сплавляющий общество, то неомарксисты считают, что социализация различается в зависимости от классовой принадлежности. Если функционалисты считают, что образование создает возможности для социальной мобильности, то неомарксисты доказывают, что капиталистическое общество ориентировано на сохранение системы эксплуатации трудящихся и закрепление социального status quo.¹⁸⁵

«Никто не возражает против того, чтобы сделать образовательные стандарты высокими, – пишет Дж. Мэтьюз в книге «Классовая борьба: что неправильно и что правильно в лучших американских элитных школах». – Но элитные школы существуют не только для высоких достижений, но и из желания поставить себя выше других»¹⁸⁶, усиливая классовую сегрегацию в обществе. Индустриальное и постиндустриальное общества подчиняются логике капитализма, характеризующегося жесткой иерархией власти и оставляют мало шансов пробиться наверх выходцам из рабочих семей. «Школы разделяют детей, богатые и бедные воспитываются по-разному... Школы для привилегированных делают упор на воспитание лидерских качеств в будущей элите»¹⁸⁷. Напротив, массовые школы обычно ориентируют учащихся на исполнительские функции. Таким образом, школы и другие образовательные институты играют важную роль в воспроизводстве социального неравенства. Причем образовательная система помогает легитимизировать это неравенство. Она оправдывает это неравенство в сознании людей и примиряет их с их положением. Как это

¹⁸⁵ Karabel J. & Halsey A. (Eds.) Power and Ideology in Education, N.Y., 1977.

¹⁸⁶ Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Right) with American Best Public High Schools, N.Y., 1988, p.4.

¹⁸⁷ Bilton T. a.o., Op. Cit., p.268.

делается? Поскольку большинство людей верят в то, что образование предоставляет всем равные шансы, существование разных уровней образования они считают оправданным. Выпускники элитных учебных заведений считают свои привилегии (высокую зарплату и т.д.) оправданной наградой за свои способности и прилежание, «а получившим образование более низкого уровня внушают, что они несут персональную ответственность за неудачную карьеру»¹⁸⁸.

4. Интерактивный подход. Часть социологов продолжает развивать интерактивный подход к изучению элитного образования, в частности, традиции Чикагской школы символического интеракционизма, заложенные Дж.Мидом, Ч.Кули, Г.Блумером¹⁸⁹ – традиции объяснения социального поведения через символы, значения, которые им придают акторы общественного процесса. Человек – существо прежде всего социальное; он обретает свою человеческую природу благодаря системе коммуникаций, существующих в обществе, люди взаимодействуют друг с другом с помощью символики, прежде всего, языковой. Личность формируется в процессе этой коммуникации, усваивая, «овнутряя» систему ценностей, принятую в обществе, а затем и изменяя или модернизируя ее в соответствии со своими потребностями, включается в систему социальных ролей, существующих в обществе, иначе говоря, «овнутряет» культуру, социализируется. Причем в социально дифференцированном обществе это культура определенных социальных групп – от малых (face-to-face) групп, начиная с семьи, до классов и социума в целом.

Попадая в малую группу (например, в школу или в вуз), молодой человек продолжает формирование своей личности, интериоризируя эти ценности (или, не принимая их, вступая в конфликт с группой или даже порывает связь с ней). Если он остается в группе, тем более если это личность, склонная к конформизму, он принимает ее ценности и символы, ее язык, чтобы быть в ней «своим», найти общий язык с преподавателями (а это обычно язык среднего или среднего-высшего класса). Если он, будучи выходцем из более низкой социальной страты поступает в силу случайных обстоятельств, или таланта в элитное учебное заведение и считает, что ему несказанно повезло, он постарается закончить это заведения с высоким баллом, чтобы затем делать элитную карьеру. Для этого он будет должен перейти на язык той социальной группы, которая доминирует в элитном учебном заведении, чей язык считается «образцовым», изучить «правила игры», принятые в нем, и руководствоваться ими.

¹⁸⁸ Ibid., p. 269.

¹⁸⁹ Об этой и других школах западной социологии см: Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы, М., 1998.

Среди британских социологов, прежде всего специалистов по социологии образования, пожалуй, наибольшим влиянием в настоящее время пользуются труды Б.Бернштейна, написанные в период с 70-х г.г. XX века по начало XXI¹⁹⁰ в. (именно в начале XXI в. он скончался). За этот период Бернштейн написал несколько книг на тему: «Класс и ролевые коды». Эти сочинения считаются классическими. В последние годы состоялось несколько научных конференций, посвященных творчеству Бернштейна. А работам Бернштейна посвящены целиком несколько номеров журнала *British Journal of Sociology of Education* за 2001–2007 годы. Ранее подобной чести журнал удостоивал лишь Л.С.Выготского и П.Бурдьё.

Б.Бернштейн различает упрощенный, иногда называемый примитивный язык (сленг), на котором говорят представители «низших» классов, и утонченный, рафинированный язык элиты¹⁹¹. Впрочем, Бернштейн доказывает, что большая часть детей из среднего класса (особенно дети из семей интеллектуалов) оперирует и тем, и другим языками (кодами), в то время как дети из семей рабочих обычно ограничиваются сленгом, который презирает элита. Это одна из причин, по которым выходцы из рабочего класса дискриминируются при приеме в элитные учебные заведения (помимо той причины, о которой речь шла выше – высокая плата за обучение). И в тех случаях, когда отдельным выходцам из рабочих семей удастся прорваться в элитные учебные заведения, им в процессе учебы приходится переходить на язык элиты.

5. Элитное образование и теория «человеческого капитала». В мировой социологии образования (прежде всего западноевропейской и американской), а также в экономической теории стала популярна концепция «человеческого капитала»¹⁹², согласно которой образование, как и в целом усвоение культуры, есть процесс накопления «человеческого капитала». Понятие «человеческий капитал» является одной из основных категорий экономической социологии. «Человеческий капитал» может оцениваться статистическими методами: количество активного населения, количество студентов на тысячу населения и т.д. К качественным показателям «человеческого капитала» относятся: образование, мастерство, интегральные способности и т.д. Таким образом, человеческий капитал имеет сложную

¹⁹⁰ См.: Fulcher J. and Scott J. *Sociology*. Oxford, 3 ed., 2007, p.825. (Книга представляет собой учебник по социологии, по которому обучаются студенты Оксфорда).

¹⁹¹ Этот сюжет блестяще разработал Бернард Шоу в своем знаменитом «Пигмалионе».

¹⁹² Один из основателей этой концепции П.Бурдьё предпочитал называть ее концепцией «социального капитала» (Bourdieu P. *Le capital social*, P., 1980; Bourdieu P. *Masculine Domination?* L., 2001). Социальный капитал, по Бурдьё, состоит из социальных отношений, позволяющих индивидам иметь доступ к ресурсам, находящимся в собственности других индивидов; эти ресурсы составляют ряд «полей борьбы», основывающейся на стремлении индивидов иметь привилегии в определенном поле, в доступе к экономическим и культурным ресурсам (что требует вложений соответствующих капиталов).

структуру, включающую образование, здоровье, интеллектуальный, нравственный, социальный капитал.

Человеческий капитал является главной ценностью современного общества и основным фактором экономического роста. Естественно, что формирование человеческого капитала требует больших затрат как от общества, так и от самого человека. Термином «человеческий капитал» обозначают улучшение производительной способности человека, благодаря прежде всего произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, престижа, заработной платы). Расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом, (а равно и обществом в целом), во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными¹⁹³. Социологи активно исследуют связь между уровнем образования и заработной платы, рассматривая образование как важную арену наращивания человеческого капитала.

В соответствии с концепцией «человеческого капитала», образование не есть нечто немедленно потребляемое, это инвестиции в будущее страны, отдельного человека. Именно в будущем они принесут прибыль. На протяжении всей жизни человек приобретает знания, но эти знания устаревают, человеческий капитал амортизируется. Инвестиции в человеческий капитал обеспечивают своему обладателю более высокий доход. Между прочим, анализируемая нами теория оправдывает неравенство между людьми, поскольку люди затратили неодинаковые средства для своей подготовки к разным видам деятельности.

Человеческий капитал рассматривается как наиболее важный ресурс в современной экономике знаний. Как пишет немецкий исследователь качества человеческого капитала Л.Воссман, «базовые знания формируются еще в школе и становятся фундаментом дальнейшей специализации личности. Причем качество базового образования имеет существенное влияние на потенциал будущего процветания индивидов и страны¹⁹⁴, а высшее специальное образование – на судьбы выпускников, их карьеры. Сторонник этой концепции Г.Лоури считает, что в межпоколенческой мобильности индивид достигает определенного уровня в социальной иерархии в соответствии с его способностью преодолевать трудности, причем равенство возможностей – идеал, который никогда не сможет быть реализован. Человеческий капитал воплощен в людях, а социальный капитал – элемент структуры социальных отношений; благодаря социальному

---

¹⁹³ См.: Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г., Цит.соч.,с.с.228-237.

¹⁹⁴ Wossmann L. *Schooling and the Quality of Human Capital*, Berlin. N.Y., 2002, p.1.

капиталу осуществляется социальный контроль, семейная поддержка индивидов в получении образования, реализуются групповые привилегии¹⁹⁵.

К сторонникам концепции «человеческого капитала» относится и крупный французский социолог Р.Будон, специально занимавшийся социологией образования, в том числе элитного. Исследуя влияние образования на социальную мобильность, он использует заимствованное у П.Сорокина понятие «структурный эффект» – социальное положение индивида, осознанное и воплощенное в мотивах действия. Исследуя проблему социального неравенства и неравенства в образовании, Будон решает вопрос о том, воздействует ли на образование социальный статус прямо и непосредственно, определяется ли статус последующих поколений социальной позицией предшествующих, несмотря на воздействие системы образования, представляет ли собой статус комбинацию меритократического и «структурного» эффектов. Выводы исследования: социальное происхождение оказывает решающее влияние на уровень образования; образование, в свою очередь, воздействует на статус; на некотором довольно высоком уровне образования социальное положение перестает иметь решающее значение; социальное происхождение оказывает корректирующее воздействие образования на социальный статус, так что в случае неудачи в образовании возможность для выходцев из высшего класса попасть в ряды мелких служащих или рабочих невысока. Отметим, что социолог утверждает, что в середине XX века меритократический эффект в США был примерно в 20 раз выше, чем в Англии и Франции вследствие правильной социальной селекции и социальной мобильности, т.к. это было более открытое общество. Отмечая неравные шансы в социальной мобильности в индустриальном обществе, Будон писал, что «социология равенства» (эгалитаризм) трансформировалась в «социологию неравенства» (элитаризм)¹⁹⁶. Это полностью относится и к школе.

Интересно, что группа американских ученых (С.Фэн, Дж.Оверленд, М.Спэгет) попыталась с позиций концепции «человеческого капитала» проанализировать перспективы развития современной России и роль ее системы образования в этом развитии. К сожалению, пишут авторы, обстановка в России не способствует тому, чтобы молодежь инвестировала время и средства в образование, хотя бы потому, что заработная плата большинства выпускников российских вузов ниже доходов уличных торговцев, не говоря уже о мафиози. Сегодняшнему молодому поколению в России не хватает экономической заинтересованности инвестировать средства в человеческий капитал. И если молодежь будет стремиться, в

---

¹⁹⁵ См.: Селзер Н. Социология. М., 1994, с.430.

¹⁹⁶ Boudon R. *L'intégrité des Chances. La mobilité sociale dans les sociétés industrielles*. P., 1973, p.11. Подробнее о вкладе Будона в социологию элитного образования см.: «Теоретические основы элитного образования», с.с.231-233. Автор раздела – П.Карабущенко, а также: Карабущенко П., Карабущенко Н. Психологические теории элиты. М., 2006, с.с. 3, 12-315.

первую очередь, к быстрым деньгам, следующее поколение россиян будет менее образованным, чем их родители, а значит и менее производительным. Авторы книги советуют сделать систему образования России эффективным инструментом для инвестирования человеческого капитала, поощрять молодежь к инвестированию в образование, и критикует правительство России за недостаточность усилий в этом направлении. Но эта критика – с дружественных позиций. Авторы книги утверждают, что великая российская интеллектуальная традиция, соединенная с широкой грамотностью, технической подготовкой, обеспечивает мощную основу процветания России как в непосредственном будущем, так и в далекой перспективе¹⁹⁷.

Интересный синтез структурализма, конфликтной концепции *и теории «человеческого капитала»* в социологии образования представляют работы видного французского социолога П.Бурдьё. В книге «Государственный нобилитет. Элитные школы в поле власти» Бурдьё показывает тесную связь и обмен в области власти и в области образования, который имеет особое значение для истеблишмента. Поддержка стабильности элиты во многом обеспечивается системой контролируемых ею учебных заведений. Этот синтез создает «элиту элиты». Знатный титул сам по себе не обеспечивает еще подлинную элитность. Не обеспечивает ее и богатство само по себе... Элита не любит парвеню, с их быстрым успехом и дурными манерами. Элитное образование, академические звания сами по себе также совершенно недостаточны. Принадлежность к истеблишменту – символический капитал, имеющий свои собственные законы накопления, отличные от экономического капитала. «Элита элиты» соединяет в себе целый комплекс черт, которые дополняют друг друга. Это такие черты, как аристократизм рождения, личное богатство, меритократизм, воплощенный в академических успехах. Эти черты комбинируются, «воспитывая в новых лидерах абсолютную уверенность в своей легитимности»¹⁹⁸.

В другой книге, написанной П.Бурдьё в соавторстве с Ж.-К.Пассероном «Репродукция в образовании. Общество и культура», показывается, что школьная система вносит свой вклад в воспроизводство структуры распределения культурного капитала и, через него, социальной структуры, системы позиционных дифференциаций и дистанций. «Прогресс ведет нас от коллективного и наследственного статуса нобилитета прошлого к сегодняшнему образовательному нобилитету», хотя все же элитные позиции продолжают находиться в очень тесной связи с социальным происхождением, то есть с приписанным статусом. Согласно Бурдьё, несомненна связь между элитными школами и тем, что мы определяем

¹⁹⁷ Fan S., Overland J., Spagat V. Human Capital, Growth and Inequality in Russia, Denver, 1996, p.335.

¹⁹⁸ Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power, Oxford, 1996, p.335.

расхожим термином «правлящий класс». Интересно, что сравнивая образовательную систему США с французской и английской, Бурдьё признает, что в Соединенных Штатах она более меритократична, и там талантливый выходец из социальных низов имеет больше шансов пробиться наверх.

Исследуя культуру, «особенно в ее высокой или элитной форме», Бурдьё (в соавторстве с П.Фергюсоном) приходит к выводу, что ее принципы противоположны экономическим принципам. «Экономика основана на профите, на эгоистических интересах, культура же – в нормативе – должна быть выше этих интересов». Но это – именно в нормативе. В действительности же культура, в том числе высокая культура, определяется вкусами, культивирующимися господствующими классами. «Хотя одна культура (или габитус) не выше другой, власть наделяет господствующий класс возможностью навязать свою волю, свое видение школы (или университета) так, как если бы это был единственный законный подход к оценке успеха учащегося с позиций своего собственного видения культуры». Таким образом, господствующая культура совершает «символическое насилие», она «легитимизирует успех учащегося с позиций своего общественного видения, габитус учащегося из доминирующих классов обеспечивает культурный капитал, который транслируется в успех, иначе говоря, оценивает учеников с точки зрения овладения ими доминирующей культуры, а превалирование у учащегося ценностей рабочего класса рассматривает как неудачу. Габитус оказывается критически важным в образовании. Таким образом школа, университет репродуцируют отношения классового неравенства»¹⁹⁹.

Бурдьё пишет, что современная система образования демонстрирует преимущество доминантных социальных групп и поощрение конформизма учащихся и студентов из низких социальных страт, (те из них, кто стремится получить высокие баллы, вынуждены дистанцироваться от того, что они действительно думают, и подлаживаться под принятый в том или ином учебном заведении культурный стиль). Образовательная система, несмотря на свои претензии на «неангажированность», «деидеологизированность», на то, что она выше экономических и политических расчетов, функционирует точно таким же образом, как экономический капитал, создающий преимущества для доминирующих социальных групп. Таким образом экономические преимущества могут транслироваться в социальные преимущества (подобно семейному габитусу, который передается из поколения в поколение). Все это объясняет функционирование культурного капитала.

---

¹⁹⁹ Bourdieu P. & Ferguson P. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society*. Cambridge & Oxford, 1999, p.484.

Свой подход Бурдые противопоставляет натуралистическому подходу, который редуцирует социальные различия к различиям в IQ, которые якобы предопределяют успех или неуспех человека в жизни и, в частности, в получении образования. Бурдые подчеркивает определяющую роль социальной структуры, играющей решающую роль в распределении шансов между классами. Конечно, можно критиковать Бурдые за то, что его теория слишком обобщена, недооценивает фактор случайности, спонтанности, ведь выходец из рабочей семьи все же порой может попасть в Оксфорд. Впрочем, известно, что исключения подтверждают правила. Выходец из рабочей среды, оказавшийся в элитном учебном заведении, конструируя позитивный или негативный образ себя и своей группы (как это подчеркивает символический интеракционизм), обычно овнутряет господствующие в элитном университете ценности и смотрит на себя как на неудачника, формирует негативное представление о себе самом, а свое образование рассматривает как путь вертикальной социальной мобильности, выхода из своего класса и вступления в более высокий класс.

И не случайно, что многие современные западные социологи, в том числе специалисты по социологии образования, пишут о важности понятия «социальный класс». Иерархия продолжает существовать, социальные акторы из высших классов занимают властные позиции в обществе, «теории класса все еще объясняют существующее неравенство в распределении богатства и власти»²⁰⁰. Статистика Великобритании отмечает, что всего в стране насчитывается 42% лиц физического труда, а в высшем образовании они представлены 24,5%, причем лиц низшей квалификации в этом слое – 5,6%, в высшем образовании выходцев из этого слоя – 1,9%²⁰¹. И это несмотря на то, что предпринимаются попытки увеличить пропорцию студентов из «низших социальных классов», используя для этого «летние школы», системы грантов и т.д.²⁰².

С точки зрения ориентации на вложение капитала в сферу образования особенно перспективен «новый средний класс», в который входят высококвалифицированные наемные специалисты, преуспевающие менеджеры и профессионалы (эксперты). При исследовании этого класса критерии дохода оказываются недостаточными, поскольку в классовой структуре он выделяется не размерами кошелька, а местом в системе общественного разделения труда. В этом классовом поле отец не может своей волей передать свое место сыну, как это происходит в социальном поле традиционного среднего класса. Единственно надежным инструментом обеспечения преемственности социального статуса тут является образование. Этим объясняется и особое отношение к образованию детей как к инвестициям в семейный культурный капитал. И на этом стараются не

²⁰⁰ Bilton T. a.o., Op.cit, p.p. 285, 121, 123.

²⁰¹ From Elitism to Inclusion. Statistical Overview UK Universities. 2003, p.33.

²⁰² Wodrow M., Yoke M. Op.cit., 2003, p.5.

сильно экономить. Детей стремятся отдать в элитные школы и вузы, им нанимают репетиторов. Среди образованной части населения новый средний класс – обычно наиболее привлекательная целевая группа. Уже отмечалось, что инвестиции в образование характерны и для других классов, но в новом среднем классе они носят более осмысленный характер: родители тут выступают в качестве экспертов, они лучше всех знают ситуацию на рынке труда, значимость разных видов знания, стратегию получения элитного образования.

Что касается России, то в ней эта социальная группа пока относительно менее многочисленна, концентрируется в основном в столице и других мегаполисах, но зато является одной из самых быстрорастущих социальных групп внутри среднего класса.

Как можно видеть из нашего обзора, основной предмет спора между различными школами в социологии образования – между сторонниками того, что образование – вид вертикального лифта, выполняющего роль восходящей социальной мобильности, и сторонниками того, что система образования преимущественно закрепляет, воспроизводит и легитимизирует существующую социальную систему. А мы, собственно, уже постарались дать свой ответ на этот вопрос: элитное образование выполняет первую функцию, а элитарное – вторую.

Заметим, в заключение, что приоритет в области образования в ведущих странах мира отдается его конкурентоспособности. Сфера образования, и особенно элитного, ныне – объект колоссальных инвестиций с очень высокой отдачей. Можно и в дальнейшем ожидать новых инициатив и изменений, которые будут существенно влиять на ситуацию элитного образования в современном мире. Но более конкретно проблему конкуренции элитных университетов мы рассмотрим в следующей главе.

Идея университета. Современные тенденции развития университетов. Конкуренция элитных университетов

В гл. 4. мы уже выясняли генезис элитного образования в Древнем мире, рассматривая школу Конфуция с его системой отбора, экзаменов, Пифагора, Сократа, Академию Платона, Ликей Аристотеля, Сад Эпикура, грамматические школы Рима, формирование римских протоуниверситетов.

Возникновение первых университетов (XI – XIII века) – интереснейший феномен «высокого» и позднего Средневековья. Зародышами университетов были монастыри и монастырские школы (при аббатствах), епископальные (при кафедральных соборах), – преимущественно начальные, придворные («паллациум) – школы более высокого уровня. Директором одной из таких школ был Алкуин Йоркский, советник короля Англии (VIII в.– нач. IX в.). В ней было трехступенчатое обучение. Обучение на первой ступени включало письмо, чтение, начала латыни, общее представление о Библии и литургических текстах; на второй ступени изучались семь свободных искусств (сначала грамматика, риторика и диалектика, затем – арифметика, геометрия, астрономия, музыка); на третьей ступени – углубленное изучение священного писания. Позже наиболее продвинутые из этих школ выступают как университеты (Universitas) – замечательный продукт Средневековья. Если моделью школ были античные аналоги, которым средневековые школы в чем-то подражали, то университеты – оригинальный продукт средневековья. В XI в. возник Болонский университет, в два последующие столетия – были открыты университеты в Испании, Англии, Франции и других европейских странах. Такого рода корпоративных формаций и свободных ассоциаций студентов и наставников с их привилегиями, установленными программами обучения, дипломами, званиями не знала ни восточная, ни западная античность²⁰³. Они бросили вызов домашнему аристократическому и придворному обучению.

Болонский университет, получивший особые привилегии от Фридриха I Бабароссы, и Парижский университет, возникший как объединенная корпорация магистров и студентов, были двумя моделями, на которые ориентировались другие университеты. Отметим также возникшую еще в XII веке Кафедральную школу Нотр-Дам, дававшую приют студентам со всей Европы. Уже для средневекового университета был характерен корпоративный дух, на основе которого формировались и развивались принципы академической свободы.

Первоначально университеты были полностью ориентированы на обслуживание интересов церкви, готовя теологов, специалистов по церковному праву. Затем обучение в них стало носить более светский характер, они добивались все большей автономии и превратились в центры интеллектуальной жизни, науки и просвещения, стали приобретать черты государственных учреждений²⁰⁴. Обычно средневековый университет включал в себя факультет свободных искусств (с шестилетним обучением) и теологический (с восьмилетним обучением). В университетах изучались

²⁰³ См.: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.2., Средневековье, С-Пб, 1994, с.с.56-90.

²⁰⁴ Моргунова А.Г. Институционализация образовательного пространства: феномен университета. Автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филос. наук, Чебоксары, 2006, с.с.21, 28.

аристотелевская логика, грамматика, физика, латынь, греческий, философия (порой она именовалась метафизикой), этика, математика и другие дисциплины. Прилежно обучаясь, студент получал степень бакалавра искусств и, продолжая образование, магистра искусств. Позже в качестве высшей ученой степени вводится степень доктора. Методами преподавания были лекции и семинары (*disputatio*). Интересно, что университеты носили в значительной степени интернациональный характер, студенты могли переходить из одного европейского университета в другой, из университета французского – в немецкий или итальянский; такие переходы облегчались обязательным знанием латыни, на которой и читались лекции. Несмотря на засилье религиозной догматики, университеты способствовали развитию наук. Регулярные дискуссии, проводившиеся в этих университетах, развивали мышление, дисциплинировали его. В университетах формировались определенные традиции, которые развивались в эпоху Возрождения. Вокруг университетов формировалось некое сословие ученых, священников и мирских людей. Наряду с традиционными властями – светской и церковной, вокруг университетов формировалась власть интеллектуалов. Выдающиеся профессора этих университетов были духовной элитой общества, аристократами духа. Университетское сообщество с самого начала игнорировало кастовые различия, было весьма демократическим по тем меркам, (хотя в дальнейшем ряд университетов становятся закрытыми, обретают элитарные черты).

В период Возрождения и Реформации гуманизм как особая интеллектуальная интенция и способ мышления развивался вне схоластической традиции, но активно воздействовал на университетскую жизнь.

Университетское образование получило новый импульс развития в Новое Время, когда именно с университетами, такими как Оксфорд, Кембридж, было связано быстрое развитие наук²⁰⁵, во многом предопределившее начало научной и первой промышленной революции. Большинство выдающихся ученых (в том числе философов) Нового и Новейшего времени, таких, как И. Ньютон, учились в университетах, преимущественно элитных, настойчиво овладевали различными областями знания, затем преподавали в них. И. Кант и другие творцы философии Нового времени были выдающимися методологами науки. Они считали, что университет призван дать базовое знание, (прежде всего философское), помочь студенту овладеть методологией получения нового знания, развивая науку вширь и вглубь. То есть университет должен готовить студента к непрерывной самостоятельной творческой исследовательской деятельности.

---

²⁰⁵ Следует отметить в этой связи труды выдающегося чешского теоретика педагогики и дидактики Яна Амоса Коменского (1593 – 1670 г.г.), который стремился к построению целостной картины мира, создал проект энциклопедической системы знаний – пансофии, связывая эту задачу с университетами.

Подъем германских университетов (в Галле, Геттингене и др.) в XVIII в. подготовил их лидирующую роль в XIX в., был связан с деятельностью их профессоров, поставивших проблему свободы исследований, преподавания, принцип свободного философского дискурса. В развитии университетского образования сыграл большую роль проект университета в Берлине В.фон Гумбольдта, основанного на базе творческого синтеза философии и гуманистического идеала воспитания личности. Исходным пунктом его идеи университета стало положение о том, что университет должен иметь государственную поддержку, но при сохранении своего автономного статуса. Профессора не должны быть правительственными чиновниками, а самостоятельными мыслителями.. Принципиально новым в концепции университета Гумбольдта было введение в его образовательную программу исследовательской работы. Основными функциями университета должны быть две: давать студенту общенаучное образование и прививать ему навыки научно-исследовательской деятельности. Это было становление модели классического университета.

Следует заметить, что на становление российских университетов в наибольшей мере оказала влияние именно немецкая модель (и частично французская).

С течением времени элитный университет становится элементом более широкого феномена – элитного образования. Последнее структурировано, иерархизировано, оно начинается, (если взять для примера Англию), с элитных частных детских садов, продолжается в элитных школах (также обычно частных), эти школы часто называются подготовительными (prep-schools), они готовят своих питомцев к поступлению в элитные университеты. Элитные университеты – вершина пирамиды элитного образования.

Системные представления о функциях университета были изложены в XIX веке философом и теологом Дж. Ньюменом в книге «Рассуждения о целях и природе университетского образования», получившей широкую известность. Ньюмен писал о роли и предназначении университетов, осмысливая их, создал целостную концепцию университетского образования. Она выступала в его изложении как «идея университета», как размышления автора о научных и общекультурных функциях университета, цель которого – не просто транслировать отдельные знания, а формировать целостную научную картину мира, создавать интеллектуальную атмосферу поиска, философского осмысления научных проблем.

«Университеты призваны не только формировать определенные академические знания, но и выполнять функции общественных и моральных ориентиров»²⁰⁶. Чтобы выполнять эти функции, университет должен обладать широкой автономией (от власти предрержащих, от религиозных

---

²⁰⁶ А.Торкунов «Наши университеты», Российская газета, 02. 06. 06.

иерархов и иных вненаучных сил, посягающих на его автономию). За это университеты боролись и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время, боролись с вмешательством авторитарных и тоталитарных правителей в их внутренние дела. И поныне ряду университетов приходится бороться за интеллектуальную и финансовую независимость. Богатые традиции борьбы за автономию имеют и университеты России. Ныне основные принципы автономии университетов приняты большинством цивилизованных стран. Выступая на VIII съезде Российского союза ректоров в 2006 г., В.В.Путин сказал: «Убежден, общим принципом развития образования должно оставаться повышение самостоятельности учебных заведений, которая дает простор и педагогическим, и управленческим инициативам. Однако большая хозяйственная самостоятельность требует и большой ответственности, и современных – во всех смыслах – форм управления»²⁰⁷.

Важнейшая роль университетов проявляется прежде всего в осуществлении когнитивных и социальных функций. Когнитивная функция выражается в проведении исследований, направленных на производство нового знания, на развитие науки. Среди социальных функций университета важнейшей является формирование интеллектуальных элит, задача которых, по К. Ясперсу, – выявление новых экзистенциальных смыслов, порождение новых парадигм, трансляция и интерпретация научного творчества.

Обобщая опыт развития мирового института образования, выдающийся испанский философ и культуролог Х.Ортега-и-Гассет писал в книге «Миссия университета» о том, что именно университеты являются теми центрами, в которых воспитывается интеллектуальная элита. Именно в университетах заложена, по Ортеге, идея элитизации субъекта образования. Миссию университета Ортега видит в воспитании «аристократии талантов», которые являются ферментами в развитии мировой культуры.

Идея университета – это идея единства в многообразии. В каждом из них изучаются многие научные дисциплины, с течением времени в университетах открываются все новые факультеты. Но это не эклектический набор всевозможных научных дисциплин. Эти многочисленные дисциплины возникают на базе фундаментальных наук, среди которых особую роль неизменно играла философия. Именно фундаментальные науки скрепляли многочисленные частные и прикладные науки, давая студентам определенное целостное знание, современную им научную картину мира. Мир многообразен, и это многообразие мира отражается в многообразии наук, изучающих его. Но мир и един, и это единство мира в его многообразии и постигается прежде всего теми фундаментальными науками (и, прежде всего, как было отмечено,

---

²⁰⁷ Высшее образование в России, № 7. 2006, с.4.

философией), благодаря которым только и может сложиться целостная картина мира, и, соответственно, единство наук, изучающих этот мир. Порой ученый замыкается в рамках своей дисциплины, порой он ищет ответы на проблемы, решаемые его наукой, не подозревая, что ответ на них уже получен в рамках другой науки. Как отмечал один из великих ученых XX века Норберт Винер, величайшие открытия часто делаются не в рамках одной науки, а на грани наук, иногда – близких, (правда, грани родственных наук уже давно основательно изучены, например физики и химии – более двух столетий существует физхимия, химии и биологии – около двух столетий существует биохимия), но Винер особенно интересовался гранями и пересечениями весьма далеких друг от друга дисциплин, например изучении поведения живых существ и управлением машин и механизмов, выявив аналогии в функционировании этих объектов, он и создал кибернетику, или исследования граней таких, казалось бы, далеких наук, как математика и лингвистика (математическая лингвистика делает значительные успехи). Учась на двух разных факультетах, студент может прийти к интереснейшим выводам и обобщениям, за которыми может стоять крупное научное открытие. Как раз университеты наиболее ярко демонстрируют единство и переплетение наук, показывают, что университетские программы – это не эклектический набор разрозненных наук, а единое дерево, корни которого – фундаментальные знания.

Университет как образовательная структура занимает позицию главного актора в глобальной системе, превращается в один из ключевых факторов конкурентоспособности той или иной страны.

Идея университета родилась прежде всего как идея элитного университета. Гарвард, Принстон, Йель, Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Московский, Токийский и другие ведущие университеты мира играют фундаментальную, ведущую роль в формировании научных элит постиндустриального общества. Американский исследователь элитного образования Верспур пишет, что подобные университеты «очень сходны в своих функциях: они репродуцируют процесс селекции элит»²⁰⁸. Ведущие университеты США являются элитными учебными заведениями; их выпускники имеют наибольшие шансы достичь элитных позиций. Российский исследователь высшего образования США А.Д.Филиппова справедливо подчеркивает, что ведущие университеты США являются элитарными, а не массовыми подразделениями в американской системе образования²⁰⁹.

Относится ли это к российским элитным вузам? Этот вопрос был задан члену-корреспонденту РАН Н.В.Карлову, который много лет руководил знаменитым МФТИ, который вырастил целую плеяду

²⁰⁸ Revitalizing Higher Education, ed. By Salmi J. and Versphoor A., Wash., 1994, p.26.

²⁰⁹ См.: Филиппова А.Д. Высшая школа в США. М., 1981.

специалистов высочайшего класса. Не стоит ли система подготовки МФТИ широкого распространения? – «Она не может быть массовой: без фермента не выпечь хлеб, – ответил Н.В.Карлов. «Физтехам» скучна рутинная работа, а в жизни такая работа – неизбежная реальность. Инженеру нужен бэкграунд, и очень опасно, что в вузах захватывают сейчас лидерство выпускающие кафедры, у которых есть деньги. На этих кафедрах должны преподавать специалисты с производства»²¹⁰. Функция таких супервузов, университетов – подготовка интеллектуальной элиты. А ведь абитуриенты, принимавшиеся в МФТИ, – это действительно талантливейшие, а отнюдь не выходцы из социальной элиты.

Известно, что XX век был веком резкого увеличения количества студентов и вузов. Это расширение высшего образования – ответ на требование предоставить равные возможности для получения знаний для национальных и социальных меньшинств и выходцев из более низких страт общества. Эта тенденция ярче всего проявилась в США, СССР, Канаде, Японии. Чуть позже эта тенденция проявилась в странах Западной Европы и в Австралии. Увеличилось и количество университетов. Но только некоторые из них являются подлинно элитными университетами.

Особая роль отводится университету в информационном обществе. Д.Белл, который ввел термин «post-industrial society», считал, что в постиндустриальном обществе основой интеграции этого общества будет не завод, вообще не производство материальных благ, не индустрия, даже не бизнес, а производство знания, и центром его должен быть университет. И эта роль Университета – ведущая, роль центра сосредоточения знания и информации, во всяком случае, так обстоят дела в университетах Западной Европы, Северной Америки, да и в большинстве других стран мира. У нас несколько иная ситуация, связанная с тем, что в России историческим центром науки является Академия наук, которая делит с университетом роль основного источника новаций в науке, лидирует в ней. Может быть, оптимальным выходом из этой ситуации было бы слияние этих институтов, (стихийно этот процесс уже начался, при институтах Академии Наук создаются образовательные факультеты).

Итак, одна из актуальных проблем для современных элитных вузов и научных центров – необходимость интеграции научно-исследовательских институтов (в России это прежде всего институты РАН), и элитных университетов. В университетах США эта интеграция уже в значительной мере реализована. И не случайно именно в Президиуме РАН прошла российско-американская научная конференция «Исследовательские университеты», (среди ее организаторов – РАН, Министерство образования и науки РФ и Американский фонд гражданских исследований и науки). Посол США в России А.Вершбоу в своем докладе сказал, что традиции

---

²¹⁰ Известия, 14.09. 2001.

исследовательского университета были заложены еще первым американским академиком Бенджамином Франклином, который подчеркивал, что наука и университеты взаимно обогащаются энергией. В ояде американских штатов именно университеты обеспечивают главный поток финансовых поступлений в местные бюджеты, связанные с новой технологической базой.. Министр образования и науки А.Фурсенко высказал мнение, что исследовательские университеты – это структура, позволяющая создать экономику знаний, без которой Россия не сможет стать достойным игроком в мировой политике. Вице-президент РАН говорил о критериях отнесения университета к категории исследовательского. В стране 25-30 университетов, с которыми РАН имеет давние связи и которые можно было бы назвать исследовательскими: МГУ, Физтех, Санкт-Петербургский ун-т, МГТУ, Новосибирский и Нижегородский ун-ты и другие. По словам ректора МГУ В.Садовниченко, если выявить рейтинг лучших исследовательских университетов мира, более 10 окажутся российскими. Ректор МГТУ им. Баумана И.Федоров заметил, что лучшие технологические университеты мира являются исследовательскими. Критерии исследовательского технического университета: постоянное развитие научных и научно-педагогических школ, высокий авторитет на федеральном и мировом уровнях, выпуск специалистов высокого класса по основным инженерным направлениям, а также по естественно-научному, гуманитарному, экономическому циклам²¹¹. Причем самые знаменитые университеты России, такие, как МГУ, открыты для бесплатного обучения наиболее талантливых молодых людей, мечтающих о научном поприще, хотя и в них все больше мест отдается «платникам».

Дальше мы попытаемся выявить критерии университета, на основании которых мы можем назвать университет элитным. Само перечисление этих критериев предполагает отличие элитного вуза от элитарного, в который, как мы видели, принимаются в основном выходцы из элитарных слоев общества, выпускники привилегированных элитарных закрытых школ. Это полностью относится к английским университетам Оксфорду и Кембриджу. Английский социолог Х.Томас подчеркивал, что почти все члены Верховного Суда Великобритании, епископы, консервативные члены парламента и многие лейбористские парламентарии – выходцы из элитных частных школ и элитных университетов. При этом шансы на получение элитного образования уменьшаются по мере движения вниз по социальной лестнице.

Причем селекция элит в странах Запада отнюдь не обязательно связана с частными элитными университетами. Во Франции, где государственная служба традиционно считается одной из наиболее престижных, элитные

---

²¹¹ Известия, 10.04. 04.

вузы, готовящие государственных чиновников, почти полностью интегрированы в систему Grandes Ecoles. Большинство западноевропейских университетов (и все американские) продолжают традиции «вольных университетов», популярных еще с периодов Средневековья и Возрождения (Сорбонна, Оксфорд) и в определенной мере противоположны традициям «императорских» университетов – Берлинскому, Петербургскому, основанных государством. Если «императорские» и «королевские» университеты готовили будущих чиновников для государственной службы, то большая часть университетов формировала преимущественно «людей свободных профессий», интеллектуальную элиту общества²¹².

Элитное (высококачественное) высшее образование представлено лучшими вузами (как правило, университетами) и связанными с ними научно-педагогическими кадрами, а также ведущими учеными академических институтов, руководителями крупнейших научно-исследовательских лабораторий и исследовательских центров, лауреатами Нобелевской премии, главами крупных научных школ, академиками, работающими в элитных вузах на постоянной основе или, чаще, читающими отдельные курсы лекций, выступающими с докладами по актуальным проблемам науки, привлекающими студентов старших курсов, аспирантов к научно-исследовательской работе.

Элитные университеты в наибольшей мере ориентированы на производство интеллектуальной элиты. Это относится как к западным, так и российским университетам, таким, как Московский, Петербургский, Уральский, Ростовский, Нижегородский.

Рассматривая современное состояние элитного образования, мы обратимся прежде всего к опыту элитного образования в наиболее развитых странах мира, сделав акцент на сравнении элитного образования в России и США, где университеты возникли на несколько столетий позже, чем в Западной Европе.

Мы уже говорили о гумбольдтовской модели классического университета. А теперь все чаще стали говорить о «постклассической» модели университета. Знаменитый выходец из еще более знаменитой «Франкфуртской школы», по существу, последний ее представитель, Ю.Хабермас, говорит о переходе от классического к постклассическому университету, который в своем управлении все более приобретает черты крупной фирмы, которая ориентируется на профессиональное образование своих выпускников.

Современные тенденции в развитии университетского образования в ведущих странах мира и выбор России. В связи с многочисленными дискуссиями о характере реформ (или псевдореформ) в российской

---

²¹² Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. М., 1996, с.с.46-47.

образовательной системе в нашей литературе стали появляться исследования (чаще в форме статей, чем монографий) по поводу современных тенденций в развитии университетского образования в современном мире, в частности, США и стран западной Европы, порой сопровождающиеся размышлениями о том, не следует ли и нам идти по их пути.

Среди таких публикаций отметим статью Н.Е.Покровского, профессора, заведующего кафедрой общей социологии Государственного Университета – Высшей школы экономики «Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений» (Общественные науки и современность, 2005, № 4). Она написана весьма квалифицированным социологом, хорошо знающим систему образования в американских и российских университетах, и заслуживает специального обсуждения.

В статье Н.Покровского хотелось бы выделить и разделить две проблемы: 1) описание и анализ новейших тенденций в мировом, (но прежде всего американском), университетском образовании и 2) их оценку и в связи с этим их применимость к российскому университетскому образованию. В первом вопросе мы разделяем мнение автора о «снижении значимости системной фундаментальности»²¹³, сокращении удельного веса курсов фундаментальных наук в американских университетах, который уступает место так называемому «полезному знанию» (useful knowledge), знанию прикладному, а также такого явления, как широкое проникновение в университеты «делового», коммерческого духа. «Отныне университет из храма науки превращается в market place», – пишет Н.Покровский, возобладала концепция знания, «ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую отдачу».²¹⁴

Если считать, что университет – это market place, а университетское образование – это просто товар, который продается, чтобы удовлетворить желания покупателей образования, то тут должен действовать принцип «покупатель всегда прав»; но тогда и программы университетов должны формироваться под влиянием фирм, которые будут работодателями выпускников университетов, и особенно самих студентов (и семей студентов, участвующих в оплате образования). В этой ситуации некоторые ведущие представители академических кругов, (в частности, Великобритании), не без оснований утверждают, что университетское образование должно по возможности значительно изолироваться от коммерческих и рыночных отношений. Слепое следование желаниям студентов или запросам бизнесменов и политиков в части того, чему учить студентов, по мнению многих представителей университетских кругов, в особенности приверженцев академических традиций, не что иное, как путь к

²¹³ *Общественные науки и современность*, 2005 г., №4, с.152.

²¹⁴ Там же, с.148.

посредственности в образовании. Этот путь особенно губителен для элитных университетов.

Ведь даже если подстраивать университетские программы под рынок, под политическую или экономическую конъюнктуру, нужен определенный запас теоретических знаний, чтобы предсказать конъюнктуру, которая сложится на рынке ко времени окончания студентами университетского курса. Доверить этот прогноз абитуриентам, ищущим более перспективный вуз, было бы наивным.²¹⁵ Это доказывает и российская практика последнего времени, когда в 90-х годах абитуриенты устремились в юридические и экономические вузы, и чтобы удовлетворить их «заказ», были созданы многочисленные коммерческие экономические и юридические вузы и факультеты. Вскоре обнаружилось перепроизводство юристов и экономистов, прежде всего окончивших наспех созданные коммерческие учебные заведения с низким уровнем преподавания.

При господстве рынка и политической конъюнктуры в образовании, особенно высшем образовании, фундаментальные знания плохо продаются, и поэтому оттесняются на периферию, учебные часы отдаются прежде всего многочисленным спецкурсам, порой спецкурсам эзотерическим. В программах западных университетов отразились бурные для студенчества Западной Европы и США 60-е годы, когда под давлением студентов в ряде университетов сокращались «скучные» фундаментальные курсы, они вытеснялись спецкурсами «по выбору»²¹⁶. В результате упал общий образовательный уровень студенчества. Профессора и преподаватели подверглись жесткому прессингу со стороны «революционных студентов», некоторые преподаватели в погоне за дешевой популярностью среди студентов предлагали им спецкурсы, навязанные самими студентами, которые представлялись им «занятыми», хотя они не имеют серьезного научного, а

²¹⁵ См.: Панфилова Т.В., Ашин Г.К. Перспективы высшего образования в России (реформы или ликвидация?) // *Общественные науки и современность*, № 6, 2006, с.90.

²¹⁶ Интересно описывает процесс выбора спецкурсов недавний выпускник Гарварда в статье «Правда о Гарварде», опубликованной в журнале «Атлантик мансли»: В начале каждого семестра студенты наслаждаются неделей «периода шопинга», когда они набирают курсы – какие хотят и сколько хотят. Они должны ограничивать себя – иначе они утонут в обилии спецкурсов. Они составляют подходящую программу своего обучения. Тут много шума: заходят в разные аудитории, послушают минут 20 и переходят в другую аудиторию, быстренько составляют планы. Энтузиазм испаряется очень быстро. Вскоре после «периода шопинга» в аудиториях растет число пустых мест, и они напоминают пустые стадионы в конце августа. Есть места, занимаемые «несгибаемыми» (сленговый эквивалент у русских студентов – «ботаники»), старательно записывающими лекции, и студентами, преодолевающими стремление задремать, а также приходящими только для того, чтобы осознать, что они так много пропустили и так сильно отстали, что конспектировать бессмысленно, лучше дождаться обзорных лекций в конце семестра или просто обратиться к курсам, выставленным на веб-сайте, где профессор разместил курсы лекций, хорошо понимая привычки прогульщиков. (The Truth About Harvard. The Atlantic Monthly, March 2005).

часто и практического значения. Эти «завоевания» 60-х-70-х годов в значительной мере сохранились в ряде американских и западноевропейских вузов.

Следует отметить, что перенос центра тяжести обучения с фундаментальных на прикладные науки – отнюдь не всеобщая тенденция современных университетов, (в том числе и американских), это скорее нынешняя мода, может быть, преходящая, которая коснулась прежде всего не элитных университетов, а более специализированных, узкопрофильных вузов, колледжей, небольших университетов, (а таких в США – большинство). Элитные американские университеты проводят иную политику (ее можно назвать взвешенным консерватизмом), продолжая развивать фундаментальные науки, находят оптимальное сочетание их с прикладными. Следует сказать и еще об одной тенденции в современной университетской науке – росте интереса к комплексным междисциплинарным знаниям, опять-таки базирующимся на фундаментальных дисциплинах.

Тенденция уменьшения «учебных часов» фундаментальных наук в пользу прикладных дошла и до нас. Более чем сомнительно, что это позитивно влияет на уровень образования студентов. Кстати отметим, что большое количество российских вузов, в том числе узкопрофильных, ныне (главным образом в 90-е годы) получило статус университетов. При этом само понятие «университет» девальвируется.

Вместе с тем следует признать востребованность (причем как в России, так и в США) прикладных дисциплин, а также навыков практической деятельности в избранной области. Работодатель, особенно если это бизнесмен хочет, чтобы выпускник вуза, помимо диплома, прошел практику на современном предприятии или фирме (предпочтительно его фирме), имел навыки практической работы на современном предприятии, в современной научной лаборатории, чтобы он мог без долгой «раскачки» включиться в работу его завода или его юридической конторы, конструкторского бюро, проектирующего изделия высоких технологий. И эти навыки он должен начать приобретать уже на студенческой скамье. Помимо академических знаний он должен обладать практическими навыками, умением использовать теоретические знания на практике. Собственно, часто так и происходит. Студент первых курсов подрабатывает на низкоквалифицированной работе, студент старших курсов, особенно хорошо зарекомендовавший себя в учебе, привлекается к квалифицированной работе, участвуя в исследованиях, проводимых в университете или имеет part-time job на соседнем предприятии. Таким образом, работник, принятый на работу определенной фирмой, начинает не с нуля, а имеет некоторый опыт. Впрочем, это относится как к изучающим преимущественно фундаментальные, так и прикладные науки.

И что еще более важно, работодатель интересуется личными качествами нанимаемого работника – его трудолюбием, умением работать с людьми, его

лидерскими качествами. Человек, придя в организацию, должен понять ее структуру, ее задачи, адаптироваться к ней, выработать свой план повышения качества своей работы, а главное, продемонстрировать способность совершенствоваться, обнаружить умение и желание учиться, которое должно сопровождать его всю жизнь.

Ректор Государственного университета – Высшей школы экономики Я.Кузьминов опубликовал статью под характерным названием – «Студент мечтает продать себя пораньше, но подороже». Он пишет: «Ранняя вовлеченность в бизнес – необходимый для современного экономиста элемент образования... Академическая карьера теперь не так привлекательна, студенту хочется поскорее заняться самопродажей. Чтобы выбраться из замкнутого круга, заставить студентов подтянуться и создать в вузе конкурентную среду, мы собираемся ввести для студентов некий систематизированный рейтинг, где каждый предмет будет иметь кредитный вес, зависящий от сложности, важности, объема. Рейтинги будут вывешиваться в интернете – и работодатель сможет оценить качество каждого нашего выпускника»²¹⁷. Соединение обучения с практикой, с научно-исследовательской работой – важный элемент элитного образования.

Возвращаясь к статье Н.Покровского, можно согласиться и с утверждением автора о тенденции к коммерциализации высшего образования, к превращению университетов в коммерческие предприятия, причем особенно рельефно она выражена в США. С этой тенденцией связано и то, что преподаваемые в американских вузах дисциплины все более ориентируются на сиюминутные потребности рынка, что ведет к сокращению объема фундаментальных наук в программах вузов США и, соответственно, к увеличению объема преподавания *useful knowledge* (полезных знаний или, иначе говоря, прикладных)²¹⁸.

Можно согласиться со статьей Н.Покровского в той ее части, где речь идет о тенденции, существующей в современных американских вузах к сокращению объемов программ преподавания фундаментальных наук и увеличением *useful knowledge*. А вот по вопросу об отношении к этой тенденции, ее оценке и желательности ее распространения на российские университеты у нас имеются принципиальные возражения. Хотелось бы поменять в оценочной части указанной статьи плюсы на минусы, поскольку, на наш взгляд, подобная концепция, оправданная в отношении специализированных, узко профилированных учебных заведений, противоречит нормативам университетов, которые должны быть ориентированы прежде всего на фундаментальные знания, противоречит самой «идее университета», которая, как писал Х.Ортега-и-Гассет в книге «Миссия университета», заключается о том, что именно университеты являются центрами воспитания высокообразованной интеллектуальной элиты.

---

²¹⁷ Известия, 29.11.2002 г.

²¹⁸ См.: Панфилова Т.В., Ашин Г.К. Перспективы высшего образования в России (реформы или ликвидация?) // Общественные науки и современность, № 6, 2006.

Университетское образование дает именно универсальное знание, вбирая рафинированный опыт человечества, а уже затем оно конкретизируется по различным научным дисциплинам.

Как известно, в постсоветский период российская образовательная система была деидеологизирована, над ней перестал осуществляться жесткий государственный контроль, начался процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов. Это явное движение в сторону плюралистической модели образования. Сегодня можно констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России, стран Западной Европы и Северной Америки в рамках плюралистической модели образовательной системы. Конвергенция мировых образовательных систем не исключает, а предполагает их плюрализм, их своеобразие. Нам не следует слепо копировать модели и формы западных образовательных систем, а тем более зигзаги их моды. Напротив, следует сохранять и развивать традиции лучших образовательных институтов. Это относится, в частности, к сохранению оптимального соотношения между фундаментальными и прикладными учебными дисциплинами при ведущей роли первых. Иначе мы рискуем растратить преимущества фундаментального образования, получаемого в элитных университетах РФ.

Было бы непростительной ошибкой для российской образовательной системы следовать моде, распространившейся в ряде американских университетов и отказаться от наших конкурентных преимуществ в международном элитном образовании, признанных в мире, ломать то хорошее, что у нас есть. Так, МГУ, по экспертным оценкам американского Института Гурмана²¹⁹, лидирует в мире именно по уровню фундаментального образования²²⁰.

Все это не значит, что мы возражаем против спецкурсов по выбору студентов. Напротив, они удачно дополняют и обогащают обучение. Вопрос в том, что оставить на усмотрение самих студентов, а что они обязаны знать, если хотят получить действительно высшее образование. Отнести фундаментальное знание на обочину учебного процесса – значит сузить кругозор студентов, свести их мировоззрение до обывательского уровня. Ибо фундаментальные знания – это не то, что можно знать, а можно и не знать. Их задача – сформировать установку на самостоятельное мышление и саморефлексию. Если студенты не приобретут навыков самостоятельного

---

²¹⁹ Известия, 25.01.2005 г.

²²⁰ О престиже нашего высшего образования говорит такой пример. В советский период в лучшие годы в МГУ учились 500 китайцев, а ныне – 2,5 тысячи. В 2004 г. правительство Китая пригласило на конференцию президентов и ректоров 30 ведущих университетов мира, в том числе Гарварда, Оксфорда, МГУ. В итоге трехдневной дискуссии китайцы решили взять за основу фундаментальное образование, за которое выступает Россия. (АиФ, № 12, 2005). Почему же России предлагается снижать объем и уровень преподавания, отказываясь от собственных достижений?

мышления, они не смогут критически оценить ни собственные представления, ни происходящие в мире процессы, собственная ограниченность может казаться им верхом оригинальности. Как видим, некритическое следование зарубежной моде может не только понизить уровень российского образования, но и привести к фактической ликвидации университетского образования в России²²¹.

Подлинно элитный университет дает не специализированное, но, напротив, широкое образование, выпускники элитных университетов – люди с большой эрудицией, широким кругозором, а не «образованцы», пользуясь термином А.И.Солженицына. Узкое образование – это скорее «натаскивание». Кстати, именно широкое образование дает человеку возможность не быть всю жизнь узким специалистом, который, по словам Козьмы Пруткова, «подобен флюсу – полнота его одностороння». Напротив, он, в случае необходимости, может менять профессию, постоянно расширять круг своих интересов, (а именно этого требует динамично развивающееся информационное общество). «Сохранить все лучшее в нашей системе образования, в основе которой лежит фундаментальное знание»– так мы видим магистральный путь развития российского университетского образования.²²²

И это – позиция не только современных российских ученых. Американский исследователь университетского образования Ф.Гриффитс не без основания считает, что в концепции университета центральное место занимает идея обобщенного знания об универсальных предметах, которое прежде всего постигается философией²²³. Университетское образование дает именно универсальное знание, рафинированный опыт человечества, а уже затем оно конкретизируется по различным научным дисциплинам.

Анализ учебных планов престижных западных университетов показывает, что в них заложена идея элитизации субъекта образования. Она базируется на таких принципах, как иерархизация ученых степеней, как свидетельство качества полученного знания, и система перманентного научного отбора, требующего постоянно подтверждать свой элитный научный статус (прежде всего путем публикации результатов своих научных исследований)²²⁴. Одной из важнейших задач университета в информационном обществе становится приобретение, систематизация и использование информации, обладающей

²²¹ Панфилова Т.В., Ашин Г.К. Цит.соч., с.93.

²²² В.Садовничий, (Известия, 23, 06, 06). Садовничий много лет отстаивает свою позицию о ведущей роли фундаментального образования. В 2002 г. в своем интервью «Известиям» он говорил о докладе национальной комиссии США по образованию во главе с сенатором, космонавтом Дж.Гленном, основная мысль которого состояла в том, «что Америка должна провести реформу образования. Причем за счет усиления фундаментального, естественно-научного, математического образования (наша же реформа направлена на подрыв фундаментального образования)» (Известия, 30, 04, 2002).

²²³ Цит. по: Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г., Теоретические основы элитного образования, с.241.

²²⁴ Там же.

личностным значением для студента, отвечающей его потребностям, интересам, имеющих особый смысл для личности, формирующей творческий потенциал человека, его способности к инновационной деятельности²²⁵. Отдельные дисциплины, предметные области знания в целом должны рассматриваться не как нечто изолированное, а в контексте духовно-онтологического образа, как явления всеобщего (общеприродного, общемирового, общечеловеческого) характера.

Причем говоря о тенденциях развития университетского образования, необходимо уточнить некоторые понятия. В США более тысячи университетов. Но есть университеты и университеты. Бессмысленно сравнивать Гарвард и Принстон с университетами штата Айова или штата Орегон. Просто эти университеты – в разных «весовых» категориях. Под университетским образованием часто подразумевается элитное высшее образование. И когда исследуют рейтинги университетов, реально исследуют рейтинги первой десятки, двадцатки, сотни лучших университетов, в число которых входят и знаменитые вузы, формально не имеющие статуса университетов, такие как Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт или Лондонская школа экономики. Это относится и к МВТУ им. Баумана, который был элитным вузом задолго до того, как ему был присвоен статус университета (кстати, этот статус ничего не добавил знаменитому бренду МВТУ)²²⁶.

Необходимо отметить, что попытки переноса центра тяжести с фундаментального на прикладное знание отнюдь не есть какая-то новация; такие попытки неоднократно предпринимались в истории науки. Еще Ф.Бэкон в XVII веке подверг острой критике попытки ограничить науку «плодоносным» знанием (под которым он имел в виду именно прикладное знание) в ущерб фундаментальному – «светоносному»²²⁷. Наше поколение

²²⁵ Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н., цит. соч., с.с.45-48.

²²⁶ В МГТУ им. Баумана 72 специальности: помимо космической проблематики, подводные лодки, информатика, машиностроительный комплекс, различные двигатели – от космических аппаратов до автомашин, появились новые специальности, напр., «защита информации», «суперкомпьютеры». У МГТУ – высокий международный рейтинг. «Никакими «декретами» и «конвенциями» он не устанавливается, – говорит ректор МГТУ Т.Федоров, эти «конвенции» нужны, когда начинаются обмены между студентами... МГТУ и Парижская высшая инженерная школа принимают дипломы друг друга». На вопрос, инженерные вузы каких стран отвечают самым высоким требованиям, А.Федоров отвечает: «Могу высказать свое личное мнение: самая сильная инженерная наука в России и Франции; дальше идут Германия и Великобритания... в Америке 5-6 супервузов типа Массачусетского технологического института. Остальные напоминают техникумы» (Известия, 27,07,2001).

²²⁷ Хотелось бы напомнить в этой связи слова А.С.Хомякова: «Специальность не может быть положена в основу воспитания. Твердую и верную основу может служить только просвещение общее, расширяющее круг человеческой мысли и его понимающей способности» (Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988, с.228).

помнит ряд таких попыток. Н.С.Хрущев однажды высказал идею роспуска Академии наук СССР и подчинения академических вузов соответствующим министерствам, считая, что таким образом можно ускорить технический прогресс, поднять производительность труда. Хорошо еще, что его удалось переубедить. Но «радикальным реформаторам» не удается. В 90-х годах они повторили «эксперимент» на эту тему уже под флагом «экономии» бюджетных расходов, резко, в несколько раз снизив финансирование Академии Наук в целом и прежде всего академических институтов, ориентированных на фундаментальные исследования. Одним из последствий этих «реформ» была общая деградация российской науки, вынужденная эмиграция тысяч и тысяч российских ученых и многомиллиардные потери для нашей страны.

Но если кто-то со злорадством прогнозирует, что результатом переориентации американских вузов с фундаментальных на прикладные исследования будет глубокий кризис и деградация науки в США, то я вынужден таких людей разочаровать. Дело в том, что США имеют многолетний опыт импорта «мозгов» из ведущих вузов Европы, традиционно опирающихся на приоритет именно фундаментальных наук, а также из других стран (в частности, из Индии, хотя в количественном отношении в гораздо большей пропорции оттуда импортируются программисты)²²⁸. Вряд ли можно сомневаться в том, что «сняв пенки» с дерева «плодоносного знания», они купят крупнейших теоретиков, на подготовку которых необходимы сотни миллионов долларов, в других странах (их могут привлечь высокие оклады и передовое лабораторное оборудование).

Как раз посредственные, а отнюдь не элитные вузы предпочитают узкую специализацию. Это приводит к тому, что студенты многих университетов (в том числе американских неэлитных) не знают элементарных вещей, не относящихся к их непосредственной специализации. Профессора порой читают не сквозной общий курс (хотя в программе значится именно он) а отдельные куски этого курса, именно те, на которых и специализируется этот профессор; по существу студент получает сумму спецкурсов.

Конкуренция элитных вузов. Социология элитного образования с особым интересом исследует конкуренцию между элитными вузами, выявление их рейтингов, определение того, из чего складываются эти рейтинги. Высокий рейтинг – важнейший показатель элитности вуза; его обретение и

---

²²⁸ Профессор университета Джона Гопкинса, автор более 200 запатентованных технических инноваций Дж. Уэст в интервью корреспонденту Нью-Йорк Таймс высказал свое беспокойство в связи с угрозой американскому лидерству в области технических и научных инноваций со стороны Индии и Китая. Чтобы улучшить ситуацию для США в области инновационной политики, стимулировать американские инновации, Уэст рекомендует повысить уровень образования в области математических и естественных наук в средней школе. Уэст отмечает Индию и Китай среди стран, которые бросают вызов американскому лидерству в области инновационных технологий. (The New York Times, November 28, 2005).

поддержание является ключевой задачей университета, его профессоров, его администрации, его спонсоров: рейтинг университета прямо отражается на его благосостоянии. И стоит ли говорить, что менеджеры, спонсоры, и в целом все действующие лица, причастные к университетскому бизнесу, «собаку съели» на всех его тонкостях.

И не случайно, что с тех пор, как в нашей стране стали утверждаться рыночные отношения, всем в большей или меньшей степени причастным к образовательных учреждений пришлось, повышать свой профессиональный уровень как менеджеров в сфере образования. Как пишет профессор Ю.Рубин, ректор Московской финансово-промышленной академии, ныне рынок образовательных услуг не пугает даже самых ортодоксальных приверженцев чистоты университетского образования. «...Конкуренция – взаимодействие заинтересованных сторон рынка, каждая из которых претендует на относительно лучшие условия ... и относительно большую выгоду в попытках избежать чрезмерного расширения диапазона применения «рыночных» терминов оградить себя от возможных обвинений в «товаризации» образования... субъекты рынка образовательных услуг трактуются исключительно как партнеры... но рынок образовательных услуг от этого не превращается в нерыночную субстанцию»²²⁹.

Но пока вернемся к американским университетам. Попробуем выяснить их специфику, для чего нам необходимо будет обратиться к истории американских университетов. Первые американские вузы начали создаваться в XVII веке в наиболее развитой части страны, на северо-востоке США, главным образом, в Новой Англии. К XX в. они объединились в элитную группу вузов, так называемую Лигу плюща (Ivy League). В нее вошли Гарвард, Йель²³⁰, Принстон, Колумбия, Пен (Пенсильванский университет), Дартмут, Корнелль, Браун. Долгое время эти вузы лидировали в рейтингах университетов США, но с последней трети XX века они стали испытывать сильное давление со стороны вузов других регионов, прежде всего, Тихоокеанского побережья страны.

Сентябрьский номер журнала Economist 2005 г. утверждает, что американская система высшего образования – лучшая в мире, и что хотя плата за обучение в элитных университетах США достигает до \$40000 в год, абитуриенты, написавшие лучшее сочинение и показавшие лучшие результаты, непременно будут зачислены в эти университеты благодаря системе грантов и взносов, сделанных благотворительными фондами

²²⁹ Высшее образование в России, № 1, 2007, с.с. 26-27.

²³⁰ Хотелось бы отметить, что при всей элитарности Йельского университета там борются с заносчивостью, высокомерием среди студентов знаменитого вуза; часть своего времени студенты уделяют тому, что у нас в советские времена называлось «общественной работой» (студенты являются активистами той или иной партии, экологического или иного общественного движения, активистами благотворительных обществ и т.д.).

Конкуренция в области образования имеет место во всех странах с рыночными отношениями, но она особенно остра именно в тех из них, в которых имеются элитные университеты. Впрочем, и в этих странах конкурентная борьба различается по степени остроты, по ее интенсивности, по ее формам. Так, в Великобритании она не столь остра, как в США, потому что трудно оспаривать лидерство Оксфорда и Кембриджа (порой исследователи элитного образования называют этих лидеров единым словом «Оксбридж»). Разумеется, это лишь подстегивает конкуренцию между ними, но отрыв от других университетов слишком значительный, чтобы опасаться потери, по существу, исключительного положения этого элитного дуэта, его монопольного (точнее олигопольного) положения. Близкая ситуация складывается в ряде других стран, например, в Японии, где лидерство токийского университета почти столь же трудно оспорить. В США конкуренция гораздо более сильная, и лидерству Гарварда бросает вызов Принстон (и на год-два выигрывает первенство) или Йель и другие университеты Ivy League, а также университеты, не входящие в Лигу Плюща, но не менее знаменитые, такие, как Стэнфордский, Джорджтаунский, Беркли или такие богатейшие, как Техасский университет.

Интересно сравнение американской и западноевропейской систем высшего образования. Европе трудно конкурировать в этом отношении с США прежде всего по экономическим соображениям. Если США тратят на обучение одного студента св.20 000 долларов в год, то страны старого континента – в два-три раза меньше. Уже это подрывает конкурентоспособность Западной Европы в области образования. В докладе по вопросам высшего образования в Евросоюзе, представленном в 2004 году Еврокомиссией, говорится: «Рост недофинансирования европейских университетов подрывает их возможности по привлечению лучших талантов и совершенствованию научной и преподавательской деятельности. Из 3300 университетов только пара десятков старинных, именитых вузов формирует репутацию высшего образования ЕС, остальные оставляют желать лучшего»²³¹.

Специалисты по социологии образования часто подчеркивают, что в странах с рыночной экономикой сфера образования – такой же бизнес, как и любой другой, хотя и обладающий несомненной спецификой. Специфика конкуренции между элитными учебными заведениями в частности, в том, что она идет не за оптимальное соотношение качества и цены продукции, как в других видах бизнеса, а практически исключительно за высочайшее качество образования, так как количество желающих получить образование в самом престижном вузе страны всегда значительно превосходит количество мест, причем независимо от стоимости образования.

---

²³¹ Известия, 19.11. 04.

По каким критериям определяется *рейтинг элитных вузов США* и других западных стран? Многие социологи считают, что критерии определения элитности вуза не могут быть строго объективными, потому что основываются, как правило, на субъективных оценках потребителей, «покупающих» образовательные услуги, а «продавцы» вынуждены руководствоваться рыночным правилом: «покупатель всегда прав». Учитывая опасность подобного субъективизма, американские и западноевропейские специалисты по социологии и экономике образования стараются строго сбалансировать субъективные и объективные критерии определения рейтинга вузов.

Нужно отметить, что этот рейтинг определяется ежегодно, и он сильно влияет на положение университета, в том числе материальное. Рейтинги университетов печатают крупнейшие газеты и журналы – Time, US News & World Report, NY Times, Times, Newsweek, Economist и др. Для всесторонней оценки рейтинга вузов привлекаются признанные специалисты. Среди этих критериев первое место занимает капитализация, активы университета. Некоторые экономисты и социологи считают, что это может быть обобщенным критерием элитности вуза. При этом молчаливо предполагается, что за очень большие деньги можно купить все остальные атрибуты элитности, поскольку именно за большие деньги строятся великолепные здания (при этом тщательно берегутся и реставрируются старые университетские постройки), покупается новейшее оборудование для университетских лабораторий, строятся прекрасные спортивные сооружения – стадионы, бассейны, спортзалы, а, главное, приглашаются лучшие профессора и преподаватели. Абсолютным чемпионом по сумме активов является Гарвард. Газета «Вашингтон Пост» в обзоре от 10 сентября 2006 г. с весьма характерным заголовком «Лучшее образование, которое можно купить за деньги» (автор Дж.Карабел, профессор университета Беркли) оценивает капиталы Гарварда в \$25,9 млрд²³².

Но как раз этот, по мнению большинства специалистов по социологии и экономики образования, наиважнейший показатель элитности университета и подвергается наибольшей критике. И морально ли ставить этот критерий на первое место при определении рейтинга элитности университета? Это вопрос, на который у нас нет готового ответа (тем более, что Гарвард является чемпионом и по другим критериям, о которых речь пойдет ниже). Строгий моралист непременно скажет: позор, что в такой благородной сфере человеческой деятельности, какой является высшее образование, тем более элитное, во главу угла ставятся деньги. Тут придется рассмотреть диалектику цели и средств. Могут ли элитные вузы рассматривать зарабатывание денег как цель, рассматривать деньги как

²³² The Best Education Money Can Buy, Reviewed by J. Karabel, (<http://www.Washingtonpost.com>) (Sept. 10, 2006).

абсолютную самооценку? Это значит потерять себя как элитное учебное заведение. Но ведь деньги можно рассматривать как средство, с помощью которого обеспечивается функционирование университета и его процветание. Можно задать и вопрос о том, насколько морально чисты те миллиарды долларов, в которые оценивается капитал, скажем, первой сотни элитных вузов? Богатства старых университетов, таких как Оксфорд, Кембридж накапливались столетиями, более молодых элитных университетов Нового Света, таких как университеты «Лиги плюща» – более столетия. Начнем с недвижимости, конкретно с земли, которая принадлежит элитным университетам. Во многих странах мира, прежде всего в Европе и Северной Америке, эти земли были подарены государством данным университетам. Далее, очень многие выпускники этих европейских и американских университетов считают своим долгом делать пожертвования в пользу университетов, которым они во многом обязаны своей карьерой. Позднее к таким благотворителям присоединились выпускники элитных вузов других стран и континентов (в том числе элитных вузов России. Конечно, Россия – европейское государство, но тут добавление России связано с тем, что был перерыв в благотворительности в период «социализма»).

Но в XXI веке уже не пожертвования отдельных благотворителей и даже благотворительных фондов играют главную роль в капитализации большинства элитных вузов. На первое место вышел фандрейзинг (fundraising) и другие формы сотрудничества вузов с бизнесом, с фирмами и даже с целым рядом крупнейших корпораций, когда элитные вузы оказывают фирмам ответные услуги, например, фирмы пользуются брендом знаменитого университета для поднятия своего рейтинга, университеты участвуют в научно-исследовательских проектах, в которых заинтересованы фирмы, осуществляют постоянную консультацию этим фирмам. Университеты часто создают целые подразделения, отвечающие за контакты (в том числе и неформальные) с выпускниками прошлых лет, с крупными фирмами – возможными спонсорами,²³³. Как мы видим, время

---

²³³ Английский журнал The Economist жалуется на то, что элитный Оксфорд испытывает трудности с увеличением своей капитализации (приблизительно в два миллиарда фунтов стерлингов), в то время как американские элитные университеты ежегодно богатеют: Гарвард, который с помощью фандрейзинга и других средств увеличил свою капитализацию за последние два десятилетия более чем на \$ 20 млрд., Йель – более чем на \$10 млрд., Принстон – около \$ 10 млрд.

Причинами этого являются меньшее количество богатых людей в Британии, отсутствие глубокой современной традиции филантропии и бытующее общественное мнение, что откровенное выпрашивание университетами денег сродни невоспитанности... По сравнению с армией американских фандрейзеров усилия Британии ничтожны. Королевский колледж нанимает всего 13 человек, которые занимаются развитием университета и взаимоотношениями с бывшими воспитанниками. Пополнение фондов слишком часто очень скромное и однообразное. . .

простой благотворительности уходит, уступая место деловому сотрудничеству университетов и бизнеса. Финансовые доноры предпочитают успешные, перспективные вузы, которым они не просто оказывают финансовую поддержку, но которых они делают своими деловыми партнерами, инвестируют их наиболее перспективные проекты. Крупные вузы США и др. стран все больше зарабатывают на заказах от частных фирм и государственных организаций. И подобно тому, как фирмы создают бизнес-планы, университеты стали разрабатывать долгосрочные планы зарабатывания денег.

Все это можно понять, но хочется, однако, сказать, что, по нашему мнению, университеты не должны слишком увлекаться увеличением капитализации вузов, чтобы это не заслонило высокую цель элитного образования (при этом мы не добавляем: и элитной науки, так как это было бы тавтологией: подлинная наука всегда элитна²³⁴), чтобы средства (зарабатывание денег) – не превращались в самоцель, не заслоняли главное, – что элитные университеты – это храмы образования и науки.

Элитные университеты, как правило, отличаются менеджментом высокого класса, позволяющим им сочетать финансовые интересы университета с требованиями высочайшего уровня образования (хотя, на наш взгляд, лучше выглядела бы другая формула – подчинять финансовые интересы интересам образования и науки). Большую роль в управлении западными, прежде всего американскими элитными университетами играют попечительские советы, в состав которых обычно входят как крупные бизнесмены, так и известные политические, социальные, культурные деятели, пользующиеся большим уважением в стране, а порой и в мире. В уставах элитных университетов мира подчеркиваются высокие моральные

У Британских университетов хуже обстоят дела с интеграцией доноров в университетскую жизнь. Сопроводительный комитет для библиотеки, скажем, в Гарварде включает финансовых доноров и университетских честолюбцев, в неформальной обстановке обсуждающих интересный проект... в отличие от американских британские университеты могут запихнуть крупных доноров в «формальный и жуткий» комитет. « В Гарварде же им дают почувствовать, что они вкладывают гораздо больше, чем просто деньги». (The Economist, April 17th, 2004, p.p.42- 43).

²³⁴ Любая наука в определенном смысле элитна, и ее развитие – это поиск и отбор лучшего из возможных вариантов. Развитие науки в самом общем виде – это выявление и сохранение лучшего (и отбрасывание худшего, не оправдавшего себя). Это лучшее становится достигнутым на определенный момент уровнем развития науки, на котором вновь выявляется, отбирается лучшее, новое, прогрессивное, то есть развитие науки и есть выбор элитного и, в известном смысле, она – практическое применение законов элитологии (См. Карабущенко П.Л., Антропологическая элитология, М.–Астрахань, 1999, с.15; Ашин Г.К. Элитология, с.9).

принципы, на которых они основываются, говорится о неприемлемости нечестности. Так, плагиат, списывание контрольных работ, шпаргалки являются достаточной причиной для отчисления из вуза (с сообщением об этом по интернету). К сожалению, в элитных вузах России отношение к такого рода нечестности гораздо более толерантно.

Элитные университеты всегда уникальны, они всегда занимают особую нишу в образовательной системе страны, мира в целом. Поэтому каждый из них выстраивает определенную стратегию, которая должна выразить миссию университета как такового и определенного элитного университета в его уникальности. Мало сказать, что они должны отвечать международным стандартам качества высшего образования, например, требованиям Болонской конвенции, они превосходят эти критерии, открывая перспективы дальнейшего развития мирового образования.

Одной из важнейших особенностей элитных университетов является соединение обучения с научно-исследовательской работой, высокая наукоемкость изучаемых предметов, участие в международных и федеральных научных программах, количество грантов и национальных и международных премий, полученных университетом, качество оборудования научных лабораторий.

Элитные университеты, отличаются и тем, что в них формируются и развиваются *научные школы*, и, прежде всего, школы мирового уровня. Их наличие и своеобразие и делает такой университет уникальным соединением образовательного и научно-исследовательского процесса²³⁵.

---

²³⁵ Приведем, как пример, такой элитный вуз, как МГИМО(У), в котором сложился уникальный комплекс научных школ, связанных с международными отношениями. Это – школа истории и теории международных отношений, традиции которой заложены такими крупнейшими специалистами по истории международных отношений, как академики Е.В.Тарле, Л.Н.Иванов, В.Г.Трухановский, Н.Н.Иноземцев, В.В.Журкин, Н.Н.Болховитинов. Это – школа востоковедения МГИМО, блестящими представителями которой являются академики Е.М.Примаков, Е.П.Чельшев, Н.Ф.Симония, члены-корреспонденты АН СССР и РФ М.С.Капица, А.В.Торкунов. Это – правовые школы МГИМО, представителями которых являются академики И.П.Трайнин, Б.Н.Топорнин, член-корр. АН РФ М.В.Баглай. Это – философско-социологическая и политологическая школа МГИМО, традиции которой закладывали академик Г.П.Францов и проф.А.Ф.Шишкин, представителями которой являются академики Г.А.Арбатов, Г.В.Осипов, Д.М.Гвишиани. Мы назвали только некоторые из научных школ МГИМО. Отметим, что у этих школ появились дочерние школы, такие как школа элитологии и др. Уникальной является система преподавания иностранных языков МГИМО. В мире нет другого учебного заведения, в котором бы преподавалось такое число иностранных языков, причем на высоком уровне (в настоящее время здесь преподается 52 иностранных языка). Следует сказать о важности рефлексии по поводу статуса элитного университета, его функций и, выражаясь высоким штилем, его миссии. Это, как говорилось на одном из совещаний ректоров вузов России, ее национальное достояние. Элитный вуз всегда уникален. И потому он является и мировым достоянием.

Рассмотрим другие позиции оценки элитности вуза большинством западных специалистов по элитному образованию, прежде всего кадровые критерии – количество лауреатов Нобелевской премии, работающих в университете, (отдельной строкой идет количество лауреатов Нобелевской премии – выходцев из данного университета²³⁶), количество членов национальной академии, а также глав научных школ и направлений – национальных и мировых; количество иностранных профессоров с мировым именем, количество преподавателей – докторов наук.

– качество профессорско-преподавательского состава (одним из важнейших показателей при этом считается количество статей, опубликованных в ведущих научных изданиях мира и монографиях), индекс цитируемости профессоров и преподавателей вуза, их риторическое мастерство;

– репутация университета (оценка его академическим сообществом, конкурс в этот университет, оценка университета работодателями);

– методическое обеспечение учебного процесса, новейшие методические разработки и программы, элитизирующие учебный процесс, индивидуальный подход к студентам, та система преподавания (прежде всего инновационная), которую можно назвать элитопедагогикой;

– селекционные критерии: меритократические принципы приема в вуз, независимая экспертиза приема;

– качество преподавания, соотношение количества преподавателей и студентов: чем больше эта дробь, тем более обеспечивается индивидуальный подход к обучающимся;

– величина библиотеки (количество единиц хранения) и качество ее обслуживания, при этом больше ценятся не огромные единые библиотеки, а множество специализированных библиотек (напр., библиотека философская, социологическая, политологическая и т.д.; таких специализированных библиотек в Гарварде – около тридцати, в Оксфорде – больше двадцати);

– традиции университета, его история, количество знаменитостей среди его выпускников: президентов, премьер-министров и выдающихся министров, мультимиллиардеров, знаменитых ученых и др.;

²³⁶ А это различие Нобелевских лауреатов, работающих в данном университете и окончивших данный университет – весьма важно прежде всего для США. Дело в том, что примерно половина Нобелевских лауреатов, работающих в американских университетах, – это эмигранты, родившиеся и, главное, что нас особенно интересует, получившие образование не здесь, а совсем в других странах. В США они приехали, привлеченные богатством лабораторий и, не в последнюю очередь, высокими заработками. Отметим попутно, что около 60% аспирантов, получивших в американских университетах PhD (докторскую степень) – иностранцы. (Это не упрек Соединенным Штатам, притягивающим способных людей со всего мира, но лишь констатация факта).

- спрос на воспитанников университета (некоторые специалисты по социологии высшего образования считают это наиважнейшим критерием в рейтинге университетов). Порой выпускники Гарварда могут не особенно утруждать себя в поисках работы – за большинством из них охотятся рекрутеры, представители известных фирм, заработная плата при поступлении на службу после окончания университета может превышать \$100 тысяч, (а зарплата выпускников бизнес-школ Университета Пенсильвании, Гарвардского и Колумбийского университетов может превышать \$150 тыс. долл.²³⁷);
- банк данных выпускников вуза, реализация их элитного образования в практической сфере; связь вуза со своими выпускниками, послевузовская помощь им в случае необходимости, но чаще эта связь выливается в систематическую спонсорскую помощь *alma mater*;
- не только востребованность выпускников, но и перспективы их дальнейшей деятельности, карьерный рост выпускников университета (составление таких данных обычно – забота кадровых служб университета);

Наконец, важное место среди критериев элитности вуза занимает уровень спортивной жизни в университете, количество чемпионов Олимпийских игр, чемпионов мира, победителей национальных первенств, знаменитых спортивных тренеров, количество и качество спортивных сооружений.²³⁸

Итак, элитный вуз – тот, который дает элитное образование – это высшая категория качества вуза; допуск к нему обычно ограничен (несмотря на декларируемую открытость и меритократические принципы отбора), в него, как правило, (в частности, в элитные университеты Великобритании, США) прежде всего попадают выходцы частных колледжей с высокой стоимостью обучения. Социальная база студентов и аспирантов элитных вузов в значительной мере совпадает с привилегированными элитными группами общества, это, прежде всего – *upper, upper middle classes*.

---

²³⁷ Известия. 28. 01. 2005 г.

²³⁸ Отметим, что начиная с 2001 г. существовавшее тогда Министерство образования РФ ввело ежегодное составление рейтингов вузов. Места в нем распределяются по следующим критериям: качество преподавания, объем научных исследований, востребованность выпускников на рынке труда и др. Рейтинги элитных вузов России публикуют и многие средства массовой информации. Так, АиФ предлагает свой рейтинг, составленный по следующим основаниям: конкурс (человек на место); трудоустройство выпускников; сумма расходов на одного студента в год; площадь общежития на 1 студента; стоимость обучения на коммерческой основе (у.е.в год). Большинство публикуемых рейтингов страдают существенными неточностями. Так, в приведенном рейтинге в АиФ (данные подготовлены экспертами издания «Карьера») а котором охватываются более 50 лучших вузов России, отсутствуют такие, несомненно, элитные вузы, как Высшая школа экономики и др. Вряд ли можно сомневаться в том, что один из важнейших показателей элитности вуза – наличие его выпускников в высших органах власти. По данным Российского агентства «РейтОР», из 27 вузов, выпускники которых вошли в высшие эшелоны исполнительной власти в РФ, лидерами являются МГУ, СПбГУ, МГИМО (Известия, 27.05.2005).

К элитным университетам традиционно относятся университеты «Лиги Плюща». Степень, полученная в них, производит впечатление на потенциального работодателя и обеспечивает допуск к «сильным мира сего». В целом, те, кто в США окончил частные университеты, имеют более престижную и высокооплачиваемую работу, чем те, кто посещал государственные университеты.

Но это еще не все. Как писал еще Р.Миллс в своей известной книге «Властвующая элита», для искателя элитной позиции, для стремящегося быть «подлинным аристократом», недостаточно просто окончить Гарвард или Йель. Важно, какой Гарвард или Йель ты закончил. Под «настоящим» Гарвардом имеется в виду тот или иной аристократический клуб при этом университете – «Порселайн» или «Флай», под «настоящим» Йелем – «Фэнс» и т.д. В элитных учебных заведениях складывается специфическая элитарная субкультура, поддерживаемая фамильными связями, закрытыми школами, клубами.

Естественно, что руководствуясь различными критериями, авторы рейтингов приходят к различным результатам. Так, опираясь на первый признак – уровень капитализации вузов, журнал «Экономист» предлагает следующий рейтинг первой десятки элитных вузов:

Гарвард (капитализация – свыше \$ 20 млрд.) Йель (ок. \$ 10 млрд.). Далее по убывающей по критерию капитализации: Принстон; Техасский университет; Стэнфорд; МИТ (Массачусетский технологический институт); Калифорнийский университет; Колумбия; Эмори; Оксфорд²³⁹.

Предпочитая комплексный подход к критериям выявления элитности вузов и опираясь на критерии, разработанные, главным образом, американскими исследователями элитного образования, Институт высшего образования Шанхайского университета составил в 2004 г. рейтинг 500 лучших университетов мира²⁴⁰.

²³⁹ The Economist, Apr.17,2004, p.43.

²⁴⁰ В первую десятку вошли, как и следовало ожидать, главным образом, американские университеты – Гарвард, Стэнфорд, Калтек (Калифорнийский технологический институт), Беркли, Массачусетский технологический институт, Принстон, Йель, Колумбия, а также два британских – Кембридж (5-е место) и Оксфорд (9-е место). В двадцатке лучших только Токийский университет разрывает список американских и британских элитных университетов, заняв девятнадцатую позицию. Первым из канадских вузов стоит университет Торонто (23-е место). Среди вузов европейского континента 25-ю строчку занял Швейцарский технологический институт в Цюрихе, далее по списку шведский королевский институт в Стокгольме (39-е место), Нидерландский университет Утрехта. МГУ оказался на 112 месте, Санкт-Петербургский гос. университет на 422. Мы еще будем говорить о причинах явного занижения рейтингов российских вузов (<http://www.izvestia.ru/article/260587> 8. 12. 04.).

Составленный исследователями Института высшего образования Шанхайского университета в 2005 г. рейтинг Top-500 лучших университетов, как и предполагалось, вновь возглавляет Гарвард. Если разделить эти 500 университетов на регионы, то в Европе (куда

Отметим, что выбор критериев для оценки рейтинга вуза отличается большей или меньшей долей субъективности. Это относится, в частности, к абсолютизации большинством американских специалистов по социологии образования критерия, который они считают главным – капитализацию вуза («сколько стоит» тот или иной вуз), принижая другие критерии. Не случайно, что при такой методике подсчета рейтинги российских вузов оказываются неизменно заниженными. Ректор МГУ В.Садовничий справедливо считает, что нам «не нужно подгонять наше образование под западные стандарты. Мы должны сопоставлять две системы, а это не одно и то же. Нельзя ломать то хорошее, что у нас есть. Во главу угла нужно ставить компетентность выпускников вуза. Если мы возьмем, например, учебный план любого нашего факультета, количество часов, экзаменов, научные работы, которые написал наш специалист, будучи студентом, то окажется, что он подготовлен более основательно, чем магистр любого вуза мира». Отмечая качество обучения, В.Садовничий заверяет, что МГУ выходит на уровень Гарварда, и что многим западным университетам «придется тянуться за нами»²⁴¹. Полезность составления рейтингов наших вузов признал министр образования и науки А.Фурсенко, но заметил, что часто он является инструментом манипулирования, а потому в составлении рейтингов должны участвовать заказчики – экономисты, бизнесмены, работодатели, гражданское общество. Одним из критериев качества вуза должна быть успешность его выпускников.

Все вузы при желании могут быть поделены на 3 категории: 10-20 вузов-лидеров, готовящие национальную элиту и получающие дополнительные финансы, 100-150 – «более узко направленные вузы», не имеющие истории (а значит, бренда); вузы, больше выполняющие социальные, чем образовательные функции²⁴².

исследователи внесли и Россию) их 205, в Северной и Южной Америке – 198, на третьем месте оказался Азиатско-Тихоокеанский регион (93 вуза), и в Африке – 4 вуза.

Отметим, что те же исследователи Шанхайского Института высшего образования в 2006 г. писали о «неприлично низком» уровне высшего образования в ЕС (Academic Rankking of World Univercities-2006. Institute of Higher Education. Shanghai Jiao Tong University).

Если разбить рейтинг на страны, то лучшие университеты мира находятся в США (168), на втором месте стоит Великобритания (40), третью строчку занимает Япония (36), далее идут ФРГ, Канада, Швеция, Швейцария, Голландия и, на десятом месте, Австралия. В Топ-20 только три вуза – Кембридж, Оксфорд и Токийский университет не являются американскими. МГУ отдано 67-е место, СПбГУ – 342. В рейтинге 100 лучших европейских университетов МГУ отведено 19 место. В рейтинге МВА-программ лидерами оказались Гарвард, Стэнфорд и университет Пенсильвании. Отметим, что американская радиостанция «Свобода» в передаче от 07.09.06 г. поставила во главе рейтинга лучших университетов мира Гарвард, Принстон, Кембридж.

²⁴¹ Известия, 03.10.2004 г.

²⁴² Известия, 04.05.2004 г. Следует отметить, что с точки зрения классификации российских вузов отрицательную роль сыграла имевшая место в 90-х годах «университизация»

Что касается самого понятия «университет», то в нашей стране оно значительно, часто неправомерно расширилось. Это одно из негативных последствий кризисного периода нашей образовательной системы в 90-х годах, когда произошло законодательное закрепление за рядом учебных заведений по не очень внятным принципам разряда «университет», когда ряд рядовых и специализированных вузов был искусственно поднят до уровня академий и университетов. В то время это было элементом адаптационной стратегии вузов в борьбе за ресурсы, за правительственные субсидии. В действительности эти преобразования нанесли ущерб репутации российских вузов, привели к снижению их статуса.

Что касается престижности российских вузов, этот вопрос требует дальнейшего исследования. «Сейчас существует много рейтингов, – сказал в интервью еженедельнике «Аргументы и факты» в августе 2006 г. министр образования и науки РФ А.Фурсенко.– Престижность вуза часто очень отличается от того, какую реальную зарплату новоиспеченному специалисту предлагают работодатели. По рейтингу эти позиции могут отличаться на 7-8 пунктов. Уважающие себя вузы начинают собирать статистику по трудоустройству выпускников и их карьерному продвижению и публиковать

высшего образования, когда статус университета получали не отвечающие критериям университета небольшие узкоспециализированные вузы. Для поднятия статуса университета и улучшения управления им в последнее время стали выдвигаться различные проекты по изменению структуры управления университетами, в частности, введения наряду с ректором должности Президента университета, который будет призван определять общую политику университета, не только научную и образовательную, но и финансовую (привлечение спонсоров и т.д.), создания попечительских советов, в который вошли бы прежде всего потребители вузовской «продукции». Появились и предложения о назначении, а не избрании ректоров университетов, что, на наш взгляд, означало бы урезание университетской демократии. и объективно принижало бы роль ректора (каков будет авторитет ректора, если он не имеет поддержки коллектива).

Определение рейтинга университета – сложнейшая проблема. Даже когда несколько лет назад МГУ заказал независимую экспертизу качества своего образования шведским специалистам и получил заключение, что дела у него в полном порядке, выяснилось, что ведущим критерием оценки было количество часов лекционных и семинарских занятий, отводимых на каждый курс. Но реально этот критерий мало что определяет. Все это превращает поступление в вуз в самую дорогую отечественную лотерею. Отсутствие твердых критериев качества привело к тому, что ныне, по данным социологических исследований, до половины студентов выбирают вуз, опираясь на отзывы сверстников о проводимых там дискотеках, возможности знакомств с противоположным полом и беззаботной жизни. Элитные вузы, озабоченные пополнением кадров – МГУ, СПбГУ, МГИМО, Академия народного хозяйства при правительстве РФ, Высшая школа экономики, МГТУ им.Н.Баумана, МИФИ, тщательно изучают абитуриентов. Многие элитные вузы участвуют в ряде корпоративных программ: готовят студентов по прямым договорам с компаниями. Их студенты по результатам конкурсных научных работ получают от корпораций гранты, стипендии, принимаются на производственную практику.(Известия, 20,01,04.).

ее»²⁴³. В процесс оценки вузов вовлекается широкая общественность. Чем шире и авторитетнее круг оценивающих, тем больше вероятности объективности рейтинга вузов. Весьма весомым является мнение работодателей, непосредственных «потребителей» продукции вузов. На интернет-пресс-конференции А.Фурсенко 23.10.2006 г. была подчеркнута возрастающая активность в этом вопросе со стороны бизнес-сообщества.

Одну из первых попыток выстроить вузы по степени востребованности их на рынке труда предприняло рейтинговое агентство «РейтОР». Опрашивались работодатели. Хит-парад столичных университетов оказался несколько неожиданным: выяснилось, например, что безусловный лидер всех опросов МГУ вовсе не гарантирует своим выпускникам высокой зарплаты. Самую высокую зарплату, по опросу «РейтОР», после окончания вуза получают выпускники МГИМО(У), затем Академии им. Плеханова и МФТИ. Впрочем, они же больше всех и вкладывают в обучение. Национальное рейтинговое агентство «Росрейтинг» определило первую пятерку среди государственных и негосударственных вузов страны за 2006 год. Расстановка среди государственных вузов за последний год существенных изменений не претерпела: список по-прежнему возглавляет МГУ, популярность которого, несмотря на ежегодно возрастающую сложность поступления, не падает. Далее идут Санкт-Петербургский гос.университет, МГИМО(У), Российский ун-т дружбы народов, следом идут Институт иностранных языков (Санкт-Петербург) и Гос. университет – высшая школа экономики. Среди негосударственных вузов на первое место вышла Московская финансово-юридическая академия²⁴⁴.

Министерство Образования и науки РФ последние годы публикует рейтинги лучших вузов РФ по отраслям²⁴⁵: *Менеджмент и экономика*: Гос. Университет–Высшая школа экономики, МГИМО(У). *Государственная служба*: Российская академия гос.службы при Президенте РФ, МГИМО(У). *Энергетика*: МГТУ им. Баумана, Моск. Энергетический ун-т²⁴⁶. *Информационные технологии и телекоммуникации*: Моск.гос. ин-т электронной техники (университет), МГТУ им.Баумана.

В 2007 г. еженедельник «Аргументы и факты» опубликовал рейтинг вузов по числу их выпускников, принадлежащих к элите российского государственного управления: МГУ (79), Санкт-Петербургский гос.

²⁴³ АиФ, № 33, 2006.

²⁴⁴ <http://www.tden.ru/articles/society/> 19.10.2006

²⁴⁵ АиФ, № 28, 2006.

²⁴⁶ Приведем результаты последнего исследования агентства «РейтОР» в августе 2007 г. Лидерами по выпуску наиболее востребованных на рынке труда экономистов стали следующие вузы: Гос. ун-т -Высшая школа экономики, МГИМО(У), Моск.гос. открытый ун-т, Российская экономическая школа, РУДН, Финансовая академия при Правительстве РФ.(Аргументы и Факты, № 31, 2007).

университет (48), МГИМО (28), Московская гос. Юридическая Академия (17), Уральская гос. Юридическая академия (17).²⁴⁷

* * *

В заключение, опираясь на опыт мирового элитного образования и, прежде всего, исходя из потребностей социально-экономического и политического развития России, попытаемся поставить вопрос о том, какова должна быть государственная политика России в области элитного образования. Прежде всего, необходим курс на постоянное увеличение инвестиций в область народного образования в целом, это – магистральный путь возрождения России с ее великими культурными, научными традициями. Нужна «точечная» поддержка талантливой и способной молодежи, которая бы включала в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом, уже опробованным нами путем проведения конкурсов – региональных и общероссийских, олимпиад, присуждение грантов их победителям и призерам, чтобы они могли подготовиться для поступления в элитные вузы страны (особенно это касается помощи одаренным детям, талантливой молодежи, живущей в провинции, в городах и селах, далеких от культурных центров). Это должно быть важным элементом государственной политики в области образования²⁴⁸. Большинство стран особым образом финансирует ограниченное количество своих элитных университетов.

Еще раз сравним образовательные системы России и США, прежде всего, с точки зрения развития в них элитного образования. Мы видели глубокие различия этих систем, связанные с различием исторических традиций, менталитета, экономической и политической структуры этих стран, наконец, мобилизационным или инновационным типами развития.

Несомненно, что в наибольшей степени эти образовательные системы различались в период, когда в нашей стране была установлена советская власть. Американская система образования всегда строилась по типу плюралистического развития, в котором конкурировали разные образовательные модели, где важную роль, наряду с государственными образовательными программами, играли программы, разработанные

---

²⁴⁷ АиФ, № 12, 2007. Добавим, что этот рейтинг можно было бы сделать более точным, если посчитать, сколько человек на тысячу выпускников исследуемых вузов заняли элитные позиции МГУ намного обошел в рейтинге МГИМО(У), но ведь число студентов в МГУ на порядок больше...

²⁴⁸ Министр образования и науки А.Фурсенко доложил Государственной думе 27.01.2006 г. проект, разработанный министерством, который предусматривает государственную поддержку инновационных вузов на конкурсной основе.(ИТАР-ТАСС, 27.01.2006), и в 2006-2007 г. он проводится в жизнь.

общественными организациями, причем федеральные носили скорее совещательный, чем директивный характер (что естественно при существовании частных образовательных институтов), где большое влияние на образование оказывали власти штатов и местные органы власти. Иначе говоря, это система с высокой степенью децентрализации.

Противоположную модель образовательной системы представляла собой советская система образования – это был государственный диктат, унификация, идеологизация учебного процесса, господствовал эгалитаристский подход к организации системы образования.

В постсоветский период образовательная система России быстро продвинулась в направлении ее деидеологизации; перестал существовать тотальный государственный контроль, идет процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов, большего учета групповых и индивидуальных запросов населения. Иначе говоря, это явный переход к плюралистической модели образования. Таким образом, мы можем констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России, стран Западной Европы и Северной Америки в рамках парадигмы плюралистической образовательной системы. Тем более это ощутимо с принятием Россией Болонской конвенции, связанной с процессом вхождения российского высшего образования в европейскую и мировую образовательную систему.

И, в сущности, описываемый нами процесс – это только частный случай подобных конвергентных тенденций. Движение России от этатизма, от политического монизма к плюрализму политической системы, несомненно, сближает ее с политической системой Западной Европы и Соединенных Штатов. Выше мы также видели движение российских моделей рекрутирования элиты – от номенклатурной к плюралистической, к многоканальности рекрутирования элит, одним словом, к более открытой системе рекрутирования элит, что также сближает ее с системой рекрутирования американских и западноевропейских элит. Итак, мы можем констатировать общее движение различных социально-политических структур к плюралистическим моделям, причем моделям открытым, в большей мере отражающим демократические процессы в современном мире.

Главные проблемы образования в нашей стране – доступность и качество. Если элитное образование – это образование высокого качества по определению, то проблема его платности вызывает большую озабоченность, поскольку именно она отсекает от качественного образования значительную часть талантливой молодежи. К сожалению, стоимость высшего образования непрерывно растет. Министр образования и науки РФ, обосновывая это, указывает, что сокращаются непрофильные для вузов

специальности²⁴⁹. Отчасти это так. Но сокращается и общее число бюджетных мест. В нормативе любые формы образования, в том числе элитного, должны быть доступными для всех желающих, и потому бесплатными. Бесплатность для особо талантливых, одаренных абитуриентов должна быть гарантирована и реально обеспечена государством, обществом, так как потеря любого из этих потенциальных абитуриентов – большая потеря для государства. Это может быть обеспечено системой грантов, государственных кредитов с отсрочкой их выплаты, государственной системой отслеживания одаренных детей в средних школах, приемом без вступительных экзаменов победителей всероссийских олимпиад, специальной системой отбора особо одаренных из числа оканчивающих среднюю школу, заботой самих вузов обеспечить селекцию одаренной молодежи. МГУ, Санкт-Петербургский университет и другие элитные вузы страны имеют большой опыт выявления и отбора талантливой молодежи, (например, много десятилетий такую селекцию на математический факультет выполняла математическая школа при МГУ), практику специальных командировок работников элитных вузов в различные, в том числе отдаленные регионы страны²⁵⁰. Да, не все окончившие школу поступают в вузы, тем более в элитные вузы, но каждый талантливый выпускник школы должен получить возможность быть выслушанным экзаменационной комиссией и, в случае положительного решения, он должен получить место в общежитии и стипендию.

Важно, чтобы в стремлении к элитному образованию выпускники российских школ не рвались в западные вузы, а понимали, что элитное образование, причем оптимальное с точки зрения российских условий и возможности сделать карьеру в России они могут получить в элитных вузах России, чтобы наши по-настоящему элитные вузы были центрами притяжения молодых людей.²⁵¹

---

²⁴⁹ АиФ, № 23, 2007 г.

²⁵⁰ Сошлемся на опыт такого элитного вуза, как МГИМО(У) с его системой приема без вступительных экзаменов победителей телевизионной игры «Умники и умницы», открытого конкурса в МГИМО(У), осуществляемого совместно с газетой «Известия», когда ежегодно 12 лучших конкурсантов принимаются в МГИМО(У) и т.д.

²⁵¹ Следует сказать о ряде небезуспешных попыток реэмиграции российских студентов на родину. В московском Международном университете решили попытаться вернуть в Россию «мозги» – пригласить на обучение детей русских эмигрантов, проживающих в Европе и Америке. И эмигранты откликнулись. – во-первых, это дешевле, во-вторых, российское образование – особенно фундаментальное образование, - всегда считалось выше образования западного, а в-третьих – загадывают преподаватели университета, – вдруг дети эмигрантов, осмотревшись в современной России, захотят эмигрировать «обратно»?

Взяв на вооружение западный опыт студенческих городков. Международный университет построил свой кампус «Кунцево» в нескольких километрах от Кольцевой дороги. Сегодня в этом студенческом городке живут и учатся студенты не только из России, но и из Греции, Турции, бывшей Югославии и целого ряда других стран. Есть среди них и

В течение двух десятилетий второй половины XX века Россия была в числе лидеров по числу студентов на тысячу жителей. Но уже в 90-е годы ввиду недофинансирования российского образования по этому показателю Россию обогнали не только США, Япония и ряд стран Западной Европы, но и такие восточноазиатские страны, как Южная Корея, Тайвань. Ссылки на экономические трудности не могут оправдать подобную недальновидную политику в области образования, проводившуюся в постсоветской России (особенно в 90-е годы), которая снижает шансы страны на подъем, на возрождение в XXI веке. И отрадно, что в последние годы у нас наметилась прочная тенденция роста количества студентов; соответственно выросло и количество вузов, особенно частных.

И все же – в условиях, когда образование объявлено приоритетной областью развития страны, когда образовательная политика явно сдвинулась в лучшую сторону, можем ли мы уверенно говорить, что в ближайшие годы Россия догонит передовые страны мира в области образования? Чтобы добиться этой цели, нужно увеличить долю ВВП, идущую на финансирование образования, на большую цифру, чем те страны, которые идут в этой области впереди нас. По трехлетнему плану развития страны в первом чтении в Государственной Думе принят за основу бюджет образования на уровне около 5%. Но с таким уровнем бюджета на образование мы не сможем догнать за предстоящее трехлетие страны, вырвавшиеся вперед в этой области (причем у той же Финляндии бюджет на образование – 7,5% ВВП, у США – 5,7%, средняя норма развитых стран – 5%). Значит, реально планируется за трехлетие не ликвидировать имеющееся отставание от наиболее продвинутых в этом отношении стран, а лишь замедление темпов этого отставания. Думается, этого недостаточно.

Известно, что ассигнования на образование – это вложение в будущее страны. Возрождение России как великой державы возможно лишь в том случае, если вложения в образование по отношению к ВВП станут во всяком случае не меньшими, чем таковые у наших партнеров (они же конкуренты). Ибо страна может возродиться не за счет продажи своего газа, нефти и других сырьевых ресурсов (что означает ограбление наших внуков и правнуков и прямую дорогу к превращению в категорию стран «третьего мира»), а только развивая те традиции великой российской культуры, благодаря которым она внесла неоценимый вклад в развитие европейской и мировой цивилизации.

Заканчивая главу об элитных университетах, хотелось бы завершить ее словами: элитный вуз всегда уникален. Российские элитные университеты, как говорилось на одном из совещаний ректоров вузов России – это ее национальное достояние. И, одновременно, мировое достояние.

дети наших эмигрантов. Здесь можно получить два диплома – русский и европейский либо американский. (Известия, 04,03,2002).

Некоторые выводы

Итак, не вещи, не движимое и недвижимое имущество, и не природные, в том числе энергетические ресурсы, не деньги составляют главные богатства общества, они уступают место новому приоритету – информации и интеллекту, производящему и обрабатывающему эту информацию. В постиндустриальном обществе, войти в которое – наша стратегическая цель, большая часть богатства – это не материальные, а духовные ценности, духовная культура, которые создают прежде всего, люди, функционирующие в сфере науки и образования – культурная, научная, образовательная элиты.

В условиях информационного общества элитное образование превращается в глобальную систему, в которой происходят процессы унификации; вместе с тем, сохраняется специфика, своеобразие, сохраняются особенности и традиции элитного образования в разных странах и регионах.

В постиндустриальном обществе, где лидирует экономика знаний, особую роль играет образование и наука, прежде всего *элитное образование*, тесно связанное с производством знаний и подготовкой кадров, владеющих высокими технологиями, производством и анализом информации, кадров высочайшей квалификации, новаторов, открывающих новые горизонты перед человечеством.

В постиндустриальном обществе страна, которая ставит своей целью стать великой энергетической державой, заблуждается. Не бывает великих энергетических держав, это скорее эвфемизм для обозначения «великой державы энергоносителей», иначе говоря, поставщика энергоносителей для стран, обладающих высокими технологиями, экономикой знаний, это стратегия, закрепляющая status quo для России в современном мире. Стратегической задачей для нашей страны должен быть рывок в развитии науки и системы образования, прежде всего элитного, которое и производит кадры для элиты ученых и специалистов по высоким технологиям. Эта задача по плечу нашей стране, имеющей великие культурные и научные традиции.

Культурный и научный потенциал страны в постиндустриальном обществе определяется не средним образовательным уровнем населения или уровнем его грамотности, а прежде всего уровнем потенциала ее культурной элиты. Отсюда – актуальность проблемы элитного образования, главной задачей которой и является производство интеллектуальной элиты.

ВВП развитых страны поднимается (и падает) пропорционально инвестициям в образование и науку. А в рамках образовательной системы наиболее эффективной, имеющей наибольшую отдачу для общества, является элитное образование. Лучшие, оптимальные инвестиции – не в продукты потребления, не в недвижимость, не в заводы, а в человека – субъект производства информации, ее переработки, в человека,

обладающего знаниями и производящего их. А для этого ему нужно образование самого высокого уровня – элитное образование.. Чем выше качество образования, полученного человеком, тем выше производительность его труда, раскрытие его творческого потенциала, уровень его отдачи обществу.

В информационном обществе передовой является та страна, которая создает оптимальные условия для развития талантов и способностей подрастающего поколения, которая создает систему максимально открытого элитного образования. В постиндустриальном, информационном обществе – обществе, где большинство членов общества заняты не в материальном производстве, а в производстве информации, услуг, в обществе экономики знаний в центре стоит информационный человек, а в иерархии элит все более видное место занимает элита знаний.

Задача страны информационного общества – создать равные стартовые возможности для молодого поколения. Это условие того, чтобы ни один потенциальный талант (а тем более потенциальный гений) не пропал, а смог бы реализовать свои способности на благо общества. Важно создание системы раннего выявления талантов и их точечная поддержка. Решение проблемы равенства и социальной справедливости в определенной степени решает проблема меритократии, когда элитные позиции занимают наиболее подготовленные, образованные люди, наиболее талантливые, честные, имеющие заслуги перед обществом.

Оптимальная модель элитного образования (во всяком случае, для России) должна быть социально ориентирована (иначе опять-таки неминуема потеря талантов – выходцев из малообеспеченной части населения). Поэтому оправдано различие элитарной (закрытой), и элитной (открытой) систем высококачественного образования. Отвечает ли наличие элитного образования принципам демократии? Да, если представители всех социальных страт населения имеют равные шансы попасть в учебные заведения самого высокого уровня, если туда открыт вход наиболее талантливым выходцам из всех слоев населения, если единственным критерием поступления в них являются знания и способности. Нет, если в элитных учебных заведениях преобладают выходцы из привилегированной части населения. Открытая система образования, ориентирующаяся на знания, таланты (меритократическая ориентация), наиболее соответствует современным демократическим воззрениям.

Как мы видели выше, элитное образование – часть общей системы образования, зависящая от нее. Поэтому для элитного образования безразлична политика государства в области образования в целом и элитного образования в особенности. Опыт развития мировой системы образования в последние десятилетия показывает, что в этой области должна формироваться гибкая система управления этим процессом (часто не прямая, а косвенная – в виде влияния), где отсутствует жесткая

централизация, где нужно добиваться баланса правительственных программ образования и региональных, местных программ.

Исследуя элитное образование, нельзя не отметить некоторые общие сдвиги в развитии современных образовательных систем. Пожалуй, раньше всего следует отметить рост финансовых вложений в образование в мире в целом и особенно в наиболее динамично развивающихся странах. Причем рост отмечается не только в абсолютных цифрах, но и в процентах к ВВП.. Собственно, развитие науки и образования ныне являются важными показателями влияния и мощи страны, (особенно если смотреть на эту мощь в динамике). Причем нетрудно обнаружить прямую зависимость между размерами финансирования образования теми или иными странами и темпами их социально-экономического развития; то есть вложения в образование оказываются наиболее эффективными с точки зрения социально-экономического прогресса.

Развивая систему элитного образования в России, стремясь повысить ее конкурентоспособность, мы изучаем опыт всех современных образовательных систем, особенно наиболее развитых стран. Наиболее социально ориентированная система образования, по нашему мнению, существует в настоящее время в странах северной Европы (Норвегия, Швеция, Финляндия, близкая система существует в ФРГ, Австрии), где элитное образование преимущественно бесплатное. Напротив, элитное образование в США (и в несколько меньшей степени в Великобритании) является наиболее дорогостоящим, и потому несправедливым по отношению к выходцам из малоимущих семей. Первая модель более близка пожеланиям российской молодежи, подавляющее большинство которой – сторонники бесплатного образования.

Различение элитной (открытой) и элитарной (закрытой) систем образования представляется нам плодотворным, оно корреспондирует с принципами социальной справедливости, оно оказывается эвристическим для выявления того, создает ли образовательная система равенство возможностей для всех членов общества, прежде всего, для молодежи, начинающей свою карьеру.

Подход социологов и политологов, отождествляющих элиту с политической элитой, односторонен; в иерархии элит первенство (и с гораздо большими основаниями) может быть отдано культурной элите, творцам культурных норм. Впрочем, мы не разделяем взглядов технократических теоретиков о суперэлите специалистов. Оптимальной представляется не жесткая иерархизация элит, а скорее система сетевых отношений между ними, система сдержек и противовесов, характерная для плюралистических структур.

Подлинная элита – это носители высокой культуры, нравственности, люди чести и совести, думающие прежде всего о благе народа, своей страны, человечества, люди креативные, внесшие наибольший вклад в прогрессивное

развитие общества. Элитное образование – это авангард образовательной системы, модель и образец для нее, поле для инноваций и экспериментов, которые поднимают всю образовательную систему на новый, более высокий уровень, отвечающий потребностям постиндустриального общества.

В центре образовательной системы стоит педагог. «Где второсортные учителя – там второсортная элита», справедливо писал М. Янг. Элитопедагог призван выявить индивидуальные способности, склонности ребенка; главная его задача – не пропустить его талант; индивидуальная программа обучения должна составляться в соответствии со скоростью усвоения материала тем или иным учащимся, только таким образом можно сделать каждое занятие интересным для ребенка, развивать его творческий потенциал.

Хотя тенденция к демократизации образования, вызвавшаяся в расширении доступа к элитному образованию, усилилась, приходится признать, что в настоящее время получение элитного образования остается привилегией немногих, часто не всегда лучших, талантливейших, что наносит огромный ущерб развитию общества, в том числе общественной морали.

Разрыв между школьным образованием и уровнем знаний, необходимых для успешной учебы в вузе, в России увеличивается. Этот разрыв чаще всего ликвидируется с помощью репетиторов, а для этого нужны немалые деньги. Поэтому нельзя сказать, что вузы аккумулируют самую талантливую молодежь. Туда попадают скорее самые обеспеченные. И единый государственный экзамен в этой ситуации – не спасенье. Когда сторонники ЕГЭ говорят, что благодаря ему наиболее способные ребята из провинции попадут в хорошие столичные вузы, они сильно лукавят. Попадут не столько способные, сколько обеспеченные ребята. Небогатые родители из далекой провинции не смогут содержать своего ребенка в столице, не смогут нанять репетиторов. Да и сможет ли молодой человек из далекой «глубинки» даже купить дорогостоящий билет на самолет в Москву или другой центр элитного образования (хотя бы на то, чтобы, если не сможет поступить в желанный вуз, иметь деньги для возвращения к себе домой)? Нам нужна «точечная» поддержка талантливой и способной молодежи, которая бы включала в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом, уже опробованным нами путем проведения конкурсов – региональных и общероссийских, олимпиад, присуждение грантов их победителям и призерам, чтобы они могли подготовиться для поступления в элитные вузы страны (особенно это касается помощи одаренным детям, талантливой молодежи, живущей не просто в провинции, а в небольших городах и селах, далеких от культурных центров).

Высокий уровень инновационной способности страны – условие и обобщенная характеристика ее конкурентоспособности. В мире идет острейшая конкуренция за людей, обладающих новаторскими качествами. Наша образовательная система, в особенности система элитного

стандартизация противопоказана элитным вузам.

Отношение к

ЕГЭ не может решить проблему справедливости в образовании, он ведет к формализации, а порой к примитивизации образования. Наука вариативна, на ряд вопросов нельзя дать однозначный ответ. Отбор талантов возможен только при вариативных ответах, где абитуриент может показать, что он умеет размышлять. В невыгодном положении оказываются наиболее оригинальные, нестандартные, творческие умы. Выигрывают те, кто дает стандартные ответы на тесты, ответы лишаются глубины. Экзамен в виде живого общения между экзаминатором и абитуриентом имеет сверхзадачу – выявить творческий потенциал экзаминирующегося. ЕГЭ не устранил коррупцию в образовании, а переведет ее на иной уровень – с вузовского на школьный, на единый экзамен. Репетиторство не исчезнет, а усилится, будет специализироваться на «натаскивании» абитуриентов на тесты ЕГЭ. Педагоги будут готовить учеников не к вступлению учеников в мир серьезных знаний, а учить их сдаче тестов. Опасность дальнейшего падения уровня образовательной системы.

Фундаментальные и

Университет должен ориентироваться на фундаментальное образование. Это – важнейший элемент классической (гумбольдтовской) модели университета (и конкурентное преимущество германо-российской системы образования). Отказ от него может привести к деградации

безболезненным?)

ЕГЭ

ЕГЭ поможет решить проблему социальной справедливости в российской образовательной системе. (Но в ряде стран существует единый экзамен, а не единое тестирование. Так, во Франции есть единый экзамен – на аттестат.) А для поступления в элитные университеты существует специальный прием, к которому поступающие готовятся (как во Франции) от двух лет и больше, причем система единого экзамена не является основным или хотя бы единственным фактором для поступления в вуз.

В США есть общий национальный тест на знание школьной программы. Он учитывается при вступлении в вуз, но элитные вузы принимают абитуриентов только с дополнительным собеседованием. Это полностью относится и к Англии.

Весьма поучительно, что опробовав в течение нескольких лет ЕГЭ и убедившись, что он понижает качество образования, японцы благоразумно отказались от него.

прикладные науки в университете

Университет должен перенести центр тяжести с фундаментального образования на прикладные науки («useful knowledge»), чтобы, иметь возможность гибко реагировать на торговую конъюнктуру, воспитывать лабильность, умение приспосабливаться к ситуации, сложившейся на рынке, в том числе на

университетского образования.

Цель

Воспитание всесторонне развитой, самостоятельной, творческой личности, ориентированной на инновации.

рынке образовательных услуг.

образования

Воспитание человека-функции, готового «здесь и сейчас» выполнять указания власть предержащих.

Какова точка зрения автора, думаю, ясно каждому, прочитавшему, пусть даже бегло, эту книжку.

В заключение скажем, что мы полностью согласны с глобальной образовательной программой ЮНЕСКО, которая исходит из того, что образование должно быть широко доступно для всех, оно должно быть бесплатным для тех, кто талантлив и готов преодолеть любой конкурс.

